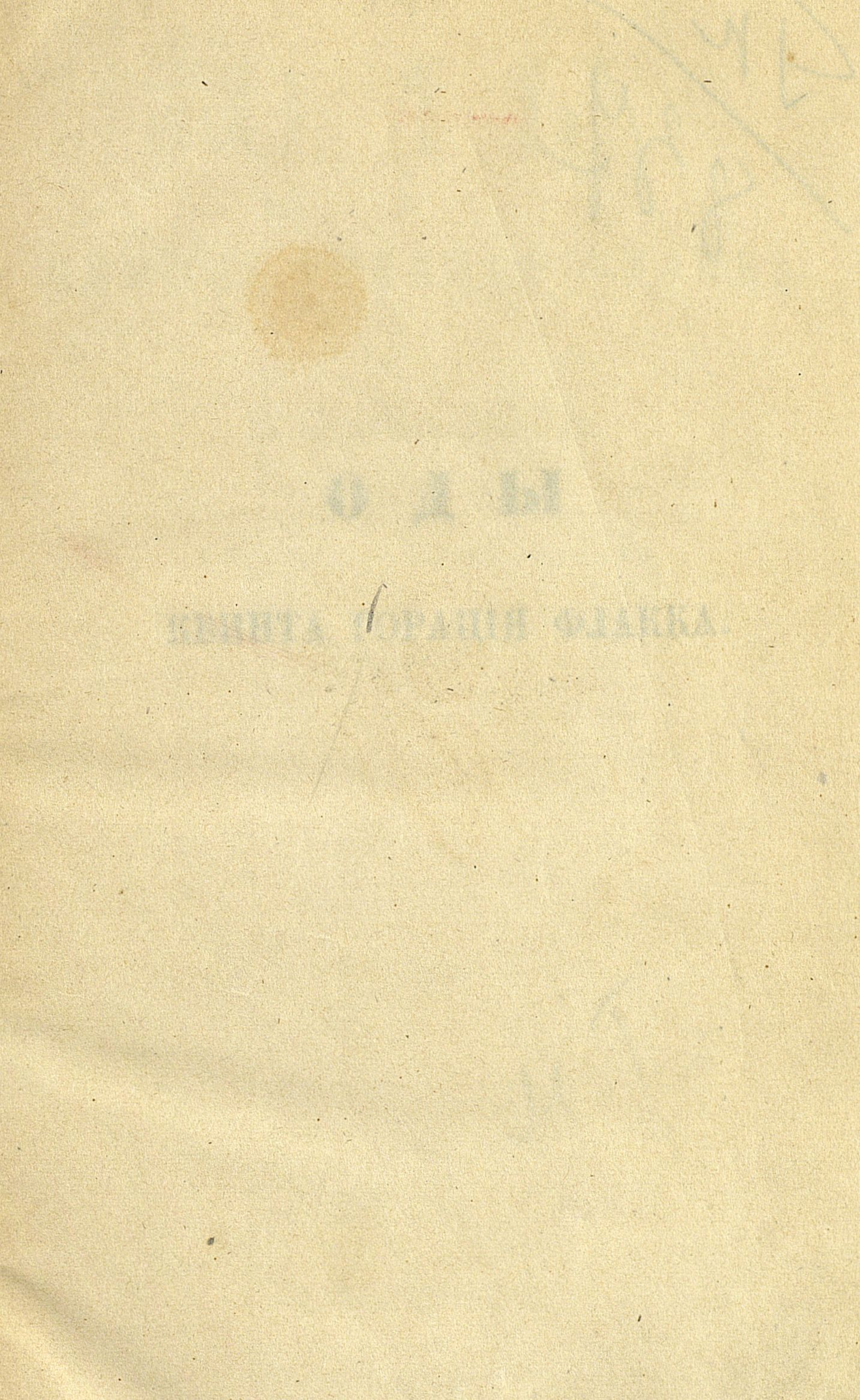

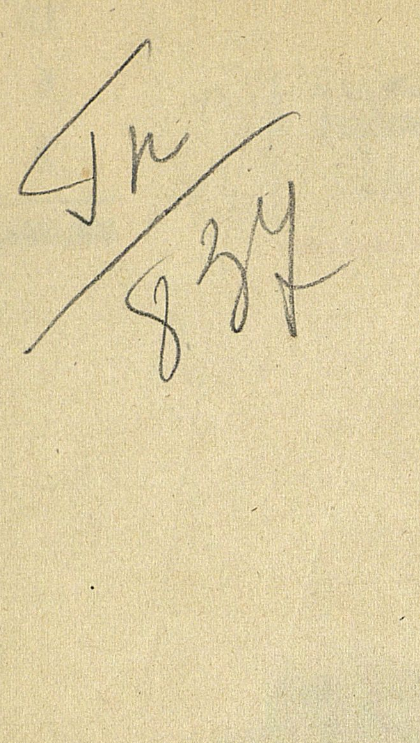

ОДЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

Флакк Квинт Гораций

ОДЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

А. ФЕТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Марта 16 дня 1856 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ВЪ ТИПОГРАФIИ КОРОЛЕВА И КОМП.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

трудъ свой

посвящаетъ

вѣрноподданный

А. ФЕТЪ.

ОДЫ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

Квинтъ Горацій Флаккъ, какъ онъ самъ о томъ говоритъ и какъ повѣствуетъ Светоній, родился 8-го декабря, во время консульства Аврелія Котты и Манлія Торквата, слѣдовательно въ 65 году до Р. Х., или въ 689 году отъ основанія Рима. Онъ образовался и возмужалъ въ ту, благопріятную для его таланта, переходную эпоху римской жизни, когда всѣ безпорядки междоусобицъ, всѣ, такъ-сказать, чужеядные наросты распадавшагося и дряхлаго тѣла римской республики принуждены были исчезнуть подъ владычествомъ Августа и въ то же время великіе зачатки римской силы не успѣли еще заглохнуть среди стремленій къ жизни внѣшней, блестящей съ виду, но пустой по содержанію, и когда еще свѣжо было воспоминаніе о тѣхъ великихъ образцахъ доблести, которые въ душѣ каждаго римлянина возбуждали втайнѣ соревнованіе.

Родина Горація—Венузія, или Венузій, блестящая римская колонія. Во время послѣднихъ смутъ, границы провинцій такъ невѣрно были обозначены, что Горацій самъ не знаетъ, считать ли ему себя апулійцемъ или луканцемъ. Марціалъ считаетъ Калабрію его родиной. Сосѣдняя гора Вультуръ, быстрый потокъ Ауфида и красивыя окрестности мѣсторожденія поэта, произвели на него живое впечатлѣніе въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Читатель легко замѣтитъ тайное влеченіе, по которому Горацій постоянно въ одахъ своихъ обращается къ картинамъ природы, окружавшимъ его дѣтство. Такъ въ кн. III, од. 4, с. 9 онъ описываетъ видѣніе, посѣтившее его въ отрочествѣ на горѣ Вультурѣ.

Не будемъ низводить на степень обыденной возможности этого событія и спрашивать, въ какой мѣрѣ оно справедливо. Довольно того, что Горацій самъ разсказываетъ, какъ окрестные жители застали его на Вультурѣ, въ лѣсу, спящимъ и окруженнымъ голубями, которые накрыли его миртовыми и масличными вѣтвями, и какъ этотъ случай заставилъ зрителей видѣть въ немъ богами избраннаго ребенка.

Отецъ Горація, вольноотпущенный, замѣтивъ способности сына, оставилъ свое небольшое имѣніе въ Апуліи и отправился въ Римъ.

II.

Чтобъ имѣть средства воспитывать сына, онъ купилъ публичную должность и употреблялъ все стараніе, развивать въ отрокѣ умъ и сердце и дать ему возможность, по хорошей одеждѣ и многочисленной прислугѣ, быть въ сношеніяхъ съ лучшей молодёжью того времени. На 18-мъ году Горацій отправился въ Аѳины. Тамъ изученіемъ геометріи онъ приготовился къ дальнѣйшимъ урокамъ философовъ и академиковъ и имѣлъ случай познакомиться съ соотечественниками своими: Цицерономъ, Бибуломъ, Варомъ и другими. Такъ пробылъ онъ въ Греціи до смерти Юлія Цезаря (710 г.).

Въ началѣ слѣдующаго, 711, года Брутъ отправился съ войскомъ въ Македонію. За нимъ послѣдовалъ и 23-лѣтній Горацій въ качествѣ трибуна легіона. Но въ концѣ 712 г. (въ 42 г. до Р. Х.) двойное сраженіе при Филиппахъ рѣшило судьбу Брута и Кассія. Послѣ перваго, Кассій, принявшій брутовы легіоны за непріятельскіе, лишилъ себя жизни, послѣ втораго закололся и Брутъ; а что во второмъ сраженіи сдѣлалъ Горацій, про то онъ разсказываетъ самъ (см. к. II. од. 7): онъ бѣжалъ.

Хотя побѣжденные получили позволеніе возвратиться въ отечество, но многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ другъ Горація, Помпей Гросфъ, отправились съ Секстомъ Помпеемъ въ Сицилію. Но Горацій воспользовался позволеніемъ и воротился въ Италію въ 713 году. Можетъ-быть, на этомъ переѣздѣ вытерпѣлъ онъ бурю у скалы Палинурской.

Отца своего Горацій не засталъ въ живыхъ, а имѣніемъ его распорядились тріумвиры. Такое затруднительное положеніе пробудило поэтическія силы Горація; онъ сталъ искать славы. Первыя произведенія поэта: эподы и сатиры, по нетерпимости ихъ духа, по рѣзкости, съ какой онъ бичуетъ современниковъ, были весьма-неблагосклонно приняты толпой, но за-то поэты Виргилій и Варій приняли его въ числѣ друзей своихъ и въ 715 г. представили Меценату.

К. Цинлій Меценатъ, преданный и осторожный другъ Августа, по характеру и положенію принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ личностямъ своего времени. Происходя отъ старинной этрусской фамиліи и обладая огромнымъ богатствомъ, онъ не выдвинулся изъ среды гражданской жизни никакимъ блестящимъ внѣшнимъ подвигомъ и, чуждый честолюбія, постоянно отстранялъ отъ себя всѣ высшія степени публичныхъ должностей.

Такимъ-образомъ онъ во всю жизнь остался всадникомъ (eques). Но за-то, чѣмъ незамѣтнѣе была его публичная жизнь, тѣмъ бóльшее вліяніе имѣла его частная, такъ-сказать домашняя дѣятельность на весь ходъ тогдашнихъ дѣлъ. Хитрый, положительный, уклончивый, онъ былъ необходимымъ другомъ и совѣтникомъ Октавіана. Меценатъ уговорилъ Августа не слагать съ себя порфиры, и отчасти благодаря его совѣтамъ, бывшій тріумвиръ является кроткимъ, мудрымъ монархомъ, покровителемъ искусствъ.

Когда Виргилій и Варій въ первый разъ представили поэта нашего Меценату, то Горацій, по врожденной робости и неразвязности, произвелъ на вельможу неслишкомъ для себя выгодное впечатлѣніе; но несмотря на то, чрезъ девять мѣсяцевъ Меценатъ пригласилъ его снова, и съ-тѣхъ-поръ принялъ его въ число друзей.

Многіе писатели пытались то съ той, то съ другой стороны отъискивать унизительныя наклонности въ характерѣ Горація. Еслибъ подобныя обвиненія и были справедливы, то это ни на волосъ не уменьшило бы достоинства его созданій; и если мы стараемся познакомиться съ его личностью, то только съ цѣлью понять, какимъ образомъ его произведенія родились и органически развились на этой почвѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, живописна ли она съ извѣстной точки зрѣнія. Но зачѣмъ же клеветать и клеветать безъ всякаго основанія?

Всѣ отношенія Горація къ Меценату и со-временемъ къ Августу были, несмотря на всю короткость, чрезвычайно-тонки. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что поэтъ нашъ, несмотря на предлагаемыя ему почести и богатства, во всю жизнь довольствовался малымъ и, какъ стоикъ, этимъ гордился. Между-тѣмъ отношенія его къ Меценату становились все тѣснѣй; и когда въ 717 году, послѣдній отправился въ Брундузій, съ цѣлью примирить Антонія съ Октавіаномъ, что Горацій сопутствовалъ своему другу. Тутъ поэтъ въ первый разъ жалуется на глазную боль, которою страдалъ впослѣдствіи. Страстный поклонникъ природы, одаренный художнической способностью подмѣчать самыя сокровенныя красоты ея, Горацій постоянно стремился къ жизни мирной и къ деревенской тишинѣ. Наконецъ, въ 721 году, Меценатъ подарилъ ему виллу, въ Сабиніи, въ четырехъ миляхъ на сѣверъ отъ Тибура (нынѣшняго Тиволи).

Первые годы, проведенные имъ въ Сабиніи, были лучшею эпохою его жизни. Красивая вилла изъ бѣлаго камня построена была въ цвѣтущей долинѣ между горой Лукретиломъ и холмомъ Устикою, невдалекѣ отъ ключа Бандузія. На сѣверъ къ Тибуру и рѣкѣ Аніо рисовался тибурскій лѣсъ. Горацій держалъ управителя (villicus) и восемь рабовъ. Умѣренный въ желаніяхъ, довольный судьбой, 33 лѣтъ отъроду, въ полномъ развитіи таланта, онъ жаждалъ любви, и тутъ судьба улыбнулась ему, пославъ ему нѣжную, добрую, преданную Цинару, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Лалаги. Недолго красавица дарила счастіемъ нашего поэта: она скоро умерла. Никогда Горацій не могъ забыть ея прекраснаго образа, и по смерти ея онъ называлъ ее уже Цинарой. Многими красавицами увлекался впечатлительный Горацій: еще до знакомства съ Цинарой; онъ почти-единовременно любилъ Инахію и Нееру, вспоминалъ о Мирталѣ, измѣнялъ впослѣдствіи Лидіи для Хлои, насмѣхался надъ Ликой, пѣвалъ въ два голоса съ Лидой, плѣнялся Глицерой и окончилъ свои любовныя похожденія, уже въ старости, отношеніемъ къ Филлидѣ.

Не разъ воспламенялось его любящее сердце; но юной, преданной Цинары не могъ онъ позабыть. Можно упрекнуть Горація въ непостоянствѣ; но въ другихъ отношеніяхъ его упрекнуть нельзя. Развернувъ наудачу сочиненія его, трудно не попасть на одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ на испорченность нравовъ своего вѣка, и только въ самодержавіи Августа видитъ единственную возможность избавленія отъ всѣхъ бѣдствій и преступленій. Вездѣ онъ проповѣдуетъ ненарушимость древнихъ обычаевъ, до небесъ возноситъ первобытную простоту и святость брачныхъ отношеній. Если онъ самъ искалъ зна-

комства греческихъ либертинъ, то въ этомъ онъ только заплатилъ дань вѣку. Древніе римляне вступали въ бракъ безъ сердечнаго влеченія; жены ихъ были мало образованы — удивительно ли, что поэты времени Горація, воспитанные въ духѣ эпикурейскомъ, у которыхъ, вслѣдствіе изученія греческихъ образцовъ, и образъ мыслей получилъ неизгладимые слѣды направленія ихъ сосѣдей и предшественниковъ — удивительно ли, что эти римляне посѣщали гречанокъ, блиставшихъ всѣми приманками утонченнаго образованія?

Меценатъ, полюбившій Горація, представилъ его въ скоромъ времени Октавіану, и оды нашего поэта, въ-особенности IV книга, явно показываютъ, съ какимъ восторгомъ онъ смотрѣлъ на восходящее свѣтило.

Горацій принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые черпаютъ вдохновеніе непосредственно изъ жизни, а потому въ его произведеніяхъ можно прослѣдить за всѣми современными явленіями. Въ нихъ отразились всѣ событія отъ филиппинской битвы, Акціума и походовъ Друза и Тиверія до сооруженій храмовъ и до тріумфальныхъ шествій. Хронологическій перечень произведеній поэта, замедливъ ходъ разсказа, мало, по мнѣнію нашему, поможетъ намъ ознакомиться съ его личностью. Тихо, на лонѣ любимой имъ природы протекала жизнь Горація. Нерѣдко отягченный политическими заботами, Меценатъ искалъ отдохновенія у своего безпечнаго, музами любимаго друга. Но здоровье начало измѣнять Горацію. Часто страдалъ онъ глазною болѣзнью, иппохондріей и подагрой, вслѣдствіе чего пользовался теплыми купаньями въ Баіѣ и Кумахъ. Горацій былъ небольшаго роста, полонъ, съ черными глазами и волосами, но сталъ сѣдѣть преждевременно, такъ-что подъ сорокъ лѣтъ совершенно посѣдѣлъ.

Въ октябрѣ 746 года Горацій лишился своего друга, Мецената. Когда вспомнимъ 17 оду II книги, то насъ поражаетъ это грустное ясновидѣніе, которое многимъ поэтамъ такъ опредѣлительно указывало на ихъ послѣднія минуты. Не даромъ латинскій языкъ обозначилъ ихъ словомъ: vates (вѣщій), не даромъ Гёте говоритъ: Sag Poete, sag Prophete. Горацій только нѣсколькими днями пережилъ Мецената. Онъ умеръ 27-го ноября 746 года, 57 лѣтъ отъ-роду и погребенъ рядомъ съ Меценатомъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КЪ МЕЦЕНАТУ [1].

Ода I.

О, Меценатъ, царей древнѣйшихъ порожденье,
Мое сокровище, оплотъ и украшенье!
Иному радостно, что олимпійскій прахъ [2],
Не трогая меты, на жаркихъ колесахъ
Онъ можетъ подымать, и пальмою надменной
Возвышенъ до боговъ, властителей вселенной;
Тому, коль вѣтренной квиритскою толпой
Онъ предназначенъ вновь для почести тройной;
Другому, коль собрать онъ въ житницы успѣетъ
Все то, что на поляхъ ливійскихъ [3] ни созрѣетъ;
Взлюбившаго бразды отеческихъ полей
Сокровищами всѣхъ пергамскихъ богачей [4]
Не увлечешь во вѣкъ, чтобъ въ страхѣ непогоды
Онъ путь пробороздилъ кормиломъ черезъ воды.
Купецъ, испуганный свирѣпостью вѣтровъ,
Намъ выхваляетъ лѣнь родимыхъ береговъ
И мирныя поля; но скоро суетится
У сломленныхъ снастей: онъ бѣдности боится!
Иному весело за чашей круговой
Массійскаго вина, безпечно день-деньской
Лежать раскинувшись подъ вишней наклоненной,
Иль у священныхъ водъ Наяды полусонной.

---

[1] Эта ода написана въ 732 г. отъ О. Р. (22 г. до Р. Х,), когда Горацій поднесъ Меценату три первыя книги одъ.

[2] Во время Горація знатные римляне посѣщали олимпійскія игры, стараясь пріобрѣсть на нихъ вѣнецъ побѣды.

[3] Ливія—часть Африки между Эѳіопіей и Атлантическимъ Океаномъ, употреблена вмѣсто цѣлой Африки.

[4] Аттала, завѣщавшаго Риму несметныя сокровища.

Премногимъ нравится шумъ лагерный и зыкъ
Роговъ и трубъ, войны неистовый языкъ,
Противный матерямъ [1]... Подъ хладной тучей снѣжной
Охотникъ о женѣ не вспоминаетъ нѣжной,
Коль псами вѣрными лань слѣдомъ поднята,
Иль бѣшеный кабанъ прорвался въ тенета.
Меня жь — зеленый плющъ, премудраго награда,
Равняетъ божествамъ, меня лѣсовъ прохлада,
Да хоры легкихъ Нимфъ и Фавновъ при лунѣ
Возносятъ надъ толпой, доколь по старинѣ
Эвтерпа флейту мнѣ звончатую даруетъ
И Полигимнія съ ней лиру согласуетъ.
Коль ты жь меня почтешь лирическимъ пѣвцомъ,
Я вознесусь до звѣздъ торжественнымъ челомъ.

КЪ ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ [2].

Ода II.

Довольно ужь Отецъ [3] и градомъ и снѣгами
Всю землю покрывалъ, ничѣмъ неумолимъ:
Ужь подъ его рукой, краснѣющей громами,
Трепещетъ древній Римъ;
Трепещетъ и народъ, чтобъ пиррину [4] годину,
Исполненную чудъ, опять не встрѣтилъ взоръ,
Тотъ вѣкъ, когда Протей погналъ свою скотину
Смотрѣть вершины горъ,
И рыба втерлась тамъ въ вязовыя вершины,
Гдѣ горлицѣ лѣсной была знакома сѣнь,
И плавалъ посреди нахлынувшей пучины
Испуганный олень.
Мы видѣли, какъ Тибръ, поворотя теченье,
Съ этрусскихъ береговъ, желтѣющей волной

(1) Непонимающимъ опасностей, которымъ сыновья подвергаются на войнѣ.
(2) Трудно съ достовѣрностью опредѣлить годъ, когда сочинена эта ода; но всего вѣроятнѣе, она относится къ 727 году, когда Октавій принялъ титулъ Августа, за день до наводненія въ Римѣ, отъ разлившагося Тибра.
(3) Отецъ боговъ и людей, и просто: отецъ, Юпитеръ.
(4) Наводненія при Девкаліонѣ и Пиррѣ.

На памятникъ царя ([1]) направилъ разрушенье,
    На Весты храмъ святой...
Стенаньемъ Иліи ([2]) на мщенье ополченный,
Онъ лѣвымъ берегомъ, волнуяся, потёкъ,
Потёкъ наперекоръ властителю вселенной ([3]) —
    Супружескій потокъ.
Да! нѣкогда, про мечъ ([4]), покрытый кровью брата,
Назначенный блистать побѣдой надъ врагомъ,
Услышитъ молодежь, отъ отчаго разврата
    Ужь малая числомъ.
Какое божество молить — и кто поможетъ
Народу изо всѣхъ, въ превратностяхъ судьбы?
Какая пѣсня жрицъ заставитъ Весту можетъ
    Дѣвичьи внять мольбы?
Гдѣ очиститель, намъ Юпитеромъ избранный?
Но ты же все пріиди, моленіемъ смягченъ,
Увивши рамена одеждою туманной,
    Вѣщатель Аполлонъ!
Сойди, блестящая улыбкой Эрицина ([5]),
Тебя Амуръ и Смѣхъ сопровождаютъ въ путь,
Иль удостой на чадъ возлюбленнаго сына
    Самъ праотецъ ([6]) взглянуть!
Увы! насытился кровавою игрою
Ты, любящій шеломъ воинственный и крикъ
И Мавра ([7]) пѣшаго надъ вражьей головою
    Ожесточенный ликъ.
Склонись, сынъ Маи, станъ съ проворными крылами

([1]) Дворецъ Нумы Помпилія.

([2]) Извѣстный миѳъ объ Иліи, или Реѣ Сильвіи. Родивши Ромула отъ Марса, она брошена была Амуліемъ въ Тибръ, отчего этотъ потокъ, въ отношеніи къ ней, названъ супружескимъ.

([3]) Юпитеръ, патронъ римскаго народа, могъ захотѣть устрашить, но не погубить Римъ.

([4]) У Горація должно на-лету ловить связь и отношеніе отдѣльныхъ частей одъ; здѣсь онъ вдругъ переходитъ къ бѣдствіямъ гражданскихъ войнъ, которыхъ никакъ забыть не можетъ. «Мы наказаны», говоритъ онъ, «наводненіемъ за междоусобія, о которыхъ наши потомки будутъ вспоминать».

([5]) Одно изъ именъ Венеры.

([6]) Марсъ.

([7]) Мавры — народъ воинственный въ Западной Африкѣ, у подошвы Атласа, въ сосѣдствѣ нумидійцевъ.

На образъ юноши земной перемѣнить [1]:
Мы будемъ признавать, что избранъ ты богами
За Цезаря отмстить [2].
Надолго осчастливь избранный градъ Квирина [3],
Да не смутитъ тебя гражданъ его порокъ
И поздно ужь отъ насъ подыметъ властелина
Летучій вѣтерокъ.
Тріумфы громкіе и славное прозванье
Владыки и отца принять не откажи,
И Мида [4] коннаго строптивое возстанье
Ты, Цезарь, накажи.

КЪ КОРАБЛЮ, ВЕЗУЩЕМУ ВЪ АѲИНЫ ВИРГИЛІЯ [5].

Ода III.

Богиня [6] Кипра твой да сохраняетъ путь,
Елены братія [7], блестящія свѣтила,
И самъ отецъ вѣтровъ, не позволяя дуть
Всѣмъ прочимъ, одному Япигѣ [8] давши крыла.
Тебя, которому Виргилій ввѣренъ самъ,
Молю тебя, корабль, снеси черезъ пучину
Его мнѣ бережно къ аттическимъ брегамъ
И сохрани души другую половину.
Могучій — тотъ рожденъ былъ съ мѣдію тройной
Вкругъ груди, кто спустилъ въ бушующее море
Впервые утлый челнъ, не устрашась душой
Ни злаго Африка [9], что̀ съ Аквилономъ въ спорѣ,

---

(1) Горацій проситъ Меркурія, отбросивъ крылья, принять образъ юноши Августа.
(2) За убіеніе Юлія Цезаря.
(3) Квиринъ—прозваніе Ромула, носившаго дротикъ, называемый quiris.
(4) Миды, мидяне, парѳы, персы — постоянные враги Рима.
(5) Время сочиненія оды этой относятъ къ 735 году, когда Виргилій уѣзжалъ въ Грецію, чтобъ заняться окончательной обработкой «Энеиды».
(6) На островѣ Кипрѣ особенно чтили Венеру, оттого: Киприда.
(7) Леда произвела отъ Юпитера два яйца; изъ одного изъ нихъ вышла Елена и Клитемнестра, а изъ другаго Касторъ и Поллуксъ, которыхъ созвѣздіе охраняло мореходцевъ.
(8) Западный вѣтеръ.
(9) Африкъ—южный вѣтеръ, сопровождаемый ужасными бурями; Аквилонъ—сѣверный.

Ни плачущихъ Гіадъ (1), ни Нота мощныхъ крылъ,
Который равнаго соперника не знаетъ,
И море изо всѣхъ вѣтровъ поработилъ
Вздымаетъ ли волну, иль волны укрощаетъ.
Какихъ мучительныхъ не ждалъ себѣ смертей,
Кто взоромъ, блещущимъ испытанностью давней,
Видалъ пловучія чудовища морей
И пресловутый твой утесъ, Акрокеравній (2)!
Вотще премудрый богъ рѣшилъ разъединить
Брега между собой широкимъ океаномъ,
Коль святотатственный челнокъ перескочить
Дерзнулъ чрезъ глубину въ насмѣшку ураганамъ.
Въ безумствѣ дерзостномъ отважный родъ людской
Пускается на все, не вѣдая запрета;
Божественный огонь коварностію злой
Похитилъ для людей отважный сынъ Япета... (3)
Съ небесъ похищенный огонь съ собой навлекъ
На землю дряхлости болѣзненной припадки,
И, жизни сократя необходимый срокъ,
Толпой нахлынули впервые лихорадки (4).
Дедалъ (5) отважился на крыльяхъ нелюдскихъ
Пустыни зыбкія извѣдать небосклона;
Трудъ геркулесовскій завѣтнаго достигъ,
Прорвавшись наконецъ до мрака Ахерона (6).
Нѣтъ неприступнаго для смертныхъ ничего:
Мы въ небо просимся, безуміемъ влекомы,
И не хотимъ мы дать мгновенья одного
Зевесу положить карающіе громы.

---

(1) Восхожденіе и захожденіе созвѣздія Гіадъ сопровождались дождями; южный же вѣтеръ Нотъ болѣе всѣхъ тревожитъ Адрій (Адріатическое Море), потому-что прочіе вѣтры слабѣютъ, пролетая по землямъ.

(2) Отъ *ακροσ*— высокій, *κεραυνοσ*, молнія — утесъ въ Эпирѣ нынѣ: il Monte dellahi mera.

(3) Прометей сынъ Титана Япета и Нимфы Азіи.

(4) Люди благой даръ Прометея—огонь—употребили во зло и тѣмъ навлекли на себя болѣзни и преждевременную смерть.

(5) Дедалъ, сынъ аѳинянина Эвполема, улетѣлъ съ сыномъ своимъ Икаромъ съ острова Крита; но Икаръ, приблизясь слишкомъ къ солнцу, отчего восковыя крылья его растаяли, упалъ въ Эгейское Море, получившее съ-тѣхъ-поръ названіе Икарскаго.

(6) Изъ всѣхъ двѣнадцати трудовъ Геркулеса самый тяжелый — нисхожденіе во адъ.

КЪ Л. СЕКСТУ (1).

Ода IV.

Ужь строгая зима отъ вешнихъ устъ слетѣла,
И вновь бѣжитъ вода съ изсохшаго руля;
Нѣтъ стойла у скота, огня у земледѣла,
И бѣлымъ инеемъ не устланы поля.
Венера при лунѣ ужь хороводы водитъ,
И скромно Граціи, при Нимфахъ въ землю бьютъ
Пятой искусною, а самъ Вулканъ (2) разводитъ
Огни, сулящіе Циклопамъ новый трудъ...
Пахучіе власы, пора, иль миртомъ юнымъ,
Иль съ тающей земли цвѣтами перевить,
И Фавну въ рощицѣ ягненка съ бѣлымъ руномъ,
Иль, еслибъ предпочелъ, козленка приносить.
Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и терема царей.
О, Секстъ! нельзя намъ жить съ надеждою большою:
Тебѣ грозитъ ужь ночь и темный міръ тѣней!
Въ дому плутоновомъ не будешь ты главою
Попойки радостной, на царскомъ мѣстѣ сѣвъ (3);
Не будетъ Лицидасъ прельщать тебя красою,
Отрадой юношей и близкимъ счастьемъ дѣвъ.

КЪ ПИРРѢ (4).

Ода V.

Кто этотъ красавецъ, скажи мнѣ, о Пирра!
Что̀ въ гротѣ прохладномъ, на ложѣ изъ розъ,
Облитъ благовоньемъ, тобою пылаетъ —
А ты распускаешь небрежно предъ нимъ

---

(1) Ода эта написана около 732 года къ Люцію Сексту (или Сесту), богачу-пріятелю Горація, съ которымъ онъ былъ знакомъ со временъ Брута.

(2) Вулканъ, богъ огня, съ наступающимъ лѣтомъ принимается за работу.

(3) Римляне избирали по жребію главу пира, называвшагося царемъ торжества.

(4) Римляне, воспѣвая женщинъ, никогда не называли ихъ собственными именами, а брали имя одной мѣры. Предполагаютъ, что эту оду Горацій написалъ къ Лидѣ, 721 года, за которой онъ посылаетъ II. 11. 24.

Златистую косу? Увы! сколько вѣрность
Твою и боговъ перемѣнчивость тотъ
Оплакивать будетъ, смотря съ удивленьемъ
На волны, подъятыя черной грозой,
Кто нынѣ въ забвеньи горитъ тобой, дѣва,
Надѣясь на вѣрность твою и любовь...
Увы! онъ не знаетъ, что вѣтры бываютъ
Порой перемѣнчивы: горе тому,
Предъ кѣмъ ты, коварная, блещешь! А мнѣ ужь
Доска возвѣщаетъ съ священной стѣны (1),
Что влажныя ризы пловца, по обѣту,
Повѣшены мной передъ богомъ морей.

КЪ ВИПСАНІЮ АГРИППѢ (2).

Ода VI.

Тебя пѣть Варію (3), герой непобѣдимый!
Стиховъ Меоніи (4) орелъ — онъ скажетъ намъ
Что̀ воинъ совершалъ тобою предводимый
Верхомъ иль по волнамъ.
А я, Агриппа, малъ на это отъ природы:
Ни Пелеида (5) гнѣвъ жестокій не спою,
Ни Одиссея бѣгъ двоякій черезъ воды,
Ни Пелопса семью (6).

---

(1) Поэтъ говоритъ о спасеніи своемъ отъ опасной любви къ Пиррѣ, примѣняя къ своему положенію обычай спасавшихся отъ кораблекрушенія, вѣшать въ храмѣ бога-избавителя платье съ доскою, на которой изображался или описывался случай избавленія.

(2) Эта ода, по словамъ Вебера, относится къ 718 году, когда Агриппа, бывшій прежде извѣстенъ успѣхами на Рейнѣ, одержалъ побѣду надъ С. Помпеемъ.

(3) Горацій, прославляя Агриппу, повидимому считаетъ себя недостойнымъ воспѣвать такого героя и предоставляетъ этотъ трудъ другу своему Варію, извѣстному эпику и трагику временъ Августа.

(4) Меоніей древніе называли Лидію и сосѣднюю Іонію, родину Гомера.

(5) Пелеидъ, сынъ Пелея, Ахиллесъ. «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». «Иліада», пер. Гнѣд. I, 1.

(6) Пелопса домъ отличается трагическими событіями. Пелопсъ самъ былъ причиною смерти тестя своего. Сыновья его и жены его, Гипподаміи, убили Хризиппа, сына Пелопса и Нимфы Астіохи. Гипподамія сама лишила себя жизни; Атрей умертвилъ дѣтей брата своего Тіеста; Эгистъ, сынъ Тіеста, убилъ Атрея; Агамемнонъ, внукъ Атрея, умерщвленъ женой своей, Клитемнестрой, убитой, въ свою очередь, Орестомъ, сыномъ Агамемнона. Осталась одна Электра оплакивать гибель своего рода.

Мнѣ стыдно унижать, не слушая сознанья
И музы, давшей мнѣ напѣвъ небоевой,
Твои и Цезаря великаго дѣянья
Убогою хвалой.
Кто воспоетъ, ка̀къ Марсъ блеститъ въ бронѣ алмазной,
Ка̀къ черенъ весь въ пыли троянской Меріонъ (1)?
Иль какъ Тидидъ (2) вездѣ въ борбѣ разнообразной
Палладой вознесенъ?
А я пою пиры, да дѣвъ, въ жестокомъ гнѣвѣ
На юношей въ бою острящихъ ноготь свой;
Хоть будь свободенъ я, хоть пламенѣй я къ дѣвѣ —
Таковъ обычай мой.

КЪ МУНАЦІЮ ПЛАНКУ (3).

Ода VII.

Хва̀лятъ иные Родосъ знаменитый или Митилену (4),
Или Эфезъ, и морскаго Коринѳа (5)
Стѣны, иль вакховы Ѳивы, или аполлоновы Дельфы
Славныя, или Ѳессалійскія Темпы (6);
Только заботы другимъ цѣломудрой Паллады столицу (7)
Пѣснею вѣчною славить и столько
Щипанной всѣми себѣ увѣнчивать кудри оливой!
Многіе хвалятъ, во славу Юноны,
Громкій конями Аргосъ, да Микены богатыя златомъ (8).
Мнѣ же не нравится такъ Лакедѣмонъ,

(1) Союзникъ критскаго царя Идеменея.

(2) Діомедъ, сынъ Тидея, любимецъ Паллады (Минервы).

(3) А. Мунацій Планкъ, къ которому Цицеронъ написалъ нѣсколько писемъ, родился въ Тибурѣ. Онъ попеременно сражался подъ знаменами Антонія, отъ котораго потомъ перешелъ къ Октавію и расточительно провелъ остатокъ жизни своей въ Римѣ. Вотъ одна изъ причинъ, но которой стихотвореніе это относятъ къ 714 году, ко времени военнаго поприща Планка, когда Горацію можно было убѣждать его утѣшиться виномъ — совѣтъ, который впослѣдствіи былъ бы безполезенъ.

(4) Родосъ славился торговлей и искусствами: Митилена, на островѣ Лесбосѣ, извѣстна была красотою мѣстности и зданій.

(5) Коринѳъ между двухъ морей, Эгейскаго и Іоническаго.

(6) По Темпейской Долинѣ между Олимпомъ и Оссой протекалъ Пеней.

(7) Аѳины.

(8) Аргосъ, Микены и Спарта, любимые города Юноны.

Преданный строгимъ трудамъ, ни поля плодоносной Ларисcы (1),
Какъ говорливый чертогъ Албунеи (2)
Аніо быстротекущій, да роща Тибура и влажный (3),
Трепетный брегъ плодовитаго сада.
Какъ нерѣдко и Нотъ (4) сгоняетъ съ туманнаго неба
Тучи, невѣчно дождями чреватый,
Такъ подумай и ты прекратить, разсудительный Планкъ мой,
Всякія скорби и трудности жизни
Нѣжнымъ виномъ: задержали ль тебя золоченые знаки
Лагеря, или широкою тѣнью
Твой Тибуръ приманитъ. Покидая отца въ Саламинѣ,
Тевкръ (5) однакожь все — по разсказу —
Тополемъ свѣжимъ чело окропленное Вакхомъ увивши,
Такъ къ печальнымъ друзьямъ обратился:
Счастье добрѣе отца! какой оно путь намъ укажетъ,
Такъ и пойдемте, товарищи, други;
Что сокрушаться, коль Тевкръ предводитель и Тевкръ предвѣщатель.
Самъ Аполлонъ обѣщалъ непремѣнно
Въ новой странѣ потемнить Саламина давнишнюю славу.
О! достойные, много со мною
Горя терпѣвшіе мужи, виномъ прогоните печали...
Завтра опять въ безпредѣльное море.

КЪ ЛИДІИ (6).

Ода VIII.

Скажи, о Лидія, во имя всѣхъ боговъ,
Зачѣмъ въ любви сгубить ты ищешь Сибарина?

---

(1) Ларисса, въ Ѳессаліи, отличалась плодородіемъ.

(2) У источника того же имени, близь Тибура, былъ храмъ Нимфы Албунеи.

(3) Тибуръ основанъ на берегу р. Оніо аргивцемъ Тибуромъ, или Тибурномъ, въ сѣверной части Лаціума, въ 16 миляхъ отъ Рима, и славился плодородіемъ и красотой мѣстности, по причинѣ множества ручьевъ, орошающихъ его поля. Горацій часто упоминаетъ о немъ.

(4) Нотъ (см. 1. 3. 13).

(5) Тевкръ, изгнанный отцомъ своимъ Теламономъ, царемъ саламинскимъ, за то, что онъ противъ отцовскаго повелѣнія вернулся изъ-подъ Трои безъ брата Аякса, отправился на островъ Кипръ и основалъ, согласно прорицанію Аполлона, городъ, который назвалъ Саламиномъ же.

(6) Кто эта Лидія и когда написано это стихотвореніе, которое Кирхнеръ относитъ къ 727 году — достовѣрно неизвѣстно; вѣрно только, что она не была любовницей Горація.

Зачѣмъ чуждается сообщества борцовъ
Сноситъ и пыль и жаръ привыкшій какъ мужчина?
Зачѣмъ не скачетъ онъ съ отвагой боевой
Межъ сверстниковъ, коня изъ Галліи тѣнистой
Могуче укротя колючею уздой —
И Тибръ его страшитъ волною золотистой? (1)
Зачѣмъ, какъ ядъ, ему противенъ сталъ елей (2),
И руки властвовать оружіемъ не стали?
А прежде у него копье и дискъ вѣрнѣй
На славу изо всѣхъ за цѣль перелетали.
Зачѣмъ онъ прячется какъ-будто предъ войной
Троянской, по словамъ преданья, сынъ Пелея (3),
Боясь, чтобъ не увлекъ его уборъ мужской,
Въ ликійскіе (4) ряды на поприще Арея?

КЪ ТАЛІАРХУ (5).

Ода IX.

Ты видишь, какъ Сорактъ (6) отъ снѣга побѣлѣлъ:
Лѣса подъ инеемъ, съ повисшими вѣтвями,
Едва не ломятся, и токъ оцѣпенѣлъ
Отъ злаго холода межъ сонными брегами.
На очагѣ огонь широкій разведя,
Ты стужу прогони веселою пирушкой,
И пей, о Таліархъ, подваловъ не щадя,
Четырехлѣтнее вино сабинской кружкой.

---

(1) Поэтъ укоряетъ Лидію въ томъ, что она до того изнѣжила Сибарина, что онъ не участвуетъ въ упражненіяхъ, свойственныхъ его возрасту, какъ-то: верховой ѣздѣ, плаваніи, борьбѣ и т. п.

(2) Елей, которымъ борцы умащали свои члены.

(3) Ахиллесъ—сынъ Пелея и Ѳетиды. Мать, предвидя гибель сына своего въ троянской войнѣ, скрывала его, облекши въ женское платье, въ Скиросѣ у Ликомеда.

(4) Жители Малой Ликіи были союзниками троянъ.

(5) Самое имя: Θάλαχοσ, Συμποσιαρχοσ, распорядитель пира, заставило Дилленбургера считать оду эту застольнымъ экспромтомъ, обращеннымъ къ Симпозіарху; но конецъ оды, по смыслу, не допускаетъ подобнаго предположенія, и древнѣйшіе толкователи считали Таліарха грекомъ, жившимъ въ Римѣ, а сочиненіе оды относили къ суровой зимѣ 712 года.

(6) Сорактъ, гора въ области Фалисковъ, нынѣче Monte di Silvestro, рѣдко бываетъ покрыта снѣгомъ.

А впрочемъ, на боговъ безсмертныхъ положись:
Въ тотъ часъ, когда они вѣтрамъ повелѣваютъ
Не бороздить морей — не дрогнетъ кипарисъ,
И старыхъ ясеней вершины замолкаютъ.
Чтò завтра принесетъ — не спрашивай! Лови
Минуты счастія душою благородной;
Не бѣгай, юноша, веселія любви
Для сердца сладостной, и пляски хороводной.
Доколѣ отъ сѣдинъ ужасныхъ ты далекъ,
Дотолѣ все твое, по прихоти желанья,
Поля и площади, и въ зимній вечерокъ
Любовь при шопотѣ условнаго свиданья —
И въ темномъ уголкѣ красотки молодой
Предатель звонкій смѣхъ, и вò время проворно
Похищенный у ней съ руки залогъ нѣмой,
Иль съ тонкаго перста, упрямаго притворно.

КЪ МЕРКУРІЮ [1].

Ода X.

Меркурій, Атласа краснорѣчивый внукъ [2],
Межъ древнихъ дикарей ревнитель просвѣщенья,
Народамъ сообщилъ ты рѣчи первый звукъ
    И ловкія движенья [3].
Тебя я воспою, Зевеса и боговъ
Лукавый посланецъ — родитель лиры гибкой;
Ты, чтò понравится, всегда украсть готовъ [4]
    Съ насмѣшливой улыбкой.
Въ младенчествѣ твоемъ, когда, быковъ сведя,
Угрозы пастыря ты, мальчикъ [5], испугался,
Покражу хитрую колчана огляди,
    Самъ Аполлонъ смѣялся.

---

[1] Ода эта, написанная въ подражаніе Алкею, по мнѣнію Кирхнера, относится къ 729 году, когда Горацій началъ болѣе утверждаться въ богопочитаніи.

[2] Меркурій, сынъ Юпитера и Маи, дочери Атласа, одной изъ Плеядъ.

[3] Онъ учредилъ палестру.

[4] Проворный Меркурій, покровитель воровъ.

[5] Меркурій, будучи трехдневнымъ младенцемъ, свелъ быковъ ѳессалійскаго царя Адмета, которыхъ пасъ Аполлонъ; съ такой же ловкостью укралъ онъ потомъ лукъ и стрѣлы пастыря.

Атридовъ суетныхъ, при помощи твоей (1),
Оставя Иліонъ, Пріамъ, везущій злато,
И стана вражьяго и вражескихъ огней
Избѣгъ замысловато.
Въ жилище радости благочестивыхъ ты
Толпу летучую тѣней сопровождаешь
Лозою золотой (2), и богу высоты
И бездны угрожаешь.

КЪ ЛЕВКОНОѢ (3).

Ода XI.

Не спрашивай; грѣшно, о Левконоя, знать,
Какой тебѣ и мнѣ судили боги дать
Конецъ. Терпи и жди! не знай халдейскихъ бредней (4).
Дано ли много зимъ, иль съ этою послѣдней,
Шумящей по волнамъ Тиррены (5), смолкнешь ты,
Пей, очищай вино (6), и умѣряй мечты...
Пока мы говоримъ, уходитъ время злое:
Лови текущій день, не вѣря въ остальное.

КЪ ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ (7).

Ода XII.

Какого ты мужа, какого героя,
О Кліо! на лирѣ иль флейтѣ прославишь?
На имя ли бога ты эхо живое
Отгрянуть заставишь?

---

(1) При хитромъ содѣйствіи Меркурія, Пріамъ, ѣхавшій къ Ахиллу для выкупа тѣла Гектора, не былъ замѣченъ въ греческомъ станѣ ни атридами, Агамемнономъ и Менелаемъ, ни стражами.

(2) Эта лоза ничѣмъ не отличалась встарину отъ кадуцея.

(3) Горацій одою, сочиненной около 724 года, упрашиваетъ свою знакомую Левконою не вѣрить волхвованіямъ.

(4) Гороскопическія пророчества халдейскихъ астрологовъ.

(5) Этрурія.

(6) Римляне цѣдили вино, передъ употребленіемъ его.

(7) Эта ода написана въ 725 году, въ честь Августа, возвратившагося послѣ побѣдъ надъ парѳянами, галлами и др. и усыновившаго въ томъ же году М. Марцелла, сына сестры своей, Октавіи.

Долинъ Геликона въ дубравѣ ль тѣнистой?
На Пиндѣ (¹), иль Гемѣ, незнающемъ зною,
Откуда деревья Орфей голосистой
Увлекъ за собою?
Искусствомъ наслѣднымъ (²) умѣлъ оковать онъ
И быструю рѣку и вѣтеръ летучій,
И чуткому дубу былъ сладко понятенъ
Струною пѣвучей.
Чтò прежде скажу изъ хваленій обычныхъ
Отцу и людей (³) и безсмертныхъ, который
И море и сушу умѣрилъ въ годичныхъ
Смѣненіяхъ Горы? (⁴)
По немъ же — отъ вѣка сильнѣйшаго чада,
Ни равнаго міръ, ни втораго не знаетъ...
Ближайшую почесть однакожь Паллада
Пускай занимаетъ: —
Отважнаго Вакха забуду ль струною,
Забуду ли дѣву полночнаго неба
Звѣрямъ роковую (⁵) иль меткой стрѣлою
Грозящаго Феба?
Прославлю ль Алкида, иль мальчиковъ Леды? (⁶)
Того на коняхъ, а другаго на скорыхъ
Кулачныхъ сраженіяхъ любимцевъ побѣды,
Созвѣздье которыхъ
Пловцамъ лишь заблещетъ — и влага сѣдая
Стекаетъ съ утесовъ — и вѣтеръ стихаетъ,
И на морѣ бурномъ, ихъ волѣ внимая,
Волна опадаетъ.
За ними не знаю: древнѣйшаго трона ль (⁷)
Я вѣкъ воспою? Вѣкъ ли Нумы свободной?
Тарквинія ль гордыя связки, (⁸) Катона ль

(¹) Горы: Пеликонъ въ Беотіи, Пиндъ въ Өессаліи и Гемъ (Hæmus) во Өракіи.

(²) Неудивительно, что Орфей увлекалъ своимъ искусствомъ даже неодушевленную природу, будучи сыномъ и ученикомъ Калліопы.

(³) Юпитеру.

(⁴) Горы, богини временъ года.

(⁵) Діану.

(⁶) Касторъ и Поллуксъ, см. Од. 1, 2, 3.

(⁷) Вѣкъ Ромула.

(⁸) Увлекаясь эпитетомъ «гордыя», недолжно относить этихъ словъ къ Тар-

Конецъ благородный? (1)
Ты, Регулъ, вы, Скавры, (2) ты, Павлъ, расточавшій
Великую душу мечамъ Кареагена (3),
И ты, о Фабрицій! (4) о васъ прозвучавши,
Гордится Камена.
Тебя, и съ главою косматой Дентата (5)
На бранную доблесть — равно и Камилла (6) —
Суровая бѣдность, да отчая хата
Полей породила.
Ростетъ непримѣтно, какъ дерево лѣтомъ (7),
Марцеллова слава, и всѣ предъ звѣздою (8),
О Юлій, твоею — что меньшіе свѣтомъ
Огни предъ луною.
Отецъ мірозданья и вѣчный блюститель!
Ты цезарю въ стражи избранный судьбами,
Даруй, чтобъ второй по тебѣ повелитель
Былъ цезарь надъ нами.

квинію-Гордому. Исчисляя боговъ и славныхъ мужей, Горацій не сталъ бы поминать этого царя. Онъ говоритъ о Тарквиніи-Древнемъ, пятомъ царѣ римскомъ, который украсилъ городъ и ввелъ съ другими знаками величія и связки, носимыя ликторами, которые потому и названы Гораціемъ гордыми.

(1) Послѣ ѳарсальской битвы, М. Катонъ-Младшій, желая, по словамъ Валерія Максима (III, 2, 14), предпочесть жизни безъ славы славу безъ жизни, прокололъ себя мечомъ и умеръ, сорвавъ сдѣланную ему перевязку.

(2) Маркъ Эмилій Скавръ, сынъ угольщика, прославился строгостью жизни, а сынъ его, М. Скавръ, былъ правителемъ Сардиніи.

(3) Послѣ страшнаго пораженія при Каннахъ, Л. Эмилій Павлъ, сидя раненый на полѣ сраженія, отказался отъ лошади, на которой могъ бы ускакать, и погибъ добровольно отъ мечей кареагенянъ.

(4) Кай Фабрицій, котораго честности удивлялся Пирръ.

(5) Курій Дентатъ, полководецъ, извѣстный безкорыстіемъ и собственными руками воздѣлывавшій поля, придерживаясь древнему обычаю, никогда не чесалъ головы и не брилъ бороды.

(6) Маркъ Фурій Камиллъ приказалъ связать руки учителю изъ осажденной Фалеріи, и приведеннымъ въ заложники ученикамъ гнать его обратно въ городъ розгами.

(7) М. Марцеллъ, женатый на Юліи, дочери Августа, и усыновленный имъ, подавалъ самыя блестящія надежды.

(8) Недолжно, по примѣру многихъ объяснителей, подъ звѣздою Юлія разумѣть Юлія Цезаря, о которомъ Горацій весьма-рѣдко, и то вскользь, вспоминаетъ. Поэтъ заключаетъ рядъ великихъ людей любимцемъ Августа, Марцелломъ, и наконецъ самимъ Августомъ, котораго онъ называетъ звѣздою Юлія отъ Іюла, сына Энея.

Ведетъ ли въ тріумфѣ, отрадномъ гордынѣ,
Онъ Парѳовъ, предъ Римомъ кичливыхъ безъ мѣры (1),
Дрожатъ ли предъ мощнымъ въ восточной пустынѣ
Индійцы и Серы (2),
Меньшой по тебѣ, онъ да правитъ вселенной (3);
Ты жь горьній Олимпъ сотрясай колесницей,
Ты рощи нечистыя жги раздраженной (4)
Громовой десницей.

КЪ ЛИДІИ (5).

Ода XIII.

Когда у Телефа ты розовую шею
Иль руки, бѣлыя какъ воскъ, похвалишь мнѣ,
Тогда, о Лидія! владѣть я не умѣю
Кипящей желчію въ сердечной глубинѣ;
Тогда разсудокъ я и цвѣтъ лица теряю,
А тихая слеза, сбѣгая вдоль ланитъ,
О томъ, какимъ огнёмъ я внутренно сгараю,
Тебѣ предательски невольно говоритъ.
Горю, когда тебѣ, въ невоздержаньи грубомъ,
Блестящія плеча попойка исказитъ,
Иль пылкій юноша нетерпѣливымъ зубомъ
Красу губы твоей надолго заклеймитъ.
О, если бы словамъ моимъ давалась вѣра,
Ты бъ знала, милая, какъ ненадеженъ (6) тотъ,

---

(1) Парѳы (см. I, 2, 51).

(2) Индійцы и серы, жившіе на самомъ отдаленномъ востокѣ, прислали просить расположенія Августа.

(3) Поэтъ какъ-бы раздѣляетъ владычество на землѣ и небѣ между Августомъ и Юпитеромъ.

(4) Нецѣломудренная любовь болѣе всего могла осквернить рощи, посвященныя богамъ.

(5) Кирхнеръ относитъ оду эту къ 728 году. Эту Лидію не должно смѣшивать съ той, о которой Горацій говоритъ (I, 8): та была его простой знакомой, а къ этой, бывшей однимъ изъ многихъ предметовъ его мимолетной привязанности, онъ обращался (I, 25) и (III, 9). Телефъ, вымышленное имя, соотвѣтствующее собственному одного изъ блестящихъ юношей времени Горація.

(6) «Ты не можешь надѣяться на вѣрность того, кто такъ мало уважаетъ чувство любви, что рѣшается запятнать его лучшее проявленіе — поцалуй».

Кто поцалуй чернитъ, которому Венера
Всю силу нектара цѣлебнаго даётъ.
Трикраты счастливы любовники, трикраты,
Хранящіе во-вѣкъ ненарушимость узъ:
Ихъ дни такъ радостно согласіемъ богаты,
И лишь послѣдній день расторгнетъ ихъ союзъ.

КЪ РЕСПУБЛИКѢ [1].

Ода XIV.

Корабль, морской волной влечетъ тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся портъ занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастій
Бока обнажены и перебиты снасти,
Что южный вѣтеръ бьетъ, и отъ него давно
На мачтѣ свищетъ все и все сокрушено?
Канаты лопнули и остовъ килемъ старымъ
Не въ силахъ болѣе бороться съ моремъ ярымъ!
Ни славнымъ именемъ ни родомъ издавна,
Дочь гордая лѣсовъ, понтійская сосна [2],
Боговъ защитниковъ въ бѣдахъ не умолила:
Въ богахъ защиты нѣтъ и лопнули вѣтрила.
Пловецъ, испуганный кипящею волной,
Не вѣритъ кораблю съ расписанной кормой [3].
Ты жь берегися бурь сѣдаго океана,
Коль не желаешь быть игралищемъ оркана.
Недавно по тебѣ проникнутъ горемъ весь,
И сердцемъ преданный судьбѣ твоей поднесь,
Я говорю: страшись, бѣги морскаго тока,
У мраморныхъ цикладъ кипящаго глубоко [4].

---

[1] Кирхнеръ относитъ эту оду ко времени смутъ 722 года, предшествовавшихъ акціумской битвѣ. Уже Алкей сравниваетъ государство съ кораблемъ.

[2] Берега Чернаго Моря славились превосходнымъ корабельнымъ лѣсомъ.

[3] Древніе расписывали корму кораблей, и Горацій намекаетъ на внѣшній блескъ Рима, на который въ опасности такъ же мало надежды, какъ на расписанную корму корабля.

[4] Циклады—группа острововъ близь Делоса; по причинѣ бурныхъ прибоевъ у береговъ ихъ, они выставлены Гораціемъ въ примѣръ опасности.

ПРОРОЧЕСТВО НЕРЕЯ (1).

Ода XV.

Когда на кораблѣ идейскомъ увозилъ
Предательскій пастухъ Елену черезъ воды (2) —
Нерей дыханіе вѣтровъ остановилъ (3)
    Затѣмъ, чтобъ горестные годы
Предречь.—«Недобрыхъ птицъ (4) ты, видѣвши, домой
«Увозишь плѣнницу недолгую Пергама;
«Клянется Грецiя союзъ разрушить твой
    «И царство древнее Пріама.
«Увы! Въ какомъ поту и мужи и кони (5)!
«Какъ много дарданов ты отошлешь къ Аиду!
«Паллада гнѣвная готовитъ шлемъ — взгляни —
    «И колесницу и эгиду (6)...
«Венеры баловень, вотще власы свои
«Ты чешешь весело и женщинамъ такъ страстно
«На цитрѣ сладостной бряцаешь гимнъ любви —
    «И въ спальнѣ избѣжать напрасно
«Захочешь гносскихъ стрѣлъ (7) и копій и мечей,
«Забыть и крикъ войны и натискъ неизбѣжный
«Аякса (8); но, увы! хоть поздно, любодѣй,

---

(1) Нѣкоторые толкователи несправедливо видѣли въ этой одѣ аллегорію, касательно отношенія Антонія къ Клеопатрѣ; но изображеніе труса Париса вовсе не соотвѣтствуетъ образу римскаго героя. Стихотвореніе это, по содержанію чисто-греческое, Кирхнеръ относитъ къ 723 году.

(2) Предательскимъ Горацій называетъ Париса, пасшаго на Идѣ (обильной корабельнымъ лѣсомъ, оттуда идейскій корабль) овецъ, за то, что онъ не уважилъ гостепріимства.

(3) Нерей сынъ Понта и Геи, отецъ Нереидъ, подобно другимъ морскимъ божествамъ, владѣлъ даромъ пророчества.

(4) Древніе чаще всего по полету птицъ судили объ удачномъ или неудачномъ начинаніи.

(5) Нерей вдругъ видитъ страшный бой со всѣми его подробностями.

(6) Эгида — собственно шкура козы Αμαλθεια, кормилицы Зевеса, которою обтянутъ его непобѣдимый щитъ. Этотъ щитъ носитъ и любимая дочь Зевеса, Минерва.

(7) Жители острова Крита, гдѣ былъ городъ Гноссъ, приготовляли тростниковыя стрѣлы.

(8) Здѣсь не теламоновъ сынъ Аяксъ, но Оилеевъ.

«Покроетъ пыль твой волосъ нѣжный (1).
«Улисса видишь ли согражданамъ твоимъ
«Врага? Ты видишь ли пилосскаго героя (2)?
«Ужь саламинскій Тевкръ (3) тѣснитъ тебя, за нимъ
«Во слѣдъ Стенелъ движеній боя (4)
«Знатокъ, а ежели смиряетъ бѣгъ коней,
«Возница ревностный. Вотъ Меріонъ (5), смотри-ко!
«А вотъ краса отца Тидидъ (6) среди мечей
«Тебя глазами ищетъ дико.
«И какъ олень въ лугу, завидя волка, вдругъ
«Забывши о травѣ со всей стремится силой...
«Ты, робкій, отъ него бѣжишь, спирая духъ,
«Хоть обѣщалъ иное милой.
«Отсрочатъ грозные фригійскимъ женамъ дни,
«Ахилла гнѣвъ и съ нимъ вражда Агамемнона;
«Но срокъ минётъ зимамъ... (7) ахейскіе огни
«Пожгутъ жилища Иліона».

КЪ ПОДРУГѢ (8).

Ода XVI.

Прекрасной матери прекраснѣйшая дщерь,
Ты ямбамъ нѣкогда преступнымъ предъ тобою
И казнь достойную сама назначь теперь
Огнемъ иль Адрія волною.
Ни Диндимена (9) такъ разсудка не мрачитъ
Ни Пиѳій, втайнѣ жрицъ собой одушевляя,

---

(1) Ты упадешь во прахъ.

(2) Несторъ — царь полосскій, извѣстный мудростью совѣтовъ.

(3) Тевкръ, см. (I, 7, 22).

(4) Стенелъ, возница Діомеда, съ которымъ онъ сражался подъ Ѳивами.

(5) Меріонъ—одинъ изъ девяти героевъ Гомера, рѣшавшихся сражаться съ Гекторомъ.

(6) Діомедъ превзошелъ подвигами отца своего, Тидея.

(7) Вмѣсто «годамъ». Часть вмѣсто цѣлаго. Гнѣвъ Ахиллеса только отсрочитъ гибель Трои.

(8) Горацій не называетъ красавицы, на счетъ которой онъ въ молодости написалъ насмѣшливые ямбы и передъ которой онъ извиняется въ этой одѣ, написанной, но мнѣнію Кирхнера, въ 726 году.

(9) Мать боговъ, Цибела, отъ имени трехъ фракійскихъ горъ получила прозваніе: Цибела, Диндимена, Берецинтія; жрецы ея, галлы (Galli), почитали память ея звуками трубъ, роговъ, барабановъ и ужасными кривляньями.

Ни Вакхъ, ни хоръ Куретъ ([1]), когда онъ закричитъ,
Въ мѣдь мѣдью звучной ударяя,
Какъ гнѣвъ губительный. Не устрашатъ его
Ни лезвіе ножа, ни глубины морскія,
Ни огнь снѣдающій, ни даже самого
Зевеса стрѣлы громовыя.
Преданіе гласитъ, что древле Прометей,
Сбирая по нуждѣ для первобытной глины ([2])
Отвсюду качества, вложилъ въ сердца людей
И гнѣвъ и раздражимость львины.
Гнѣвъ лютаго конца Тіеста былъ виной ([3])
И славныхъ городовъ бывалъ неоднократно
Причиной гибели. Онъ дерзкою рукой,
И непріязненной и ратной,
Водилъ враждебный плугъ по сверженнымъ стѣнамъ...
Уйми твой гнѣвъ; и я когда-то заблуждался,
Горячкой юности былъ увлеченъ я самъ
И легкимъ ямбамъ предавался.
Но нынѣ, грустную отвагу замѣнивъ
Покорной кротостью, я вновь передъ тобою...
Будь мнѣ подругою и, распри позабывъ,
Предайся всею мнѣ душою.

КЪ ТИНДАРИДѢ ([4]).

Ода XVII.

Проворному Фавну милѣе Лукрѣтилъ ([5]),
Чѣмъ темя Ликея родное ([6]),
И козъ онъ моихъ каждый разъ, я замѣтилъ,

(1) Куреты, или корибанты—жрецы Реи, супруги Сатурна, должны были крикомъ и звономъ заглушать плачъ младенца Юпитера въ то время, когда Сатурну подали проглотить камень, завернутый въ пеленки.

(2) Для созданія человѣка.

(3) Тіестъ, сынъ Пелопса, мстя брату своему, Атрею, соблазнилъ жену его Европу и прижилъ съ ней дѣтей, которыхъ Атрей, убивъ, предложилъ въ пищу Тіесту. Эгистъ, сынъ Тіеста, убилъ Атрея, но, въ свою очередь, былъ свергнутъ съ престола внуками Атрея, Агамемнономъ и Менелаемъ.

(4) Эта ода написана послѣ 720 года, потому-что до того времени Гораціи не владѣлъ Сабиномъ. Кто такая была Libertina Тиндарида — неизвѣстно. Нѣкоторые считаютъ ее гречанкой-поэтомъ. Что она была музыкантша—видно изъ оды.

(5) Лукретилъ—гора въ Сабинѣ, неподалеку отъ виллы Горація; тутъ же холмъ Устики.

(6) Ликей — гора въ Аркадіи, жилище Фавна и Пана.

Хранитъ отъ дождя и отъ зноя;
И бродятъ по рощѣ, за тминомъ скитаясь,
Незримой рукой сбережоны,
И змѣй полосатыхъ отнюдь не пугаясь
Супруга пахучаго жёны.
Повѣрь, Тиндарида, младые козлята
Волковъ кровожадныхъ не знаютъ
Въ тотъ часъ, какъ долины и горные скаты
На звуки рожка отвѣчаютъ.
Богами хранимъ я: богамъ благочестье
И муза моя угодили,
Мое здѣсь роскошно разсыплетъ помѣстье
На милую рогъ изобилій.
Здѣсь въ жаркій каникулъ, за рощею дальной,
Съиграешь на лирѣ Тіиса,
Споешь про любовь [1] и Цирцеи кристальной
И славной супруги Улисса.
Здѣсь будешь бокалы ты влагой лесбейской
Въ тѣни наливать понемногу,
Сюда преградитъ Семелей Тіонейской [2]
Суровому Марсу дорогу.
Тебя не посмѣетъ здѣсь Киръ [3] раздраженной
Ударить рукою безчинной;
Вѣнка не сорветъ онъ съ главы умащенной,
Не тронетъ одежды невинной.

КЪ КВИНТИЛІЮ ВАРУ [4].

Ода XVIII.

Ты дерева, о Варъ! не сѣй до винограда,
Гдѣ обошла Тибуръ катильская ограда [5].

---

(1) Любовь и Цирцеи и Пенелопы обращена была къ одному и тому же Улиссу. Цирцея, въ смыслѣ морской нимфы, названа кристальною.

(2) Семелей Вакхъ, сынъ Семелы, по прозванію Тіонейской, или отъ греческаго слова θύειν (неистовствовать), или отъ Тіаны, прозванія Семелы.

(5) Киръ, ревнивый любовникъ Тиндариды.

(4) Квинтилій Варъ, родомъ изъ Кремоны, другъ Гораціи и въ-особенности Виргилія, къ которому Горацій въ 24 одѣ этой книги обращается и оплакиваетъ съ нимъ смерть Квинтилія. Ода эта, по явнымъ признакамъ, подражаніе греческимъ образцамъ, относится ко времени молодости Горація (отъ 717 до 720), когда онъ еще не могъ отъ нихъ оторваться.

(5) Катилъ, или Катиллъ, былъ однимъ изъ основателей Тибура.

Вѣдь трезвымъ богъ вина все тяжкое даетъ,
И злыхъ ничѣмъ инымъ не удалишь заботъ.
Кто вспомнитъ за виномъ про службу съ нищетою?
Не всѣ ль полны любви, полны, о Вакхъ! тобою?
Но Либера [1] даровъ не преступать благихъ
Насъ учитъ бой Лапитъ съ центаврами хмѣльныхъ [2],
И злоба Эвія сиѳонцамъ роковаго [3],
Въ тотъ часъ, какъ различать благое отъ худаго
Такъ трудно страстному. Нѣтъ, чистый Вассарей [4],
Я тайны не дерзну умчать изъ-подъ вѣтвей [5]
Священныхъ на-показъ. Уйми со злымъ тимпаномъ
Берецентійскій рогъ; онъ возбуждаетъ въ пьяномъ [6]
Порывы гордые хвалить свои дѣла,
И тайнъ довѣрчивость, прозрачнѣе стекла.

КЪ ГЛИЦЕРѢ [7].

Ода XIX.

Жестокая мать купидоновъ
И ѳивской Семелы питомецъ живой [8]
Да рѣзвая прихоть велятъ мнѣ [9]

---

(1) Либеръ — одно изъ именъ Вакха.

(2) Гомеръ разсказываетъ (Иліад. 1, 262) про битву пьяныхъ лапитъ съ центаврами въ день свадьбы царя Пиритоя съ Гипподаміей.

(3) Эвій Вакхъ! восклицаніе вакханокъ. Саѳонцы, жившіе во Ѳракіи, не въ мѣру предавались Вакху и превращали покалы въ орудія боя (см. 1, 27, I).

(4) Вассарей назывался Вакхъ у ѳракійцевъ отъ βαββαρα лисицы, лисьяго мѣха, которымъ были одѣты вакханки.

(5) Во время торжества Вакха, небольшія корзинки наполнялись священными принадлежностями бога и носились покрытыя виноградными вѣтвями. Непосвященнымъ не дозволялось видѣть этихъ предметовъ.

(6) Торжество Вакха такъ же, какъ торжество Цибелы-Берецентіи (отъ фригійской горы Берецентійской), сопровождалось рѣзкими звуками роговъ. Гораціи при оргіяхъ часто упоминаетъ берецентійскій рогъ.

(7) Горацій въ этой одѣ говоритъ о сверхъестественномъ, неожиданномъ побужденіи своемъ къ любви, и поэтому предполагаютъ, что онъ написалъ это стихотвореніе лѣтъ сорока, слѣдовательно около 730 г. Глицера—одна изъ тѣхъ женщинъ, которую онъ долго любилъ, и если оставлялъ ее, то вновь возвращался къ ней. Онъ вспоминаетъ о ней тоже (1, 30) и (III, 19); та ли это, на счетъ измѣны которой поэтъ утѣшаетъ Тибулла — неизвѣстно.

(8) Вакхъ, сынъ ѳивской царевны Семелы.

(9) Licentia, тоже спутница Венеры.

Любви позабытой предаться душой.
Сожженъ я Глицеры красою,
Чт҃о блескомъ и мраморъ паросскій затмитъ,
Сожженъ этой дерзостью милой
И взоромъ, гдѣ страстная нѣга манитъ.
Въ меня устремившись, Венера
Оставила Кипръ ([1]) и мнѣ пѣть не даетъ,
Ни скиѳа ни коннаго Парѳа,
Ни прочаго, чт҃о по душѣ ни прійдетъ.
Прислужники! свѣжаго дерну,
Да травъ принесите сюда и вина
Двухлѣтняго въ чашѣ, да мирры:
На жертву сойдетъ благосклоннѣй она.

КЪ МЕЦЕНАТУ ([2]).

Ода XX.

Ты будешь пить изъ чашъ сабинъ не дорогой ([3]);
Его моя рука въ сосуды наливала
Въ тотъ день, когда, въ театръ приходъ замѣтя твой ([4]),
Толпа рукоплескала.
Мой всадникъ дорогой, припомни, Меценатъ,
Какъ плескамъ тѣмъ тогда отвѣтствовали рьяно
Родные берега, отгрянувши стократъ ([5])
На эхо Ватикана.
Каленъ и цекубъ ([6]) ты въ амфоры жмешь свои,
А у меня фалернъ въ сосуды не вливаютъ
И формiанскихъ лозъ душистыя струи
Въ бокалахъ не сверкаютъ.

([1]) Кипръ, Гнидосъ и Паѳосъ—любимыя мѣстопребыванія Венеры. Богиня собственной особой вселилась въ душу Горація и не позволяетъ ему писать героическихъ пѣсенъ.

([2]) Горацій, желая отпраздновать торжественную встрѣчу Мецената въ театрѣ, приглашаетъ его къ себѣ въ Сабинъ: слѣдовательно, послѣ 720 года.

([3]) Мѣстное вино.

([4]) Вѣроятно, послѣ болѣзни Мецената.

([5]) Берега Тибра, вытекающаго изъ Этруріи, родины Мецената.

([6]) Каленъ, цекубъ и фалернъ были извѣстныя вина, равно какъ и формiанское.

ГИМНЪ АПОЛЛОНУ И ДІАНѢ (1).

Ода XXI.

Діану — нѣжныя хвалите хоромъ дѣвы,
Хвалите, мальчики, вы Цинтія съ мольбою (2),
Латонѣ всѣ напѣвы,
Зевесу дорогой! (3)
Вы дѣву пойте рѣкъ и рощей въ видѣ злачномъ,
Ѳа хладномъ Алгидѣ красуются ль онѣ,
На Эримантѣ ль мрачномъ,
На Крагѣ ль, по веснѣ.
Вы жь Темпы мальчики хвалой почтите равной,
И Аполлону въ честь Делосъ ему родной;
Колчанъ воспойте славный
При лирѣ за спиной:
Да обратитъ онъ съ насъ и съ Цезаря владыки
И голодъ, и чуму, и злую смерть сыновъ,
На край британцевъ дикій
И парѳовъ, съ вашихъ словъ! (4)

КЪ АРИСТІЮ ФУСКУ (5).

Ода XXII.

О, Фускъ, повѣрь: тому, кто сердцемъ уцѣлѣлъ
Средь искушеній зла и чернаго обмана,
Ѳенужно ни копья, ни ядовитыхъ стрѣлъ,
Ѳи тяжкаго колчана —

---

(1) Ода эта написана, вѣроятно, около 727 года, по поводу празднества въ честь Аполлона. Поэтъ попеременно приглашаетъ хоры мальчиковъ и дѣвочекъ славить Аполлона, Діану и мать ихъ, Латону.

(2) Аполлонъ, родившійся на островѣ Делосѣ, отъ горы Цинта назывался Цинтіемъ.

(3) Латона, любимая Зевесомъ, была всюду гонима Юноной и должна была искать на Делосѣ убѣжища, гдѣ тайно родила близнецовъ, Аполлона и Діану.

(4) Нѣтъ необходимости предполагать войны во время сочиненія этой оды. Парѳовъ римляне ставили вообще вмѣсто враговъ, а британцы также приведены здѣсь по причинѣ ихъ отдѣлительности (край свѣта).

(5) По причинѣ прогулки въ Сабинѣ и эту оду должно отнести ко времени между 720 и 724 гг. Многіе предполагаютъ, что Лалага и Глицера одно и то же лицо, но это трудно доказать. Аристій Фускъ былъ поэтъ и грамматикъ.

По знойнымъ ли пескамъ онъ путь свой устремитъ,
Чрезъ дикій ли Кавказъ — до чуждыхъ нелюбовный,
Иль въ землю, гдѣ Гидаспъ брега свою кропитъ (¹)
Волною баснословной.
Когда безъ цѣли я зайду въ сабинскій лѣсъ
И Лагагу пою безпеченъ и досуженъ,
Со мною встрѣтясь, волкъ (²) бѣжитъ во мглу древесъ,
Хоть я и безоруженъ.
А равное ему чудовище едва
Кормила Дауніи (³) дуброва боевая
Иль степь Нумидіи, безтрепетнаго льва
Кормилица сухая.
Хоть брось меня въ страну, гдѣ по верхамъ древесъ
Не дышетъ теплый вѣтръ, весною растворенный,
Гдѣ пеленою тучъ подернулъ сводъ небесъ
Юпитеръ раздраженный;
Хоть брось въ безлюдный край, гдѣ солнца близкій бѣгъ
Пустыню раскалилъ ѣздою безотлучной,
Я буду Лалагу любить за сладкій смѣхъ,
За говоръ сладкозвучный.

КЪ ХЛОѢ (⁴).

Ода XXIII.

О, Хлоя! ты бѣжишь меня, какъ лань младая,
Которую, вдали отъ матери, въ горахъ,
Чуть вѣтеръ шелохнетъ вдоль по лѣсу порхая,
Тревожитъ ложный страхъ.
Терновника ль вздрогнутъ встревоженныя сѣни,
Иль ящерицы гдѣ кустами пробѣжатъ

(¹) Гидаспъ — рѣка въ Индіи. Баснословною называетъ ее поэтъ по причинѣ баснословныхъ о ней преданій.

(²) Нѣкоторые говорятъ, что Горацій всю эту оду написалъ для того только, чтобъ разсказать, какъ на прогулкѣ въ лѣсу онъ встрѣтилъ чудовище-волка.

(³) Даунія въ Апуліи, страна лѣсистая, снабжавшая Римъ храбрыми воинами. Горацій, родомъ изъ Апуліи, при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ о ней.

(⁴) Въ этой одѣ, написанной, по мнѣнію Кирхнера, въ 773 году, Горацій уговариваетъ предаться ему ту самую Хлою, на жестокость которой (III, 26) онъ жалуется Кипридѣ и которую оставитъ онъ обѣщаетъ Лидіи (III, 9).

Зеленыя — у ней и сердце и колѣни
Невольно задрожатъ.
Вѣдь я не тигръ, не левъ гетульской я равнины ([1]),
Не съ тѣмъ, чтобъ погубить, ищу тебя поймать:
Пора красавицѣ, созрѣвшей для мужчины,
От матери отстать.

КЪ ВИРГИЛІЮ ([2]).

Ода XXIV.

Гдѣ стыдъ и мѣра гдѣ печали несравненной
По милой головѣ? О! въ этотъ скорбный часъ
Пой Мельпомена, грусть; тебѣ отецъ вселенной
Далъ съ цитрой сладкій гласъ.
Такъ надъ Квинтиліемъ сонъ вѣчный тяготѣетъ?
Теперь ни нравственность, ни правосудья мать,
Честь неподкупная, ни правда не съумѣетъ
Другаго отъискать.
Онъ палъ, оплаканный вездѣ единогласно.
Виргилій! но тебѣ больнѣй онъ много кратъ:
Ты довѣрялъ богамъ не съ тѣмъ, чтобъ звать напрасно
Квинтилія назадъ.
Хотя бъ искуснѣе ѳракійскаго Орфея
Ты внятной деревамъ повелѣвалъ струной,
Но въ призрачную тѣнь кровь не проникнетъ грѣя,
Коль страшною лозой,
Ничьимъ невнемлящій мольбамъ о возвращеньи,
Ужь въ темную ее прогналъ Меркурій ночь! ([3])
Судьба жестокая! Но лучше снесть въ терпѣньи
Чему нельзя помочь.

([1]) Гетулія въ Африкѣ. Часть вмѣсто цѣлаго.

([2]) Эта ода написана въ 730 году, по случаю смерти Квинтилія Вара, родомъ кремонца, котораго Горацій (въ I, 18) проситъ о насажденіи винограда. Этотъ К. Варъ, поэтъ и критикъ, былъ другомъ Горація, и въ-особенности Виргилія, къ которому и обращается предлежащая ода.

([3]) Меркурій сопровождалъ, или, лучше сказать, гналъ души усопшихъ въ царство тѣней (См. I, 10, 19).

КЪ ЛИДІИ [1].

Ода XXV.

Юноши буйные въ окна закрытыя
Рѣже къ тебѣ ужь стучатся теперь;
Крикъ ихъ твой сонъ не прерветъ, и забытая
Заперта дверь.
Ржавыя петли въ томъ вѣрной порукою...
Рѣже и рѣже тебѣ говорятъ:
Спишь ли ты, Лидія, въ ночь, какъ я мукою
Страсти объятъ.
Хватъ ли старухѣ [2] порою пригрезится,
Станешь на улицѣ плакать пустой,
Выйдя на вѣтеръ ѳракійской, что бѣсится [3]
Съ каждой луной.
Грудь распалятъ и любовь и желаніе,
Что̀ съ кобылицею носится вскачь —
Ревностью лютой заложитъ дыханіе...
Бѣдная, плачь!
Юноши пылкіе плющемъ увитые,
Миртомъ зеленымъ любуются тамъ;
Листья же зимніе, хладомъ убитые,
Пища волнамъ.

КЪ МУЗѢ ОБЪ ЭЛІИ ЛАМІИ [4].

Ода XXVI.

Другъ музъ, я отдаю тоску и страхъ печальный
Мчать къ Морю Критскому бунтующимъ вѣтрамъ,

---

(1) Лидія (не должно смѣшивать ее съ той, къ которой относятся ода I, 8) измѣнила Горацію, на что онъ жалуется (I, 13, 1, и III, 9, 14). Въ этой одѣ онъ доказываетъ ей, какъ мало онъ объ этомъ сожалѣетъ.

(2) Хотя у Горація anus и значитъ старуха, но, по смыслу стихотворенія, видно, что онъ ей обѣщаетъ положеніе, котораго она еще не достигла.

(3) Ко всякому вѣтру идетъ эпитетъ ѳракійскій, потому-что греки Ѳракію считали родиной вѣтровъ.

(4) Эта ода написана въ 725 году, когда, по смерти Антонія, Тиридатъ, свергнутый съ престола братомъ своимъ, Фраатомъ, бѣжалъ въ Сирію и когда нѣкоторыя племена возстали на римскихъ союзниковъ. К. Элій Ламій, сынъ претора, изъ знатнаго рода (См. III, 17) былъ однимъ изъ друзей Горація.

И думать позабылъ: какого сѣверъ дальній
Страшится мощнаго по хладнымъ берегамъ?
Узналъ ли Тиридатъ про козни боевыя? [1]
О, ты, взлюбившая ручьевъ прозрачный токъ,
Пимплея [2] сладкая! свивай цвѣты младые
Свивай для Ламія мнѣ милаго вѣнокъ.
Вся слава безъ тебя меня не услаждаетъ:
Лесбейской лирою [3] и на струнахъ тугихъ
Прославить Ламія достойно подобаетъ
Тебѣ, одной тебѣ, въ кругу сестеръ твоихъ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ-СОБЕСѢДНИКАМЪ [4].

Ода XXVII.

Бокаломъ родственнымъ веселью воевать
Ѳракійцамъ свойственно. Обычай тотъ неправой [5]
Оставьте варварамъ — и бойтесь обижать
Ліея [6] скромнаго вы распрею кровавой.
Вину и факеламъ — мидійца острый мечъ
Противорѣчіе ужасное; смягчите
Крикливо-вздорную, заносчивую рѣчь
И, чинно подпершись локтями, возлежите.
Фалернъ губительный я черпать съ вами радъ,
Но съ оговоркою, друзья мои, одною:
Пусть Опунтійской намъ Мегиллы скажетъ братъ [7]
Кѣмъ сладко раненъ онъ и чьей пронзенъ стрѣлою.
Не хочешь? Ни за что̀ другое я не пью!

---

(1) Тиридатъ, уже однажды свергнутый съ престола Фраатомъ, сильно тревожился, узнавъ, что царь скиѳскій готовитъ вспомогательное войско брату.

(2) Пимплея — муза, названная отъ Пимплы или Пимплеи, рѣки ѳракійской, посвященной музамъ.

(3) Размѣромъ, который употребляли либейскіе пѣвцы: Алкей и Сапфо.

(4) Веберъ относитъ эту оду къ первымъ произведеніямъ Горація (къ 717). Поэтъ, желая обратить вниманіе ссорящихся собесѣдниковъ на другой предметъ, предлагаетъ тосты въ честь возлюбленныхъ.

(5) См. I, 18. 9.

(6) Лієй — разрѣшитель, разсѣватель заботъ, Вакхъ.

(7) Орпунтъ—городъ въ Локридѣ. Трудно рѣшить, находился ли точно грекъ, братъ Опунтійской Мегиллы, въ числѣ собесѣдниковъ, и Горацій пытается узнать имя его возлюбленной, или же онъ въ шутку называетъ его братомъ и только хочетъ убѣдить его публично сознаться въ своей страсти.

Но какъ ни покоренъ венериною властью
Краснѣть не будешь ты за милую свою
И можешь погрѣшить лишь благородной страстью.
Что̀ бъ въ сердцѣ ни таилъ, не опасайся—ввѣрь
Ушамъ надежнымъ все. Увы, лишенъ ты воли!
Какой Харибдою ты поглощенъ теперь,
Несчастный юноша, достойный лучшей доли!
Какой же магъ тебя, ворожея иль богъ
Избавитъ наконецъ отъ гибели великой?
Съ трудомъ бы и Пегасъ тебя исхитить могъ
Изъ пагубныхъ когтей Химеры троеликой (1).

КЪ АРХИТѢ ТАРЕНТИНЦУ, ТѢНЬ КОТОРАГО УВѢЩЕВАЕТЪ ПЛОВЦА (2).

Ода XXVIII.

Пловецъ.

Ты ли морей и земли и песку безъ числа измѣритель
Здѣсь, Архита, лежишь заключенный
Въ столь немногомъ количествѣ праха матинскаго брега!
Не помогло, знать, тебѣ, что въ воздушный
Міръ ты вникалъ и старался душою отважною круглый
Полюсъ познать? Не избѣгнулъ ты смерти!

Архита.

Умеръ и Пелопса (3) тоже родитель, боговъ собесѣдникъ,
Умеръ Тиѳонъ, восхищенный на небо (4),

---

(1) «Ты такъ опутанъ этой страстью, что никакой колдунъ тебѣ не пособитъ». Пегасъ спасъ Беллерофонта отъ Химеры. У Химеры три головы и тройное тѣло: «Левъ сопреди, созади же змѣя, сосреди же коза есть» (Тредьяковскій).

(2) Ода эта, размѣромъ напоминающая эподы, принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ Горація и написана около 717 года. Въ ней поэтъ заставляетъ пловца, минующаго матинскій берегъ (въ Апуліи), сожалѣть объ участи тарентинскаго философа и геометра Архиты, котораго кости онъ видитъ на пескѣ.

(3) Танталъ, царь лидійскій, отецъ Пелопса, принятый въ собесѣдники боговъ, за проступокъ томится голодомъ и жаждой.

(4) Тиѳонъ, сынъ троянскаго царя Лаомедонта, похищенъ былъ Авророй, за красоту, на небо. Но, испрося у Зевеса безсмертія своему любимцу, она забыла о юности, и когда онъ отъ старости съёжился, то превращенъ былъ въ кузнечика.

Умеръ Миносъ ([1]), посвященный въ зевесовы тайны, и принялъ
Тартаръ опять Панѳоида ([2]), вторично
Сшедшаго къ Орку; хотя, доказавши троянское время
Снятымъ щитомъ, ничего онъ обратно,
Кромѣ жилъ, да костей, не давалъ безжалостной смерти;
Самъ ты суди: не послѣдній знатокъ онъ
Истины былъ и природы. Но всѣхъ насъ одна ожидаетъ
Ночь и тропа невозвратная смерти.
Фуріи многихъ даютъ на позорище злобному Марсу,
Гибель пловцамъ — ненасытное море.
Старцевъ и юношей гробы тѣснятся. Не обѣгаетъ
Злая ни чьей головы Прозерпина ([3]).
Вотъ и меня — Оріона исхожаго ([4]) спутникъ проворный,
Нотъ ([5]) захватилъ иллирійской волною.
Ты же, пловецъ, не скупися песку летучаго долю
Кинуть костямъ и главѣ незарытой.
Пусть за это, коль Эвръ подыметъ гесперскія волны,
Губитъ онъ лѣсъ венузійскій, но будешь
Ты не вредимъ. Ниспошли на тебя богатую милость
Щедрой рукою Зевесъ правосудный
И Нептунъ-охранитель священнаго града Тарента.
Иль преступленія ты не боишься
Вреднаго чадамъ твоимъ невиннымъ оставить въ наслѣдство?
Можетъ-быть, ты заслуженную кару
Самъ получишь: мои не останутся тщетны молитвы
И не очистятъ тебя приношенья.
Долго тебя на пути не сдержу я, ты можешь,
Бросивъ три горсти песку, удалиться.

([1]) Миносъ, сынъ Юпитера и Европы, мудрый законодатель по смерти, судья Аида.

([2]) Пиѳагоръ, учившій о переселеніи душъ, будучи въ Аргосѣ, въ храмѣ Юноны, утверждалъ, что онъ жилъ уже разъ въ троянское время въ лицѣ Панѳоида Эвфорба, и когда сняли со стѣны щитъ, на который онъ указалъ, какъ на принадлежавшій ему, то въ-самомъ-дѣлѣ прочли имя Эвфорба.

([3]) Человѣкъ не могъ умереть, пока Прозерпина не вырветъ у него на макушкѣ волоса, какъ у жертвы.

([4]) Восхожденіе и захожденіе созвѣздія Оріона сопровождались бурями. См. I, 3. 13.

([5]) Венузій въ Апуліи, недалеко отъ матинскаго берега. Пусть буря, если ей нужно губить что бъ ни было, истребляетъ прибрежный лѣсъ, а ты уцѣлѣешь.

КЪ ИКЦІЮ [1].

Ода XXIX.

Завидуя добру арабскихъ богачей,
Задумалъ Икцій, ты, суровымъ ставши съ виду,
Съ дружиною идти въ Сабею на царей [2]
Свободныхъ, и куешь воинственному Миду
Оковы тяжкія. Оплакавъ жениха,
Какая варварка тебѣ служить рѣшится?
Чей отрокъ, при дворѣ привыкшій изъ лука [3]
Отцовскаго стрѣлять — стоять не устыдится
Въ душистыхъ волосахъ за чашей круговой?
Кто станетъ отрицать, что могутъ вдругъ потоки
Покрыть вершины горъ обратною волной,
И Тибръ, оборотясь, залить свои истоки —
Коль ты, искавшій книгъ гдѣ бъ ни было купить,
Насъ обнадеживщій ученою заслугой,
Панета [4] и друзей Сократа замѣнить
Рѣшился наконецъ иберскою кольчугой [5]?

КЪ ВЕНЕРѢ [6].

Ода XXX.

Царица Гнидоса и Паѳоса, Венера [7],
Оставь любимый Кипръ и съ радостнымъ челомъ

---

[1] Въ 730 г. Августъ послалъ египетскаго правителя Элія Галла въ Счастливую Аравію, и въ этотъ-то походъ сбирался и пріятель Горацій Икцій, человѣкъ непостоянный въ своихъ планахъ. Въ этой одѣ, написанной въ томъ же году Гораціемъ, онъ попріятельски укоряетъ Икція въ его корыстныхъ замыслахъ.

[2] Сабея, часть Аравіи, куда римское оружіе еще не проникало.

[3] Хотя можно вообразить себѣ этого отрока прислужникомъ при дворѣ, но, вѣроятно, Горацій хотѣлъ сказать: царскій сынъ.

[4] Панетъ родился на островѣ Родосѣ и былъ, по мнѣнію Цецерона, однимъ изъ лучшихъ философовъ секты стоиковъ.

[5] Иберія—Испанія, славилась своимъ желѣзомъ и превосходными кольчугами.

[6] Въ одѣ I, 19, Горацій на 40-мъ году своей жизни, около 730 г., жаловался уже на внезапную страсть свою къ Глицерѣ. Въ этой одѣ, написанной, вѣроятно, немногимъ-позже упомянутой, поэтъ мольбу къ Венерѣ о внушеніи постоянства его возлюбленной выражаетъ просьбой: сойдти со всѣми спутниками въ домъ Глицеры.

[7] Гнидосъ—городъ въ Каріи (въ Малой Азіи), гдѣ особенно чтили Венеру, и гдѣ находилось ея изваяніе работы Праксителя. Паѳосъ—городъ на восточномъ берегу ос. Кипра, любимое мѣстопребываніе Венеры-Киприды-Афродиты.

Туда, гдѣ ладономъ зоветъ тебя Глицера,
Сойди въ красивый домъ.
Пусть сынъ твой пламенный съ тобой приноситъ радость,
Пусть Граціи межь Нимфъ, безъ поясовъ прійдутъ (1) —
И мало безъ тебя привѣтливая младость,
И Гермесъ (2) будутъ тутъ.

КЪ АПОЛЛОНУ (3).

Ода XXXI.

Чего пѣвцу, склонясь, просить у Аполлона,
Чего молить, лія изъ чаши сокъ младой?
Не жатвы тучныя благаго небосклона
Сардиніи златой (4);
Не стадъ Калабріи растительной и знойной (5),
Не злата, не костей, что̀ породилъ Востокъ (6),
Не пастбищъ, что Лирисъ (7) кропитъ волной спокойной,
Не говорливый токъ (8).
Каленскимъ пусть ножомъ тотъ лозы подчищаетъ,
Кому ихъ рокъ послалъ: изъ златодонныхъ чаръ
Пусть пьетъ богачъ-купецъ вино, что промѣняетъ
На сирскій свой товаръ.
Онъ милъ самимъ богамъ за то, что прихотливый
Въ годъ разъ до четырехъ пересѣкать онъ радъ
Безвредно океанъ. Моя же снѣдь — оливы,
Цикорій да салатъ.
Дай, сынъ Латоны (9), мнѣ готовымъ наслаждаться,

---

(1) Нимфы и Граціи—спутники Венеры. Хотя въ этомъ мѣстѣ и въ одѣ III, 21, 22, Горацій такъ выражается, что должно принять, будто Граціямъ трудно разстаться съ поясами, и хотя Ореллій въ подтвержденіе этой мысли «Segnesque nodum solvere» объясняетъ nunquam solventes, однако Прейтъ говоритъ, что Граціи, по красотѣ своей, не нуждаются въ одеждѣ, и потому у древнихъ изображались онѣ нагими, или въ легкихъ одеждахъ, безъ поясовъ.

(2) Меркурій, отецъ краснорѣчія, долженъ убѣждать Глицеру.

(3) Въ 726 Августъ, въ воспоминаніе акціумской битвы, посвятилъ на Горѣ Палатинской храмъ Аполлону. При этомъ случаѣ каждый, при жертвоприношеніи, клалъ къ подножію божества табличку, на которой начерталъ свои желанія. Вмѣстѣ съ другими и Горацій изъявляетъ свои, но не проситъ богатства.

(4) Плодородіе Сардиніи извѣстно.

(5) Калабрія и Апулія славились въ Италіи стадами.

(6) Слоновая кость.

(7) Лирисъ, нынѣшній Gavigliano, на границѣ Лаціума и Кампаніи.

(8) Каленскія или фалернскія лозы славились виномъ. Вмѣсто того, чтобъ сказать каленскія лозы, Горацій говоритъ каленскимъ ножомъ.

(9) Аполлонъ.

Но съ тѣмъ молю, чтобъ духъ безвредно сохранить,
Благообразныя преклонности дождаться,
Да цитры не забыть

КЪ ЛИРѢ (1).

Ода XXXII.

Насъ просятъ (2). Ежели способно больше гòда
Иль многихъ пережить все то, чтò мы съ тобой
Бряцали въ тишинѣ — о лира, пѣснь народа
Латинскаго пропой.
Впервые пѣла ты Лесбоса гражданину (3),
И, храбрый, онъ въ бою, иль у прибрежныхъ волнъ
Съ тобою забывалъ доспѣхи и пучину,
Привязывая чолнъ.
Въ честь Либера (4) и Музъ ты издавала голосъ,
Венеру славилъ онъ, и мальчика при ней,
И Лика (5), юноши-красавца, черный волосъ,
И черныхъ блескъ очей.
Зевесу милая и Феба украшенье,
Обители боговъ отрадная самой,
Внимай мнѣ, сладкое трудовъ успокоенье,
Зовущему съ мольбой.

КЪ АЛЬБІЮ ТИБУЛЛУ (6).

Ода XXXIII.

Мой Альбій, не тоскуй безъ мѣры, огорченъ
Глицерой вѣтренной, и, грусти не тревожа,

(1) Трудно съ достовѣрностью опредѣлить время, въ которое написана эта ода. Тѣмъ не менѣе смыслъ трехъ первыхъ строкъ заставляетъ отнести ее къ тому періоду жизни Горація, когда поэтъ могъ ссылаться на свое поэтическое поприще (около 730).

(2) Кто проситъ: Августъ ли, друзья ли поэта, отъ этого смыслъ оды не страдаетъ. Отъ «Ежели» до «лира» — вводное предложеніе, которымъ Горацій хочетъ возвысить достоинство лиры и ободряетъ ее къ дальнѣйшему пѣснопѣнью тѣмъ, что прежде имъ сочиненныя пѣсни безсмертны; изъ скромности послѣднюю мысль онъ выражаетъ не положительно, но условно.

(3) Алкей, родившійся на Лесбосѣ, соединялъ въ себѣ достоинства воина и поэта.

(4) Имя Вакха (см. I, 18, 7).

(5) Ликъ — юноша, воспѣтый, вѣроятно, Алкеемъ, какъ Ваѳиллъ Анакреонъ.

(6) Обарріусъ, разбирая исторію сердечныхъ привязанностей поэта Альбія Тибулла, относитъ эту оду къ 722 году и считаетъ ее написанной по поводу неизданныхъ въ свѣтъ элегій Тибулла къ невѣрной Глицерѣ.

Элегій ты не пой о томъ, что предпочтенъ
Тебѣ годами помоложе (¹).
Киръ (²), въ Ликоридѣ жаръ любви воспламенивъ,
Забылъ ея чело, стѣсненное кудрями (³),
Для гордой Полои (⁴); но прежде козы нивъ
Сойдутся съ горными волками,
Чѣмъ Полоя пойдетъ съ противнымъ наглецомъ;
Венера хочетъ такъ: ей весело не равныхъ
И тѣломъ и душой вязать однимъ ярмомъ.
Въ игрѣ причудъ жестоконравныхъ.
Я самъ, какъ богъ любви мнѣ счастья обѣщалъ,
Мирталѣ (⁵) отдался въ пріятныя оковы;
А волны Адрія у Калабрійскихъ Скалъ (⁶),
Не столь кипучи и суровы.

КЪ САМОМУ-СЕБѢ (⁷).

Ода XXXIV.

Скудный боговъ почитатель и вѣтренный,
Мудростію заблужденный безумною,
Нынѣ задумалъ вѣтрила поставить я
Вспять и, раставшись съ пучиною шумною (⁸),
Путь отъискать, потому-что Юпитеръ (⁹),
Вѣчно огнемъ потрясавшій надъ тучею,
Съ громомъ промчалъ по лазури безоблачной
Звучныхъ коней съ колесницей летучею,
Коей земля и потоки подвижные,
Коею Стиксъ и Тенара глубокое (¹⁰)

(¹) Кто этотъ молодой счастливецъ—неизвѣстно.

(²) Киръ — весьма непостоянный любовникъ (см. I, 17, 25).

(³) Небольшой лобъ считался принадлежностью красоты.

(⁴) Полоя — дочь Клариссы, извѣстная красавица того времени (см. II, 5, 17 и III, 15, 17).

(⁵) Миртала — одно изъ именъ вольноотпущенныхъ (libertina).

(⁶) Калабрія — южная часть Италіи, обращенная къ Греціи.

(⁷) Громовой ударъ на безоблачномъ небѣ внушилъ Горацію эту оду, которую Буттманъ, по содержанію послѣднихъ трехъ стиховъ, относитъ ко времени борьбы Тиридата съ Фраатомъ и, слѣдовательно, къ 730 году.

(⁸) Явно, что вся эта картина значитъ: я хочу обратиться на путь истинный.

(⁹) Dispiter, отецъ дня — Юпитеръ.

(¹⁰) Тенаръ, ныньче Cap Matapan, гдѣ, по мнѣнію древнихъ, находится входъ въ царство тѣней.

Страшное дно и граница атлантская (1)
Вмигъ сотрясаются. Властенъ высокое
Богъ преклонить и затмить лучезарное,
Тьму озаривши. Фортуна мѣняется,
Тамъ похищаетъ вѣнецъ быстрокрылая,
Здѣсь, наложивши его, улыбается.

КЪ ФОРТУНѢ (2).

Ода XXXV.

Богиня, Анціумъ свой правящая милой (3),
Могущая вознесть съ нижайшихъ степеней
Простаго смертнаго, иль замѣнить могилой
        Тріумфы гордые вождей,
Тебя идетъ смягчать заботливой мольбою
Убогій селянинъ. Тебя, царица водъ (4),
Всякъ умоляетъ, кто виѳинскою кормою (5)
        Волну карпатскую сѣчетъ (6).
Тебя боится Дакъ (7), боится Скиѳъ проворный,
И грозный Лаціумъ, и грады дальнихъ странъ;
Царицы варваровъ передъ тобой покорны,
        Трепещетъ предъ тобой тиранъ (8);
Нужда суровая предвѣстницей твоею (9)

---

(1) Гору Атласъ древніе представляли богомъ, поддерживающимъ небесный сводъ на границѣ мірозданія.

(2) Въ 727 году Августъ задумалъ два военныя предпріятія: онъ самъ отправился противъ британцевъ и ужь въ Галліи встрѣченъ былъ британскимъ посольствомъ, просящимъ о мірѣ, а Элія Галла отправилъ въ Египетъ и Аравію. По этому случаю Горацій испрашиваетъ у Фортуны покровительства римскому мечу, притупленному въ междоусобицахъ.

(3) Въ Анціумѣ находился славный храмъ Фортуны съ двойной статуей богини и прорицалищемъ.

(4) Въ Пренестѣ была статуя Фортуны, богини моря, и кромѣ-того, она часто изображалась съ рулемъ въ одной и съ рогомъ изобилія въ другой рукѣ.

(5) Виѳинія въ Малой Азіи, у Чернаго Моря, между Мизіей и Пафлагоніей, славилась кораблестроеніемъ и торговлей.

(6) Островъ Карпатъ, нынѣ Scarpanto, между Критомъ (Кандіей) и Родосомъ, окруженъ бурнымъ моремъ.

(7) Даки жили въ нынѣшней Венгріи.

(8) Фраатъ, котораго скиѳы возвели на парѳянскій престолъ.

(9) Это мѣсто, къ-сожалѣнію, представляетъ слишкомъ-пеструю и тяжелую символическую картину. Фортунѣ предшествуетъ непреклонная нужда (Ἀνάγκη), которая въ желѣзныхъ рукахъ держитъ, какъ символъ прочности и незыблемости своихъ дѣйствій, принадлежности зодчества: гвозди, для укрѣпленія потолковъ, клинья, для раскалыванья строеваго лѣса, свинецъ и крюкъ для

Желѣзныхъ никогда не разжимаетъ рукъ,
И гвозди тяжкіе да клинья всюду съ нею,
Свинецъ расплавленный, да крюкъ;
Надежда при тебѣ и вѣрность въ ризѣ бѣлой (1),
Онѣ, какъ спутницы, тебѣ не измѣнятъ,
Хотя бъ, оставивши чертогъ осиротѣлый,
Ты пышный скинула нарядъ.
Но чернь невѣрная съ любовницей коварной
Бѣгутъ: подонки всѣ повычерпавъ съ виномъ,
Друзья разсѣются толпой неблагодарной
Двойнымъ испуганы ярмомъ.
Храни намъ Цесаря идущаго далеко
Къ британскимъ берегамъ, храни среди враговъ
Отборныхъ юношей (2), грозу всего Востока
И моря Чермнаго сыновъ.
Увы! намъ стыдно ранъ, намъ стыдно преступленья
Братоубійствъ. Какихъ мы не свершали золъ
Въ желѣзный вѣкъ? На что̀ печати оскверненья (3),
Не клали? Отчего страхъ божескій отвелъ
Десницу юности безбожной и суровой?
О! порази, отъ насъ отведши тучу бѣдъ,
И мечъ перековавъ на наковальнѣ новой (4),
Арабовъ ты и Массагетъ (5).

КЪ ПЛОТІЮ НУМИДѢ (6).

Ода XXXVI.

И ладаномъ мы и струнами
Почтимъ охранявшихъ Нумиду боговъ

сплачиванія камней. Многіе критики въ этихъ принадлежностяхъ видятъ орудія пытки; въ такомъ случаѣ, картина дѣлаетъ еще тягостнѣйшее впечатлѣніе.

(1) Надежда и Вѣрность, спутники Фортуны, не покидаютъ ея и тогда, когда она изъ милосердой покровительницы превращается въ карающее божество. Надежда и истинные друзья не покидаютъ человѣка ни въ счастьи, ни въ бѣдѣ.

(2) Элій Галлъ отправился на Востокъ съ новобранцами.

(3) Горацій съ ужасомъ говоритъ о междоусобныхъ войнахъ, предшествовавшихъ единодержавію, во время которыхъ самые храмы не были пощажены.

(4) Римскій мечъ до-того притупился во время междоусобицъ, что его нельзя наточить, и Горацій проситъ Фортуну перековать его заново и сдѣлать годнымъ для пораженія враговъ.

(5) Массагеты — скиѳское племя, жившее на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, сосѣди и союзники парѳянъ, всегдашнихъ враговъ Рима.

(6) Въ 730 году Плотій Нумида, другъ Горація, сопровождавшій Августа

И кровью пролитой тельцами,
Что цѣлъ онъ вернулся съ гесперскихъ бреговъ.
Лобзанья кругомъ расточая
Любезнымъ друзьямъ, къ одному всѣхъ тѣснѣй
Онъ Ламію льнетъ, вспоминая (1)
Про общаго дядьку ребяческихъ дней,
Про тоги, прельщавшія взоры.
Пусть бѣлая день намъ отмѣтитъ черта (2),
Пусть мѣры не знаютъ амфоры,
Ни устали въ пляскѣ салійской пята (3)!
Чтобъ Бассъ съ Дамалидой равнялся (4)!
Глоткомъ поѳракійски изъ чаши онъ пей (5),
Чтобъ розами пиръ украшался
И свѣжей петрушкой и цвѣтомъ лилей! (6)
Всѣ клонятъ и взоры и рѣчи
Къ одной Дамалидѣ; но дѣва рукой
Любовника новаго плечи (7)
Тѣснѣй обвиваетъ, чѣмъ плющъ молодой.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ (8).

Ода XXXVII.

Теперь давайте пить и вольною пятою
О землю ударять; теперь, о други, намъ

въ походѣ, возвратился въ Испанію, и поэтъ въ этой одѣ описываетъ празднество, которымъ друзья встрѣчаютъ Нумиду, причемъ не забыто и жертвоприношеніе.

(1) Элій Ламія (см. I, 26 и III, 17), съ которымъ воспитывался Плотій Нумида, возбуждаетъ въ послѣднемъ воспоминаніе дѣтства: у нихъ былъ общій дядька и обоимъ хотѣлось поскорѣй надѣть тоги — одежду взрослыхъ.

(2) Бѣлая черта указываетъ на обычай римлянъ обозначать на таблицѣ счастливые дни мѣломъ, а несчастные углемъ, чтобъ подъ конецъ года видѣть, какихъ больше.

(3) Нума учредилъ 12 жрецовъ Марса, которые во время годичныхъ праздниковъ плясали по улицамъ и назывались салійцами отъ salire (плясать).

(4) Дамалида, безъ-сомнѣнія, либертина, пѣвица и артистка. Только вольноотпущенныя женщины пили вино, и притомъ въ такомъ количествѣ, что Горацій хочетъ, чтобъ извѣстный питухъ Бассъ поравнялся съ Дамалидой.

(5) При подобныхъ состязаніяхъ, вся чаша осушалась поѳракійски, однимъ глоткомъ.

(6) Римляне на пиршествѣ украшали столы зеленью и надѣвали вѣнки.

(7) Плотія Нумиды, какъ виновника торжества.

(8) Въ сентябрѣ 724 года М. Туллій Цицеронъ (сынъ оратора) привезъ из-

Пора саллiйскихъ яствъ украсить чередою ([1])
Подстилки божествамъ ([2]).
Дотолѣ было грѣхъ изъ отчаго подвала
Старинный Цекубъ брать, преступно было пить ([3]),
Пока царица ([4]) насъ поработить мечтала,
А Капитолiй срыть.
Съ толпой своихъ мужчинъ болѣзненной и гадкой ([5])
Мечтала такъ она о томъ, что̀ выше силъ,
Вполнѣ упоена улыбкой счастья сладкой...
Но гордость усмирилъ
Едва одинъ корабль, бѣжавшiй истребленья ([6]) —
А духъ спасавшейся къ родимымъ берегамъ
Ей Цезарь протрезвилъ отъ чада опьянѣнья ([7]),
На веслахъ по волнамъ.
Погнавшись ей вослѣдъ (такъ гонитъ ястребъ горный
Пугливыхъ голубей, иль зайца такъ точь-въ-точь
Въ лѣсахъ Гемонiи ([8]) слѣдитъ ловецъ проворный),
Чтобъ рока злую дочь ([9])
Цѣпями оковать; но, смерти благородной
Взалкавши, мужества не женскаго полна,
Меча не устрашась, на дальный брегъ свободный
Не бросилась она ([10]).
Нѣтъ, съ радостнымъ челомъ она взираетъ смѣло

вѣстiе о смерти Антонiя и Клеопатры и о взятiи Александрiи. Въ этой одѣ, принадлежащей къ лучшимъ произведенiямъ Горацiя, поэтъ, несмотря на ненависть къ Клеопатрѣ, какъ врагу отечества, отдаетъ справедливость величiю ея духа.

([1]) О салiйскихъ жрецахъ см. I, 36. 12. Для нихъ учреждались богатыя пиршества, такъ-что современемъ всѣ роскошные пиры и яства назывались салiйскими.

([2]) Въ торжественныхъ случаяхъ, при излiянiи благодарности, для укрощенiя гнѣва боговъ, предъ изваянiями ихъ ставили изъисканныя явства, на особенныхъ подстилкахъ: pulvinar. Въ подобныхъ случаяхъ Цицеронъ совѣтуетъ праздновать въ домахъ съ женами и дѣтьми (къ Кат. III).

([3]) Цекубъ—кампанское вино, получившее названiе отъ горы того же имени.

([4]) Клеопатра.

([5]) По обычаю Востока, невольники, окружавшiе Клеопатру, были евнухи.

([6]) Прозаикъ сказалъ бы: ея гордость усмирилась, когда изъ всего флота одинъ корабль, да и тотъ едва уцѣлѣлъ, но поэтъ говоритъ: едва одинъ, и проч.

([7]) Намекается на пиры Антонiя и Клеопатры.

([8]) Гемонiей, или Эмонiей, называлась сѣверная часть Ѳессалiи, прилегавшая къ Македонiи, по имени царя Эмона, сына Девкалiона.

([9]) Клеопатра долгое время была роковой для Рима.

([10]) Не бѣжала изъ Александрiи.

На грустный свой чертогъ, и храбрая стократъ
Ласкаетъ лютыхъ змѣй, чтобъ царственное тѣло
Всосало черный ядъ (1).
Обдумавъ смерть свою, достойную царицы,
На торжество врагамъ не отдалась она —
И не пошла рабой у гордой колесницы
Великая жена.

КЪ МАЛЬЧИКУ-ПРИСЛУЖНИКУ (2).

Ода XXXVIII.

Персидской роскоши (3) я, мальчикъ, не терплю,
Плетенаго вѣнка завязокъ не люблю (4).
Когда приблизиться грозятъ зимы морозы,
Ты не ищи нигдѣ мнѣ запоздалой розы.
Побѣги нѣжные свивая, миртъ простой
Ни съ чѣмъ не смѣшивай заботливой рукой;
Ненужно ни тебѣ красивѣе наряда (5),
Ни мнѣ за чашею подъ сѣнью винограда.

---

(1) Клеопатра не безъ основанія боялась идти за тріумфальной колесницей. Проперцій (III, 9. 53) говоритъ, что самъ видѣлъ, какъ несли ея статую, у которой рука была обвита аспидомъ.

(2) Кирхнеръ полагаетъ, что эта ода написана въ 729 г. Горацій на замѣчаніе слуги, что, по причинѣ поздней осени, нѣтъ розъ, говоритъ, чтобъ онъ изъ простаго мирта приготовилъ вѣнки для себя и для поэта.

(3) Персидская роскошь уже у древнихъ вошла въ пословицу.

(4) Римляне приготовляли искусственные вѣнки, прикрѣпляя отдѣльные листы и цвѣты къ повязкѣ изъ лыка. Такіе вѣнки назывались: sultiles.

(5) Слуги на пирахъ нерѣдко бывали увѣнчаны подобно пирующимъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

═

КЪ АЗИНІЮ ПОЛЛІОНУ (¹).

Ода I.

Гражданскую вражду при консулѣ Метеллѣ (²),
Причины, ходъ войны, ошибочность путей (³),
Фортуны прихоти и важные на дѣлѣ
Союзы дружества вождей (⁴),
Оружіе въ крови, еще неискупленной (⁵),
Представить, выбравъ трудъ опасный, роковой (⁶) —

(¹) К. Азиній Полліонъ, одержавшій блистательную побѣду въ Иллиріи, удалился отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Хотя по временамъ и появлялся онъ въ Сенатѣ, или въ качествѣ оратора, но главнымъ занятіемъ его были поэзія и исторія. Когда Полліонъ приступилъ къ историческому сочиненію, въ которомъ онъ описываетъ гражданскіе раздоры и междоусобицы, Горацій въ предлежащей одѣ выхваляя достоинства своего друга, весьма-ловко указалъ на опасность, которой подвергался историкъ, касаясь такого щекотливаго, въ тогдашнее время, предмета. Основываясь на смыслѣ 5-го стиха, можно, не безъ вѣроятности, отнести эту оду ко времени между 721 и 723 годами — словомъ, до акціумской битвы.

(²) Здѣсь Горацій вообще разумѣетъ безпорядки при консулѣ Метеллѣ (въ 694 г.) во время перваго тріумвирата.

(³) Слѣдующія слова: «причины, ходъ» и проч., указываютъ собственно на междоусобную войну по смерти Красса и на ошибки Помпея и Красса.

(⁴) Соединительная частица *и* заставляетъ подъ этими союзами подразумѣвать второй тріумвиратъ.

(⁵) Оружіе, покрытое кровью гражданъ, неискупленной гибелью виновника войны, Антонія.

(⁶) Горацій, зная безпристрастіе Полліона, боится, чтобъ онъ въ исторіи своей не выставилъ въ невыгодномъ свѣтѣ нѣкоторыхъ членовъ знатныхъ семействъ и тѣмъ не возбудилъ въ народѣ слишкомъ-сильнаго сочувствія къ своему произведенію, что̀ объясняетъ въ двухъ послѣдущихъ стихахъ.

*

На почву ты ступилъ, гдѣ пламень затаенный
Прикрытъ обманчивой золой.
Пусть муза строгая трагедіи до срока (1)
Театръ оставитъ: ты, какъ только разберешь (2)
Гражданскія дѣла, попрежнему высоко
Въ котурнахъ Кекропса пойдешь (3).
Кліентовъ въ горести заступникъ величавый,
О Полліонъ! не разъ Сенатъ благословилъ
Тебя, котораго вѣнкомъ безсмертной славы
Тріумфъ Далмаціи покрылъ (4).
Ужь рокотомъ роговъ (5), грозящихъ и трескучихъ
Нашъ слухъ наполнилъ ты; уже труба трубитъ,
Ужь блескъ оружія смутилъ коней летучихъ
И взоры всадниковъ страшитъ.
И мнится, я внемлю словамъ краснорѣчивымъ (6)
Вождей взывающихъ подъ пылью боевой,
И духомъ лишь Катонъ упорствуетъ строптивымъ (7),
Хоть покоренъ весь кругъ земной.
Юнона, и при ней всѣ африканцевъ боги (8)
Бѣжавшіе страны, которой не спасли,
Ко правнукамъ владыкъ Югурты слишкомъ строги,
Тѣнямъ ихъ въ жертву принесли (9).
Холмы (10) какихъ полей, латинской кровью тучныхъ,

(1) Полліонъ извѣстенъ былъ какъ трагическій писатель.

(2) Азиній не занималъ никакой общественной должности; слѣдовательно, должно понимать: «какъ только ты по порядку изложишь событія».

(3) Котурны—башмаки на высокихъ подошвахъ, которые надѣвали трагическіе актеры. Кекропсъ — основатель Аѳинъ, родины Ѳесписа, отца трагедіи.

(4) Далмація граничила съ Иллиріей, гдѣ торжествовалъ Полліонъ. Въ качествѣ оратора онъ защищалъ кліентовъ и подавалъ мнѣніе въ Сенатѣ.

(5) Подобная живость воображенія нерѣдко встрѣчается въ Гораціи: читая исторію Полліона, онъ ясно видитъ битвы.

(6) Слышитъ рѣчи вождей, безъ которыхъ ни одинъ римскій историкъ не обойдется.

(7) О Катонѣ см. I, 12, 36.

(8) Въ Карѳагенѣ особенно чтили Юнону и по этому Юнона, покровительница Карѳагена, мститъ римлянамъ за разореніе любимаго города.

(9) Послѣ фарсальской битвы, приверженцы Помпея, въ Африкѣ, вновь возстали противъ Цезаря и потерпѣли ужасное пораженіе при Тапсѣ. Горацій говоритъ, что римляне, бывшіе на сторонѣ помпеевой партіи, принесены Юноной въ жертву тѣнямъ убитыхъ африканцевъ за то, что они были правнуки тѣхъ самыхъ римлянъ, которые нѣкогда погубили Югурту.

(10) Отъ «Холмы» до «брегъ?» Горацій развиваетъ мысль: какое обширное поле дѣйствія занимали жестокія междоусобныя войны.

О святотатственныхъ не говорятъ войнахъ?
О вопляхъ ужаса гесперцевъ (1) злополучныхъ,
Что̀ мидамъ слышатся въ степяхъ?
Какой водоворотъ, какой потокъ не знаетъ
Сраженій бѣдственныхъ? Не на моряхъ ли всѣхъ
Отъ труповъ Дауніи (2) волна свой цвѣтъ мѣняетъ?
Гдѣ нашей крови чуждый брегъ?
Но, муза! рѣзвыя не оставляй затѣи (3),
Забудь цеосскій плачъ и грусти не буди (4).
А съ лирою моей въ пещерѣ Діонеи (5)
Напѣвы легкіе найди.

КЪ К. КРИСПУ САЛЛЮСТІЮ (6).

Ода II.

Къ блеску сребра, что̀ скупой зарываетъ,
Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнье;
Цѣну ему лишь одно удвояетъ:
Употребленье.
Братской любовью въ вѣкахъ отдаленныхъ
Будетъ сіять Прокулей величаво (7):
Мчитъ его подвигъ на крыльяхъ нетлѣнныхъ
Вѣчная слава.
Болѣе царь ты, смиривши стремленья
Алчнаго духа, чѣмъ, еслибъ ливійскихъ

(1) Здѣсь Гесперія вмѣсто: Италіи.

(2) Даунія, см. I, 22, 14.

(3) Горацій часто, увлекшись какимъ бы то ни было предметомъ за предѣлы эротической поэзіи, указываетъ въ концѣ оды музѣ на ея прямой путь.

(4) Грустное содержаніе пѣсенъ Симонида, жителя Цеоса.

(5) Діона — дочь Океана и Ѳетиды, мать Венеры; но и сама Венера называлась Діонеей. Въ пещерѣ, посвященной Венерѣ, героическія пѣсни не у мѣста.

(6) К. Криспъ Саллюстій, племянникъ знаменитаго историка, былъ въ молодости извѣстенъ по легкости поведенія, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ по благородному употребленію своего богатства; онъ также, какъ Меценатъ, всю жизнь оставался всадникомъ. Ода эта, по смыслу 17 стиха, относится къ 728 году, когда Фратъ снова возведенъ скиѳами на парѳскій престолъ.

(7) Римскій всадникъ, К. Прокулей Варронъ Мурена, свою часть наслѣдственнаго имѣнія вновь раздѣлилъ между братьями, по несчастью, утратившими достояніе.

Странъ повелитель — ты оба владѣнья (1)
Занялъ пунійскихъ.
Множится въ нѣгѣ болѣзнь водяная,
Жажда неймется, доколь не успѣла (2)
Сущность недужная, влага больная
Выйдти изъ тѣла.
Пусть на престолѣ наслѣдуетъ Киру (3)
Фратъ — добродѣтель его исключаетъ,
На̀ зло толпѣ, изъ счастливцевъ — и міру (4)
Правду вѣщаетъ:
Прочное царство, престолы земные
Лавръ заслуженный тому лишь награда,
Кто и на горы не кинетъ златыя
Лишняго взгляда.

КЪ ДЕЛЛІЮ (5).

Ода III.

Покой не забывай душевный сохранять
Въ минуты трудныя, а также и веселій
Безумныхъ въ счастіи старайся избѣгать:
Вѣдь все же смертенъ ты, о, Деллій!
Хоть цѣлый вѣкъ живи печаленъ и угрюмъ,
Но праздникъ радостью встрѣчай нелицемѣрной
И, лежа на травѣ, гоняй приливы думъ
Старинной влагою Фалерна.
Гдѣ съ бѣлымъ тополемъ огромная сосна

---

(1) Оба пунійскія владѣнья, то-есть Старый Карѳагенъ въ Африкѣ и Новый въ Испаніи.

(2) Горацій алчность къ богатству уподобляетъ водяной болѣзни, которая жаждетъ, по свойству самаго недуга, новой для себя пищи.

(3) Фратъ только въ томъ смыслѣ наслѣдуетъ Киру, что тотъ и другой персидскіе цари.

(4) Добродѣтель не можетъ признать Фрата вполнѣ-счастливымъ, и въ этомъ случаѣ расходится во мнѣніи съ толпой.

(5) К. Деллій сначала принадлежалъ къ партіи народнаго трибуна Доллабелы, перешелъ потомъ къ Кассію, но вскорѣ оставилъ и его, приставъ къ партіи Антонія. Онъ убѣдилъ Клеопатру соединиться съ Антоніемъ, но, не дождавшись акціумской битвы, перешелъ на сторону Октавіана, изъ чего можно заключить, что Горацій не раньше этого послѣдняго шага съ нимъ сблизился, и слѣдовательно, эта ода написана около 725 года. Зная легкомысліе своего друга, Горацій совѣтуетъ ему быть болѣе-ровнымъ среди превратностей судьбы.

На тѣнь отрадную спѣшитъ соединиться
Вѣтвями длинными, и рѣзвая волна
Съ трудомъ въ излучинахъ струится,
Туда духовъ, вина и радостныхъ цвѣтовъ
Вели намъ принести недолговѣчной розы...
Пока богатъ и юнъ, ты позабыть готовъ
Прядущихъ трехъ сестеръ угрозы.
Оставишь ты лѣса, что̀ накупилъ, и домъ,
И виллу, гдѣ волной прибрежной Тибръ желтѣетъ ([1]),
Оставишь навсегда, и нажитымъ добромъ
Твоимъ наслѣдникъ завладѣетъ.
Богатъ ли, родъ ли свой отъ Инаха ведешь ([2]),
Тутъ нѣтъ различія; иль, бѣдностью страдая,
Послѣднимъ изъ гражданъ подъ солнцемъ ты живешь —
Ты жертва Орка ([3]) роковая.
Въ одномъ и томъ же всѣ мы свидимся краю.
Позднѣй ли, раньше ли, нашъ жребій безъ сознанья
Изъ урны выскочитъ ([4]) и броситъ насъ въ ладью
Для вѣковѣчнаго изгнанья.

КЪ КСАНТІЮ ФОКЕЮ ([5]).

Ода IV.

Ты не стыдись, что увлекся рабою,
Ксантій Фокей: Бризеида смирила ([6]),

([1]) Воды Тибра, отъ глинистой почвы, имѣютъ желтоватый цвѣтъ.

([2]) Инахъ, выходецъ изъ Египта, поселился въ Пелопоннесѣ и былъ первымъ царемъ аргивскимъ. На берегахъ рѣки Инаха онъ построилъ зàмокъ Ларису. Римскіе всадники (equites) должны были имѣть не менѣе 400,000 сестерцій, и поэтому Горацій предполагаетъ, что богатый долженъ происходить отъ знатнаго рода, въ противоположность послѣднему изъ гражданъ — свободныхъ, разумѣется.

([3]) Оркъ — жилище тѣней.

([4]) По понятію Горація, богиня Судьба держитъ въ рукѣ урну, наполненную людскими именами, и когда, потрясая урной, она выброситъ одинъ изъ жребіевъ, то тотъ, кому онъ принадлежитъ, долженъ умереть (см. III, 1, 16).

([5]) Послѣдніе два стиха показываютъ, что Горацію было 40 лѣтъ, почему оду эту можно отнести къ 729 году. Всячески старались объяснить, кто былъ Ксантій Фокей. Довольно того, что Горацій утѣшаетъ друга своего, влюбленнаго въ рабыню, примѣрами древности. Пусть чувство читателя скажетъ ему, говоритъ ли Горацій въ этой одѣ отъ души, или же вся ода — тонкая насмѣшка.

([6]) Гипподамія—дочь Бризея, рабыня Ахиллеса, за которую онъ враждовалъ съ Агамемнономъ.

Бывши въ плѣну, бѣлоснѣжной красою
Гордость Ахилла.
Сынъ Теламона, Аяксъ повелитель,
Стройной Текмессой (1) плѣнился мгновенно;
Такъ воспылалъ и Атридъ побѣдитель
Дѣвою плѣнной (2)
Послѣ того, какъ герой ѳессалійскій (3)
Варваровъ (4) смялъ и за Гекторомъ павшимъ
Легкой добычею сталъ берегъ фригійскій
Грекамъ уставшимъ.
Русой Филлиды (5) родители были,
Ты и не знаешь, быть-можетъ, богаты.
Вѣрно, въ ней царскую кровь затаили
Злые пенаты.
Вѣрь мнѣ, что выборомъ можешь гордиться:
Вѣрности нѣтъ средь толпы ненавистной.
Можно ль отъ матери подлой родиться
Столь безкорыстной?
Руки ея и лицо и покатый
Очеркъ икры, не страшась, выхваляю...
Брось подозрѣнье. Вѣдь я ужь девятой
Люстръ доживаю.

КЪ ЛАЛАГѢ (6).

Ода V.

Ей выю преклонять въ ярмо еще не время (7),
И въ парѣ раздѣлять труды она пока
Еще не вынесетъ, ей не подъ-силу бремя

(1) Текмесса — дочь Тевтрасса, царя Мизіи, любовница Аякса, отъ котораго родила сына Еврикала.

(2) Кассандра, похищенная изъ храма Паллады, досталась по раздѣлу на долю Агамемнона.

(3) Ахиллесъ изъ города Лариссы въ Ѳессаліи, царь мирмидоновъ.

(4) Варвары — всѣ не греки и не римляне; слѣдовательно и союзники Трои, фригійцы.

(5) Вымышленное имя.

(6) Въ этой одѣ Лалага представлена незрѣлой дѣвушкой и, слѣдовательно, нельзя подразумѣвать любовницу Горація Лалагу (Цинару). На этомъ основаніи и стихотвореніе это написано не къ самому себѣ, а къ одному изъ друзей Горація.

(7) Союзъ любви древніе часто представляли въ образѣ двухъ животныхъ, соединенныхъ однимъ ярмомъ, см. I, 33, 11.

Любовной яростью кипящаго быка.
Твоей телицы все желаніе стремится
На мураву луговъ; ей хочется въ рѣкѣ
Унять полдневный зной; ей хочется рѣзвиться
Между телятами во влажномъ лозникѣ.
Незрѣлой ягодой не обольщай же взгляда (1),
А пестрой осени дождись: она прійдетъ —
И скоро для тебя весь пурпуръ винограда
До сизаго по всѣмъ цвѣтамъ переведетъ.
Постой, прійдетъ пора и дѣва взоръ подъиметъ...
Жестокій вѣкъ года ей станетъ прибавлять —
Года, которые онъ у тебя отниметъ —
И мужа Лалага сама пойдетъ искать.
Проворство Полои (2) забудутъ для прекрасной,
Клориса скроется, хоть плечъ ея нагихъ
Такъ бѣлизна ярка, какъ ночью мѣсяцъ ясной
На глубинѣ морской, и самый гнидскій Гигъ (3) —
Котораго поставь въ дѣвичьемъ хороводѣ,
Не диво знатоку, и даже молодцу
Его не отличить и ошибиться въ родѣ
По длиннымъ волосамъ (4) и женскому лицу.

КЪ СЕПТИМІЮ (5).

Ода VI.

Въ Гадесъ, Септимій, ты радъ бы за мною (6),
Радъ бы къ Кантабрамъ, ярму непокорнымъ,

---

(1) Горацій отъ сравненія Лалаги съ телицей переходитъ къ сравненію ея съ ягодой.

(2) Для прекрасной Лалаги забудутъ проворную Полою и извѣстнаго красавца Гига.

(3) Гнидскимъ называетъ его Горацій, вѣроятно, отъ Гнидоса, гдѣ особенно чтили Венеру, богиню любви.

(4) Мальчики въ Римѣ носили длинные волосы, которые обрѣзались только съ полученіемъ тоги (toga virilis).

(5) Эту оду Горацій написалъ въ 717 году, воротясь изъ Брундузія и еще полный впечатлѣній, оставленныхъ въ немъ окрестностями Тибура и Тарента. Что эта ода не можетъ быть отнесена къ позднѣйшему времени, видно изъ того, вопервыхъ, что кантабровъ (бискайцевъ) онъ называетъ непокорными (они покорены Августомъ въ 725 году), вовторыхъ, Горацій могъ желать жить въ окрестностяхъ Тибура только до полученія Сабина, и наконецъ, 7-й стихъ доказываетъ, что впечатлѣнія военнаго поприща Горація не изгладились въ его памяти.

(6) Горацій увѣренъ, что другъ его Септимій готовъ слѣдовать за нимъ всю-

Даже къ Сиртамъ, съ мавританскою волною
Въ споре упорнымъ.
Еслибъ аргивцемъ Тибуръ насажденный (1)
Далъ мнѣ, подъ старость, пріютъ на просторѣ,
Мнѣ, испытавшему въ службѣ военной
Сушу и море!
Парки же злыя коль скажутъ иное,
Къ пастьбамъ овецъ мы къ Галезу (2) съ тобою
Ѣдемъ. Фалантъ тамъ во время былое (3)
Правилъ страною.
Этотъ земли уголокъ предъ глазами
Вѣчно моими смѣется красивый...
Медъ какъ съ Гиметта (4), съ Венафромъ плодами
Спорятъ оливы.
Долгой веснѣ тамъ и краткой быть стужѣ
Зевсъ повелѣлъ, и любимый безмѣрно
Вакхомъ Аулонъ (5) въ виноградѣ не хуже
Гроздій Фалерна.
Эти вершины и край отдаленный
Ждутъ насъ, о другъ мой! въ забвеньи свѣта...
Должной слезой тамъ смочи раскаленный
Пепелъ поэта.

КЪ ПОМПЕЮ ВАРУ (6).

Ода VII.

О ты, не разъ со мной встрѣчавшій смерти видъ,
Когда насъ Брутъ водилъ во времена былыя,

ду, напримѣръ, въ Гадесъ (нынѣ Кадиксъ), который считался самымъ отдаленнымъ предѣломъ, къ бискайцамъ, и даже въ мавританскія степи.

(1) См. I, 7, 13.

(2) Рѣка Галезъ, ныньче Galoso, протекаетъ по окрестностямъ Тарента, славившимся овцеводствомъ.

(3) Царь спартанскій Фалантъ, изгнанный изъ отечества, основалъ городъ Тарентъ.

(4) Гиметтъ гора въ Аттикѣ, славная мраморомъ и пчеловодствомъ. Венафръ, небольшой городъ въ Сѣверной Кампаніи, славился сливами.

(5) Аулонъ, гора близь Тарента.

(6) Много писали и спорили о времени сочиненія этой оды и о самомъ лицѣ Помпея Вара, смѣшивали его съ Помпеемъ Гросфомъ, къ которому написана ода, (см. II, 16). Варъ, подобно Гросфу, сражался при Филиппахъ подъ знаменами Бру-

Кто возвратилъ тебя, мой дорогой квиритъ,
Отеческимъ богамъ подъ небеса родныя?
Помпей, товарищъ мой, первѣйшій изъ друзей,
Съ кѣмъ часто долгій день виномъ мы коротали,
Въ вѣнкахъ, сирійскій весь растративши елей,
Которымъ волоса душистые сіяли!
Съ тобой я пережилъ Филиппы (1), при тебѣ
Бѣжалъ, безславно щитъ свой покидая въ страхѣ...
Въ тотъ день и мужество низвергнулось въ борьбѣ,
И грозные бойцы въ крови легли во прахѣ.
Но средь враговъ меня, въ туманъ сокрывъ густой,
Испуганнаго спасъ Меркурій быстрокрылый (2);
Тебя жь въ сраженіе за новою волной
Опять умчалъ приливъ неотразимой силой.
И такъ обѣщанный Зевесу пиръ устрой (3),
И отдыха ищи дли членовъ утомленныхъ
Войною долгою, подъ лавръ склонившись мой (4) —
Да не щади тебѣ бутылокъ обреченныхъ.
Массійской влагою разымчивой щедрѣй
Фіялы свѣтлые наполни, и смѣлѣе
Изъ ёмкихъ раковинъ благоуханья лей.
Кто позаботится достать плюща скорѣе,
Иль мирта для вѣнковъ? Кого-то изберетъ
Венера (5) во главу пирующаго круга?
Со мной теперь любой эдонецъ (6) не сопьетъ:
Такъ сладко буйствовать при возвращеньи друга.

та, послѣ неудачи отправился къ Сексту Помпею въ Сицилію и, вмѣстѣ съ прочими, будучи прощенъ, воротился въ Италію. Поэтому предлежащая ода не могла быть написана позже 716 года.

(1) Филиппы: см. о жизни Горація.

(2) Горацій, разсказавъ въ предъидущей строфѣ о своемъ постыдномъ бѣгствѣ, можетъ-быть, хочетъ польстить своему самолюбію мыслью, что Меркурій, покровитель Лиры, спасъ въ немъ будущаго великаго поэта.

(3) Благодарственныя жертвоприношенія оканчивались пиршествами.

(4) Въ Римѣ деревья насаждались не только у входовъ домовъ, но и на крышахъ. Горацій говоритъ о такомъ лавровомъ деревѣ а, можетъ-быть, не понималъ ли онъ подъ лавромъ славы своей?

(5) Глава пиршества избирался по жребію. Если брошенныя кости (изъ которыхъ на каждой были четыре цифры: 1, 3, 4, 6, а 2 и 5 были пропущены) ложились такъ, что разомъ показывали всѣ цифры 1, 3, 4, 6, то это называлось жребіемъ Венеры.

(6) Эдонцы—ѳракійцы, извѣстные пьянствомъ.

КЪ БАРИНѢ ([1]).

Ода VIII.

Еслибъ ты хоть разъ наказанье злое,
За измѣну клятвѣ, Барѝна, знала;
Еслибъ зубъ одинъ почернѣлъ, иль только
Ноготь сталъ дуренъ,
Я бъ вѣрилъ богамъ. Но не успѣешь клятвой
Отягчить главы ты своей преступной,
Какъ для всѣхъ красой ты блистаешь новой,
Юношей мука!
Въ пользу лгать тебѣ погребеннымъ прахомъ
Матери и всѣмъ молчаливымъ небомъ
Звѣздъ ночныхъ и чуждыми вѣчно-хладной
Смерти богами.
Тутъ сама Венера, кажись, смѣется ([2]),
Съ ней простыя Нимфы смѣются, съ ними
И Эротъ, на камнѣ точа кровавомъ ([3])
Жгучія стрѣлы.
Юность вся, прибавь, выростаетъ наша
Вся тебѣ въ рабы, и никто изъ прежнихъ
Не оставитъ кровъ госпожи коварной,
Какъ ни грозится.
Матери тебя за сыновъ страшатся,
Бережливые старики и дѣвы
Новобрачныя ([4]), чтобъ мужей не обнялъ
Кругъ твой душистый.

([1]) Веберъ относитъ эту оду къ 721 году, хотя, по полнотѣ и замкнутости своей, она указываетъ на періодъ полнаго развитія Горація. Кто эта Барѝна — опредѣлить трудно. Хотя и принимаютъ ее за Нееру, но самые законы метрики опровергаютъ подобное положеніе; производить же имя Барѝны отъ рыбы (βαρῖνοσ) еще несообразнѣе. Довольно того, что Барѝна является неумолимой кокеткой, и, намъ кажется, въ этой одѣ такъ мало рѣзкости, что нельзя считать ее плодомъ униженнаго самолюбія.

([2]) Венера съ приближенными, вмѣсто того, чтобъ негодовать на продѣлки Барѝны, смѣется.

([3]) Камень названъ кровавымъ потому, что стрѣлы, наточенныя на немъ, наносятъ кровавыя раны.

([4]) Новобрачныхъ женщинъ Горацій называетъ дѣвами.

КЪ ВАЛЬГІЮ (1).

ОДА IX.

Не вѣчно дождикъ крупный льется
Изъ тучъ на грязный тукъ полей,
И буря злобная несется
Средь грозныхъ Каспія зыбей.
Другъ Вальгій, въ берегахъ армянскихъ
Не каждый мѣсяцъ стынутъ льды,
Не вѣчный вихрь въ лѣсахъ гарганскихъ (2) —
И мчатся съ яворовъ листы.
Лишь ты все стонешь объ утратѣ,
И нѣжный Мистъ не позабытъ,
Горитъ ли весперъ на закатѣ (3),
Иль солнца быстраго бѣжитъ.
Что милый Антилохъ въ могилѣ (4),
Въ три вѣка позабылъ отецъ.
Сестеръ фригійскихъ о Троилѣ (5)
Изсякли слезы наконецъ.
Оставь же томныя затѣи,
И Августу на новый ладъ
Споемъ недавніе трофеи
И цѣпенѣющій Нифатъ (6).
Рѣки мидійской плескъ несмѣлый (7)
Въ порабощенныхъ берегахъ

---

(1) Вальгій Руфъ, славный грамматикъ, ораторъ и элегическій поэтъ, оплакивалъ смерть юноши Миста. Горацій въ этомъ стихотвореніи приводитъ примѣры того, что печальное состояніе не можетъ быть вѣчно ни въ природѣ, ни въ душѣ человѣка, и старается обратить музу Вальгія на другой предметъ — на недавніе трофеи Августа. Послѣднее обстоятельство за ставило толкователей отнести оду эту къ 735 году, когда Августъ возвратилъ римскихъ орловъ, утраченныхъ Крассомъ въ войнѣ съ мидянами, а Лентулъ покорилъ гелоновъ (скиѳское племя, жившее на берегахъ Днѣпра).

(2) Утесъ Гарганскій въ Апуліи.

(3) Весперъ—звѣзда, слѣдующая вечеромъ засолнцемъ и исчезающая утромъ передъ его появленіемъ.

(4) Несторъ, жившій три вѣка, отецъ Антилоха (см. «Одиссею» Жуковскаго III т.

(5) Поликсена, Кассандра, Иліона — сестры Троила, сына Пріама.

(6) Сѣверная часть Курдистанскихъ Горъ, покрытая снѣгомъ.

(7) Что̀ это за мидійская рѣка — трудно рѣшить. Одни говорятъ — Араксъ, другіе — Эвфратъ.

И уменьшенные предѣлы
Гелонамъ въ полѣ на коняхъ ([1]).

КЪ ЛИЦИНІЮ МУРЕНѢ ([2]).

Ода X.

Счастливѣй проживешь, Лицинъ, когда спѣсиво
Не станешь въ даль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
    Невѣрныхъ береговъ.
Златую кто избралъ посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать, покоенъ до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
    Завиднаго дворца.
Грознѣй дыханье бурь для исполинской ели,
И башни гордыя съ отвѣсной высоты
Тяжеле рушатся. Громамъ нѣтъ ближе цѣли,
    Какъ горные хребты.
Мудрецъ надѣется, коль угнетенъ судьбою,
И слѣпо счастію не станетъ довѣрять...
Юпитеръ, посѣтя суровою зимою,
    Помилуетъ опять.
Коль плохо намъ теперь, не то же обѣщаетъ
Грядущее: подъ-часъ плѣняетъ цитры звонъ
Камену смолкшую — и лукъ свой напрягаетъ
    Не вѣчно Аполлонъ.
Отваженъ и могучъ, не бойся ты несчастій,
Но мудро убирай, хоть ясны небеса,
Хотя попутенъ вѣтръ, да не подъ-силу снасти,
    Тугіе паруса.

([1]) Побѣды Августа стѣснили предѣлы кочующихъ гелоновъ.

([2]) Лициній Мурена, сынъ Л. Мурены, котораго защищалъ Цицеронъ, и братъ Теренціи, супруги Мецената. Во время междоусобныхъ войнъ онъ лишился наслѣдственнаго состоянія, но снова получилъ имѣніе отъ брата своего Прокулея (смот. II, 2, 6); за одержанную побѣду онъ былъ сдѣланъ консуломъ; но, замѣшанный въ заговорѣ противъ Августа, несмотря на заступничество сестры и зятя, былъ казненъ въ 732 году. Горацій написалъ эту оду въ 730 году, совѣтуя консулу Лицинію неслишкомъ чваниться своимъ саномъ, и мудро указывая на златую посредственность. Вся ода въ разныхъ ôбразахъ исчерпываетъ одну и ту же мысль.

КЪ КВИНТУ ГИРПИНУ (¹).

Ода XI.

Что̀ скиѳы и Кантабръ отважный замышляютъ (²),
Брось думать, Квинтъ Гирпинъ. Какой въ тѣхъ думахъ прокъ?
Вѣдь съ ними Адрія насъ волны раздѣляютъ!
И полно трепетать, что кратокъ жизни срокъ.
Да много ль нужно намъ? Всему свои законы:
Уходитъ красота за юностью живой,
Игриво-нѣжные умчатся купидоны,
Исчезнетъ легкій сонъ предъ тощей сѣдиной.
Цвѣты весенніе не вѣчно расцвѣтаютъ,
И не въ одной порѣ блистаетъ лунный ликъ.
Что жь думы все однѣ и тѣ жь тебя терзаютъ?
Онѣ твой духъ гнетутъ, ка̀къ онъ ни будь великъ.
Не лучше ли въ тѣни, подъ рослымъ тѣмъ платаномъ,
Иль подъ сосною здѣсь раскинуться въ травѣ
И пить, доколѣ жизнь еще въ удѣлъ дана намъ,
Въ вѣнкѣ душистыхъ розъ на бѣлой головѣ,
И нардомъ умастясь сирійскимъ? Эвій вѣрно
Разсѣетъ нашу грусть. Кто, мальчики, скорѣй
Покалы цѣльнаго и жгучаго фалерна (³)
Опуститъ утушить въ сверкающій ручей?
Кто сходитъ въ дальній домъ за Лидой сладострастной?
Скажи, чтобъ съ лирою она пришла. Мы ждемъ.
А волосы свои — къ чему уборъ напрасный? —
Хоть поспартански пусть свернетъ она узломъ.

(¹) Carpe diem (лови текущій день)... этого правила Горацій держится неизмѣнно, и его-то онъ старается внушить Квинту Гирпину. Судя по 16 стиху оды, ее относятъ къ 730 г., когда Горацій, несмотря на сорокалѣтній возрастъ, уже посѣдѣлъ.

(²) Нѣтъ никакой необходимости предполагать особенныхъ военныхъ замысловъ со стороны этихъ племенъ; во время сочиненія оды Горацій хотѣлъ только сказать, ка̀къ безполезно думать о покушеніяхъ такихъ отдаленныхъ народовъ, ка̀къ скиѳы и испанцы.

(³) Древніе всегда разбавляли вино водою.

КЪ МЕЦЕНАТУ [1].

Ода XII.

Не требуй, чтобъ войны жестокость нумантійской [2],
Иль Аннибала гнѣвъ, иль то, какъ пролегалъ,
Отъ крови пунновъ слѣдъ по влагѣ сикулійской [3],
Я съ цитрой воспѣвалъ.
Иль бѣшеныхъ Лапитъ, иль пьянаго Гилея [4],
Иль то, какъ ринула ираклова рука [5]
Дѣтей земли, предъ кѣмъ дрожали, цѣпенѣя,
Сатурна старика
Блестящіе сыны. Пѣть Цезаря не смѣю.
Ты самъ, о Меценатъ, разскажешь намъ вѣрнѣй [6],
Кàкъ бился онъ, кàкъ велъ окованныхъ за шею
Грозившихъ намъ царей. [7]
Мнѣ муза пѣть велитъ владычицы прекрасной
Младой Лицимніи красу, и славлю вновь
Я блескъ ея очей и груди сладострастной
Взаимную любовь.
Какъ въ хороводѣ ей движенье ногъ пристало
И мановенье рукъ въ борьбѣ игры живой [8],
Когда въ кругу младыхъ подругъ она встрѣчала

---

(1) Въ послѣдней картинѣ этой оды толкователи не хотѣли узнавать въ Лицимніи супругу Мецената, Теренцію (смот. II 10), и поэтому считали Лицимнію либертиной; но либертины не могли участвовать въ празднествахъ Діаны, да и тонъ оды показываетъ, что Меценатъ слишкомъ долженъ былъ дорожить Лицимніей. Итакъ остается считать эту оду написанною въ 726 г., когда Теренція была невѣстою Мецената.

(2) Городъ Нуманція, въ Испаніи, долго сопротивлялся римскому оружію, но наконецъ разоренъ Сципіономъ Африканскимъ.

(3) Сикулійское или Сицилійское Море. Горацій говоритъ о морской побѣдѣ Дуиллія.

(4) О пьянствѣ лапитъ и центавровъ смот. I, 18, 8. Гилей, одинъ изъ центавровъ, убитый Геркулесомъ, или Тезеемъ.

(5) Геркулесъ въ числѣ прочихъ боговъ участвовалъ въ пораженіи дѣтей земли, гигантовъ, угрожавшихъ небожителямъ.

(6) Стихъ этотъ не доказываетъ, чтобъ Меценатъ былъ историкомъ. Горацій хочетъ только сказать, что подобное содержаніе не по силамъ лирической музѣ.

(7) Горацій намекаетъ, вѣроятно, на тріумфъ 725 года, по поводу покоренія Далмаціи, акціумской битвы и взятія Александріи.

(8) Въ религіозныхъ пляскахъ хоры дѣвъ и юношей, какъ-будто сражаясь, дѣлали руками различныя движенія.

Діаны день святой.
Уже-ли бъ ты на кладъ Ахименеса бренный ([1])
Иль тукъ фригійскихъ нивъ, на все, чѣмъ обладать
Дано Аравіи, могъ волосъ драгоцѣнный
Лицимніи смѣнять?
Когда она лицо закидываетъ, жгучимъ
Лобзаньямъ отвѣчать, иль хитро ихъ бѣжитъ,
Сама въ огнѣ — и вдругъ лобзаніемъ летучимъ
Тебя предупредитъ!

КЪ ДЕРЕВУ ([2]).

Ода XIII.

Тотъ, кто бы ни былъ онъ, недобрый день избралъ
Садить тебя рукой, свершавшей преступленья,
Кто ростъ твой медленный, о древо! охранялъ
На гибель правнуковъ и на позоръ селенья.
Что и родителю — повѣрю я о немъ
Онъ выю сокрушилъ, что крался къ изголовью
Онъ въ полуночный часъ къ забывшемуся сномъ
И спальню темную обрызгалъ гостя кровью.
Колхійскій ядъ мѣшалъ ([3]) и всѣхъ былъ полонъ золъ,
Какія гдѣ-либо свершались, насаждавшій
На полѣ у меня тебя, несчастный стволъ,
Владѣльцу на главу невинную упавшій.
Кому чего бѣжать — никто и никогда
Не знаетъ изъ людей. Трепещетъ лишь Босфора ([4])
Пунійскій плаватель, и больше никуда
На жребій свой слѣпой не обращаетъ взора;

([1]) Богатый Ахименесъ, по преданію, былъ первымъ царемъ персидскимъ.

([2]) Горацій на одной изъ прогулокъ по своей дачѣ въ Сабинѣ, чуть не былъ убитъ неожиданно упавшимъ деревомъ. Хотя и считали озлобленныя проклятія этому дереву шуткой, но поэтъ говоритъ о немъ еще въ трехъ мѣстахъ и, какъ кажется, вовсе нешутя (II, 17, 27, III. 4, 28 и III, 88). Принимая, что III, 8 написана въ 725 году, должно сочиненіе предлежащей оды отнести къ 724 году.

([3]) Колхійцы, скиѳское племя, извѣстны были составленіемъ яда и женщинами, которыя этимъ занимались.

([4]) Карѳагенскій купецъ боится только Константинопольскаго Пролива и не знаетъ, что слѣпая судьба можетъ настигнуть его и въ другомъ мѣстѣ.

Боится воинъ стрѣлъ и быстроты пареянъ:
Пареянамъ цѣпь страшна да итальянцевъ сила...
Но смерть нежданная, безжалостный тиранъ,
Уноситъ племена, какъ прежде уносила.
Въ твоемъ владѣніи, о Прозерпина! я
Эака судію чуть не увидѣлъ близко (¹),
И праведныхъ тѣней отъемные края (²),
И Саффо грустную, на голосъ эолійскій (³)
О дѣвахъ родины поющую съ тоской,
И съ лирой, полною громчайшихъ пѣснопѣній,
Тебя, Алкей, пѣвецъ погибели морской (⁴)
И бѣгства злыхъ трудовъ и бѣдствія сраженій.
Въ священной тишинѣ, какъ должно, кругъ тѣней
Обоимъ внемлетъ имъ, и радуется духомъ,
Но пѣсни про войну, про изгнанныхъ царей
Толпа плечо съ плечомъ пьетъ ненасытнымъ ухомъ.
Что̀ дивнаго? Когда лишь пѣсня зазвучитъ,
Стоглавый звѣрь смущенъ (⁵) и уши шевелятся
На черномъ черныя, а змѣи эвменидъ (⁶)
Свиваясь межъ волосъ летучихъ, веселятся.
Не страждетъ Прометей, и Пелопса отецъ (⁷)
Забылъ мученія подъ звукъ краснорѣчивый,
И не преслѣдуетъ самъ Оріонъ ловецъ (⁸)
Заслушавшись, ни льва, ни рыси торопливой.

(¹) Эакъ, царь Эгины, отецъ Пелея и Теламона, дѣдъ Ахиллесса и Аякса, за мудрость приговоровъ былъ сдѣланъ судьей въ царствѣ тѣней.

(²) Края, отдѣленные отъ Тартара.

(³) Саффо и Алкей, оба изъ Митилены, на островѣ Лесбосѣ — поэты эолійскаго нарѣчія. По имени Саффо одинъ размѣръ названъ саффическимъ.

(⁴) Алкей (см. I, 32 5), какъ и Горацій, самъ бѣжалъ съ поля сраженія, и говорилъ по опыту.

(⁵) Хотя Цербера, стража адскаго входа, воображеніе древнихъ, представляло только съ тремя головами, но Горацій считаетъ и головы ехиднъ, которыя извиваются на немъ въ видѣ гривы.

(⁶) Фурій.

(⁷) Горацій измѣнилъ извѣстный миѳъ о кавказской скалѣ: онъ заставляетъ Прометея мучиться въ аду (смот. I, 3, 28 и II. 18, 35). Танталъ—(см. I, 28, 7 и II, 18, 38) подробное описаніе его мученій (см. «Одиссею» Жуковскаго XI, 582).

(⁸) О звѣроловѣ Оріонѣ см. «Одиссею» Жуковскаго XI, 572): «Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона; гналъ по широкому асфоделосскому лугу звѣрей онъ» и проч.

КЪ ПОСТУМІЮ (1).

Ода XIV.

Увы! мимолетно, Постумій, Постумій,
Проносятся годы, моленья напрасны:
Не сходятъ морщины — наслѣдье раздумій,
А старость и смерть неизбѣжно-ужасны.
Въ день триста быковъ закалая, Плутона,
О другъ! ты не тронешь напрасной мольбою:
Безслезный трехтѣльнаго онъ Геріона (2) -
И Титія заперъ печальной волною (3).
По ней же нельзя, чтобъ и мы не поплыли,
Всѣ, сколько насъ кормятъ земные предѣлы
Плодами своими, хотя бы мы были
Цари или скудные лишь земледѣлы.
Напрасно насъ Марсъ кровожадный минуетъ
И Адрій, ревущій разбитой волною;
Напрасно страшимся, коль Австеръ (4) подуетъ,
Тѣламъ вредоносный, осенней порою.
Прійдется увидѣть во мракѣ Аида

---

(1) Кто этотъ Постумій — неизвѣстно. Хотя это имя и встрѣчается у Проперція, но трудно доказать, чтобъ это было то же лицо. Постумій, какъ видно, былъ скупъ и Горацій старается обратить его къ наслажденіямъ жизни, поставляя ему на видъ, какъ она коротка. 13-ый стихъ намекаетъ на мирное время; почему сочиненіе этой оды и относятъ къ 730 году.

(2) Трехтѣльный — имѣющій три тѣла. Геріонъ, царь испанскій у котораго Геркулесъ увелъ быковъ.

(3) Титій, см. «Одиссею» Жук. XI 576.

«Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Геи:
Девять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ
Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую къ Пиѳію, онъ осрамилъ на лугу Панопейскомъ.»

Горацій хотѣлъ сказать, что если Плутонъ въ состояніи удержать такихъ гигантовъ и силачей, какъ Геріонъ и Титій, то обыкновеннымъ смертнымъ нѣчего и думать высвободиться изъ Аида.

(4) Южный вѣтеръ, приводящій въ разслабленіе.

Лѣнивый Коцитъ (1) и проклятое племя
Даная (2), увидѣть въ рукахъ Эолида
Сизифа несносное, вѣчное бремя (3).
Оставишь и землю и домъ и супругу...
Изъ древъ, насажденныхъ твоею рукою,
Одинъ кипарисъ ненавистный, въ услугу (4),
Владѣлецъ минутный! пойдетъ за тобою.
Смышленый наслѣдникъ отъищетъ въ подвалѣ,
Гдѣ Цекубъ (5) за стами замками хранится;
Виномъ же, какого жрецы (6) не пивали,
Увлажитъ помоста не будетъ стыдиться.

КЪ РОСКОШИ СВОЕГО ВѢКА (7).

Ода XV.

За десятиной десятину
Дворцамъ все уступаетъ плугъ;
Подобно озеру Лукрину (8),
Пруды раскинулись вокругъ;
Все клёнъ безбрачный, ильмовъ мало (9),
Средь миртъ фіалка расцвѣла,
Гдѣ у хозяина, бывало,
Съ плодами маслина росла.

---

(1) Адская рѣка.

(2) О дочеряхъ Даная см. III, 11, 21.

(3) О казни Сизифа, сына Эола, см. «Одиссею» Жуковск. XI, 593:

«Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
Въ гору»; и проч.

(4) Кипарисъ, насаждавшійся на могилахъ и посвященный Прозерпинѣ.

(5) Цекубъ, см. I, 37, 6.

(6) Роскошныя пиршества жрецовъ вошли въ пословицу.

(7) Оду эту должно отнести къ 725 и 726 годамъ, до того времени, когда Августъ издалъ законъ о возобновленіи частными лицами построенныхъ ими храмовъ, которые потерпѣли отъ пожаровъ. Мысль оды ясна: предметы первой необходимости мало-по-малу уступаютъ мѣсто предметамъ роскоши.

(8) Озеро Лукринъ, близъ Баи, отличалось большимъ количествомъ водившейся въ немъ рыбы. Римляне, охотники до рыбы, рыли во множествѣ обширные пруды.

(9) Вокругъ прямыхъ ильмовъ вились виноградныя лозы, а раскидистый клёнъ для этого неудобенъ, почему Горацій называетъ его безбрачнымъ.

Хотятъ, чтобъ лавръ, листвой укрытый,
Лучи полудня укрощалъ...
Не такъ судилъ Катонъ небритый [1],
Не то намъ Ромулъ завѣщалъ.
Свои у нихъ скудѣли клады —
Но общій былъ обогащенъ,
И портикъ длинный для прохлады
На сѣверъ не былъ обращенъ [2].
Гражданамъ кирпичомъ дерновымъ
Претилъ законъ пренебрегать [3],
Казнѣ внушая камнемъ новымъ
Градскіе храмы украшать.

КЪ ГРОСФУ [4].

Ода XVI.

Проситъ покоя съ небесъ, кто трепещетъ
Моря Эгейскаго камней подводныхъ [5];
Въ тучахъ луна, и нигдѣ не заблещетъ
Звѣздъ путеводныхъ.
Проситъ покоя средь битвы Ѳракія,
Просятъ мидійцы, колчанъ за спиною...
Гросфъ, но за пурпуръ, за камни цвѣтные
Нѣтъ намъ покоя.
Въ бурѣ душевной нельзя откупиться,

---

(1) Катонъ-Древній, не Утическій, извѣстенъ суровою жизнью, и потому, подобно Курію Дентату (см. I, 12, 41), Горацій называетъ его небритымъ.

(2) Римляне времени Горація строили длинные портики, обращенные на сѣверъ, длятого, чтобъ полуденные лучи въ нихъ не проникали.

(3) Горацій только хочетъ сказать, что законъ воспрещалъ частнымъ лицамъ роскошныя постройки и что древніе Римляне на подобныя употребляли дерновый кирпичъ.

(4) Помпей Гросфъ, еще со временъ Брута другъ Горація, былъ богатый сицилійскій всадникъ. Въ числѣ прочихъ, получилъ онъ право римскаго гражданства отъ тріумвира Помпея, къ партіи котораго принадлежалъ. Основываясь на 39 стихѣ этой оды, надобно время сочиненія ея полагать позже 721 года, но въ какомъ именно—опредѣлить трудно.

(5) Море Архипелага получило названіе Эгейскаго отъ Эгея, отца Тезея.

Ликторъ отъ ней не спасетъ властелина [1];
По потолку золотому кружится
Злая кручина.
Малымъ доволенъ, предъ кѣмъ родовая
Блещетъ солонка за ужиномъ скуднымъ;
Спитъ онъ, корыстной тревоги не зная,
Сномъ непробуднымъ.
Что намъ бросаться-то въ жизни юдольной?
Что жь на чужбину такъ рвешься ты, странникъ?
Гдѣ-то себя самого добровольный
Кинешь изгнанникъ?
Горе въ корабль за тобою, порочный!
Въ конномъ строю злое горе съ тобою,
Лани быстрѣй и быстрѣе восточной
Тучи съ грозою.
Духомъ довольства ищи въ настоящемъ,
Тщетно въ грядущемъ не жаждя блаженства;
Смѣйся въ напасти. Ни въ чемъ преходящемъ
Нѣтъ совершенства.
Быстрая смерть Ахиллеса умчала,
Старость Тиѳона его уменьшила [2],
Можетъ-быть мнѣ, въ чемъ тебѣ отказала,
Парка судила [3].
Вкругъ тебя съ ревомъ пасутся коровы,
Ржетъ кобылица въ четверку лихая [4],
Платья поила твои и покровы
Краска двойная.
Парка судила въ душѣ неподкупной
Дать мнѣ немного полей во владѣнье,
Греческой музы напѣвъ и къ преступной [5]
Черни презрѣнье.

---

[1] Ликторы—публичные слуги сановниковъ, шли, одинъ за другимъ, впереди своего властелина. На плечахъ они несли связки, fasces. Число ликторовъ опредѣлялось важностью сановника: такъ у диктатора ихъ было 24, у консула — 12, у претора—6 и т. д.

[2] О Тиѳонѣ см. I, 28, 8.

[3] Парка—богиня жизни.

[4] Quadriga—четверка лошадей запрягалась въ колесницы на ристалищахъ.

[5] Горацій постоянно гордился тѣмъ, что онъ подражалъ греческимъ образцамъ (см. III, 30, 13). Преступною названа чернь въ смыслѣ злой, завистливой.

КЪ БОЛЬНОМУ МЕЦЕНАТУ [1].

Ода XVII.

Къ чему плачевный стонъ меня терзаетъ твой?
Мнѣ боги изрекать не станутъ приговора,
Чтобъ ты, о Меценатъ! отшелъ передо мной,
Отрада дней моихъ и сильная опора.
Ахъ, еслибъ часть души въ тебѣ меня лишилъ
Злой рокъ до времени, съ другою половиной
Къ-чему останусь я, ни самъ себѣ не милъ,
Ни въ силахъ прошлое возстановить кручиной?
Въ одинъ и тотъ же день со мною ты умрешь.
Не даромъ я клялся въ душѣ нелицемѣрной:
Иду, иду съ тобой, куда ни поведешь,
Послѣдняго пути твой сотоварищъ вѣрной.
Дыханье грозное химеры огневой [2],
И самъ сторукій Гигъ, хотя бы воскресили [3]
Его, не разлучатъ вовѣкъ меня съ тобой.
Такъ правда мощная и парки такъ рѣшили.
Живу ль подъ знакомъ я таинственнымъ Вѣсовъ [4],
Иль страшный Скорпіонъ участье принялъ рано
Въ теченіи моихъ пожизненныхъ часовъ,
Иль Козерогъ, тиранъ волненій океана —
Невѣроятное сочувствіе у насъ
Съ тобой въ созвѣздіяхъ. Тебя рукой могучей
Юпитеръ осѣнилъ и отъ Сатурна спасъ [5],

---

[1] По свидѣтельству Плинія и Сенеки, Меценатъ нерѣдко страдалъ жестокой лихорадкой. По поводу одного изъ подобныхъ припадковъ, на который, вѣроятно, жаловался Меценатъ, теряя надежду на выздоровленіе, написана эта ода. Упоминаемыя въ ней единовременныя событія: рукоплесканіе въ театрѣ и паденіе дерева, о которомъ говорится въ другомъ мѣстѣ (см. III, 8), даютъ возможность почти съ достовѣрностью считать это стихотвореніе написаннымъ въ первыхъ числахъ марта 724 года.

[2] О химерѣ см. I, 27, 24. Многіе писатели представляютъ химеру чудовищемъ, изрыгающимъ пламя.

[3] У исполина Гига, сына неба и земли, было сто рукъ и пятьдесятъ головъ.

[4] По астрономическимъ понятіямъ древнихъ, знакъ Вѣсовъ обѣщалъ родившемуся подъ нимъ силу и мудрость; Скорпіонъ считался неблагопріятнымъ, а знакъ Козерога вызывалъ бурю.

[5] По понятіямъ астрологовъ, звѣзды имѣли вліяніе одна на другую. Въ этомъ смыслѣ благодѣтельная звѣзда Юпитера спасаетъ Мецената отъ пагубнаго Сатурна.

А крылья у судьбы остановилъ летучей,
Когда народъ толпой три раза огласилъ
Тебѣ во срѣтенье кругомъ театръ гремящій ..
Меня древесный стволъ навѣрно бы убилъ,
Упавши въ голову, когда бы Фавнъ, хранящій (1)
Сыновъ Меркурія, искусною рукой
Не отклонилъ бѣды. О жертвоприношеньи
И храмѣ не забудь, обѣщанномъ тобой (2);
Ягнёнка принесу на жертву я въ смиреньи.

КЪ СКУПЦАМЪ (3).

Ода XVIII.

Слоновой костью не блистаетъ
Въ дому моемъ и златомъ потолокъ,
На рядъ столповъ не налегаетъ
Изъ мрамора гиметтскаго брусокъ (4);
Чертоговъ царственныхъ Аттала (5)
Сомнительнымъ родствомъ я не стяжалъ,
Кліентка честная не ткала (6)
Мнѣ никогда пурпурныхъ покрывалъ.
Но честь и жила вдохновенья
Во мнѣ чиста и, бѣдный, богачу

---

(1) Фавнъ—богъ лѣсовъ, самъ у поэтовъ является вѣщимъ (см. «Энеиду» VII, 81). Вотъ почему онъ охраняетъ поэта, любимца Меркурія.

(2) Богатые римляне, по выздоровленіи, строили храмы. Вѣроятно, и Меценатъ обѣщалъ построить храмъ, а смиренный поэтъ въ-состояніи только принести на жертву ягнёнка.

(3) Въ жизни и твореніяхъ Горація, какъ мы ужь замѣтили, преобладаетъ довольство природой и вещами первой необходимости, соединенное съ враждебнымъ противодѣйствіемъ слѣпой, безотчетной корысти. Подобно многимъ другимъ, и эта ода исчерпываетъ задушевныя мысли поэта, касательно упомянутыхъ предметовъ. Въ 14 стихѣ видятъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые, быть-можетъ, предполагали корыстную причину въ сближеніи Горація съ Меценатомъ, и на основаніи того же стиха, считаютъ оду сочиненной послѣ 721 года.

(4) Гора Гиметтъ, въ Аттикѣ близь Аѳинъ, славилась своимъ мраморомъ.

(5) Горацій говоритъ: «Я не получалъ наслѣдствъ, сказавшись родственникомъ чужому человѣку». Аттала онъ поминаетъ потому, что тотъ завѣщалъ свое богатство римлянамъ, которыхъ не зналъ.

(6) Жены кліентовъ дарили покровителей разными вещами своего рукодѣлья.

Я дорогъ: бо́льшаго значенья
Я отъ боговъ, отъ знатныхъ не хочу;
Другаго счастья мнѣ не нужно,
Когда однимъ Сабиномъ я богатъ.
За днями дни тѣснятся дружно
И новыхъ лунъ темнѣетъ свѣтлый рядъ.
Ты, полумертвый, нанимаешь (1)
Каменоломни за день похоронъ,
И все дворцы сооружаешь,
И, байскихъ волнъ прибоями прельщенъ,
Ты въ море берегъ новый ринулъ;
Тебѣ скудна земли недвижной дань;
Ты даже дерзко отодвинулъ
Полей сосѣднихъ вѣковую грань.
Скупецъ! за чуждыми межами
Ты властелинъ, и выгнаны изъ хатъ
Жена и мужъ несутъ съ богами (2)
За пазухой непризрѣнныхъ ребятъ.
Межъ тѣмъ тебя, богачъ-властитель,
Вѣрнѣе всѣхъ прибѣжищъ суеты
Ждетъ мрачный край, ты Орка житель (3) —
Такъ рѣшено. Куда жь стремишься ты?
Земля пріемлетъ, не жалѣя,
И бѣдняка и царскихъ сыновей,
Харонъ за деньги Прометея (4)
Не перевезъ изъ области тѣней.
Онъ вѣчно тантальское племя (5)
И Тантала во мракѣ сторожитъ (6),
И съ бѣдняка низвергнуть бремя,
Хоть будь онъ званъ, или не званъ, спѣшитъ.

---

(1) Горацій въ лицѣ одного скупца обращается ко всѣмъ, нападая на чрезмѣрную роскошь, которая заставляла римлянъ, для прохлады, закладывать фундаментъ въ морѣ и на немъ строить виллы.

(2) Грязные бѣдняги уносятъ за пазухой дѣтей вмѣстѣ съ домашними ларами.

(3) См. II, 3, 24.

(4) Горацій, вѣроятно, имѣлъ въ виду греческое сказаніе, по которому хитрый Прометей предлагалъ Харону денегъ за то, чтобъ онъ перевезъ его обратно на землю.

(5) Потомки Тантала — Пелопсъ, Атрей, Агамемнонъ, и пр. (см. I, 16, 17).

(6) О Танталѣ см. I, 28, 7.

ГИМНЪ КЪ ВАКХУ (1).

Ода XIX.

Вакха въ горахъ я учащимъ подслушалъ,
(Вѣрьте потомки, позднѣйшіе даже!)
Нимфы внимательны были, а уши
Всѣхъ козлоногихъ сатировъ на стражѣ.
Эвой! вновь ужасъ объемлетъ всей силой (2),
Полное Вакхомъ разгульнымъ и страстнымъ
Сердце трепещетъ! Эвое! помилуй!
Тирсомъ, Либеръ, проминуй ты ужаснымъ!
Долженъ Тіадъ я воспѣть благодарный (3),
Токи вина и въ волнахъ серебристыхъ
Млечныя рѣки, и славить янтарный
Льющійся медъ изъ деревьевъ душистыхъ.
Долженъ я пѣть предъ твоей Аріадной (4)
Звѣздную славу ея, и Пентея (5)
Домъ, разгромленный рукой безпощадной,
Также и гибель Ликурга-злодѣя (6).

---

(1) Совершенно-греческій образъ Вакха, отличный отъ римскаго либера и указывающій на подражаніе, заставляетъ отнести эту оду къ раннему періоду поэтической дѣятельности Горація; нѣкоторые считаютъ ее написаной въ 725 году.

(2) Эвой, эвое (εν οι)—восклицаніе вакханокъ. Видѣть, какъ видѣлъ Горацій, Вакха со всѣми принадлежностями божества, считалось худымъ знакомъ. Подобное явленіе внушаетъ ужасъ, и поэтъ боится, чтобъ Вакхъ не поразилъ его тирсомъ — жезломъ, увитымъ плющемъ и виноградными листьями.

(3) Тіада— Вакханка. Горацій чувствуетъ потребность воспѣть златой вѣкъ царства Вакха, когда рѣки текли виномъ и молокомъ.

(4) Аріадна, дочь критскаго царя Миноса и Пазифаи, брошенная Тезеемъ на о. Наксосѣ, посвященномъ Вакху, привлекла бога своими стонами. Вакхъ, взявъ ее въ супруги, въ доказательство своей божественности, бросилъ ея повязку о девяти алмазахъ на небесный сводъ, гдѣ она блещетъ подъ именемъ повязки Аріадны.

(5) Пентей, царь ѳивскій, взялъ Вакха въ плѣнъ; по царскій дворецъ, въ которомъ онъ держалъ бога, разрушенъ былъ землетрясеніемъ.

(6) Царь эдонскій, Ликургъ, видя, что подданные его чрезъ мѣру предались виподѣлію, запретилъ употребленіе вина и приказалъ истребить виноградники. Вакхъ привелъ его въ бѣшенство, такъ-что онъ, воображая, что рубитъ лозы, обрубилъ самъ себѣ ноги.

Рѣкъ и морей властелинъ варварійскихъ (1),
Ты, упоенный въ горахъ отдаленныхъ,
Пышныя кудри у женъ бистонійскихъ (2)
Вяжешь узлами ехиднъ укрощенныхъ.
Ты, какъ злой сонмъ исполиновъ, нахлынулъ,
Въ отчее царство врываяся съ гнѣвомъ,
Грознаго Рета назадъ опрокинулъ (3)
Львиною лапой и гибельнымъ зѣвомъ.
Пусть ты въ войнѣ неискуснымъ считался (4),
Богъ хороводовъ, веселья и пира
Главный вожатый, но вѣчно являлся
Тѣмъ же ты богомъ средь битвы и мира.
Видѣлъ твои золоченые роги (5)
Страшный Церберъ и хвостомъ, по пристрастью,
Чуть шевеля, уходящему ноги
Кротко лизалъ тріязычною пастью.

КЪ МЕЦЕНАТУ (6).

Ода XX.

Необычайными и мощными крылами,
Ширяясь въ воздухѣ, помчуся я; пѣвецъ,
Измѣнится мой ликъ, разстанусь съ городами
И зависти земной избѣгну наконецъ.

---

(1) Владыка тѣхъ чужеземныхъ рѣкъ и морей, черезъ которые ему лежалъ путь изъ Индіи.

(2) Ѳракія отъ Бистонскаго Озера называлась Бистоніей и славилась оргіями. Здѣсь, подъ бистонійскими женами Горацій разумѣетъ вакханокъ. Ехидны—самая злая порода змѣй, употреблялись вакханками вмѣсто вѣнковъ.

(3) Аполлодоръ разсказываетъ, какъ Аполлонъ, Геркулесъ, Вулканъ и Вакхъ защищали небо отъ гигантовъ. Вакхъ въ видѣ льва поразилъ Рета. Боги часто и для пораженія враговъ принимали видъ звѣрей.

(4) Хотя иные и стараются разъяснить значеніе этой строфы насмѣшками боговъ надъ воинственными наклонностями Вакха, бога хороводовъ, но трудно не замѣтить противорѣчіе трехъ послѣднихъ стиховъ первому и, такъ-сказать, неумѣстности ея въ цѣлой одѣ. По-большей-части ее считаютъ вставной или неудачной.

(5) Церберъ пропускалъ всѣхъ въ адъ, но никого не выпускалъ. У Вакха не было природныхъ роговъ, какъ у Сатировъ и Фавновъ, но діадима его была украшена рогами—признакомъ силы.

(6) Намъ извѣстно, что въ 732 году Горацій поднесъ Меценату три первыя книги одъ; но, вѣроятно, не задолго до того онъ подносилъ только двѣ пер-

Что бѣдны у меня родители — ты знаешь,
Но разрушенія ихъ чадо избѣжитъ.
Меня, о Меценатъ, ты другомъ называешь —
И Стиксъ своей волной меня не окружитъ!
Рубчатой кожею, ужь чувствую теперь я (1),
Покрылись голени, а по поясъ я самъ
Сталъ бѣлой птицею, и молодыя перья
По пальцамъ у меня ростутъ и по плечамъ.
Уже несясь быстрѣй дедалова Икара (2),
Босфоръ (3) клокочущій я подъ собой узрѣлъ.
Гетульскіе сирты и край земнаго шара (4)
Я пѣвчей птицею на крыльяхъ облетѣлъ.
Колхіецъ и Гелонъ мнѣ внемлетъ отдаленный (5),
И Дакъ, скрывающій предъ строемъ мавровъ страхъ (6)—
И пѣснь мою почтитъ иберецъ просвѣщенный (7)
И тотъ, кто пьетъ Роданъ въ широкихъ берегахъ (8).
Я не велю мой гробъ рыданьями безславить (9).
Къ чему нестройный плачъ и неприличный стонъ?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустыя почести роскошныхъ похоронъ.

выя. Эта ода, подобно III, 30 одѣ, отличается отъ прочихъ характеромъ эпилога. Та и другая какъ-бы послѣднее слово музы Горація. Поэтъ предсказываетъ себѣ безсмертіе: «Я не умру (говоритъ онъ), а превращусь въ лебедя». Подобно I, 1 одѣ, въ этомъ стихотвореніи Горацій обращается къ Меценату, съ тою разницею, что то, чего онъ тамъ надѣется, здѣсь, какъ онъ самъ чувствуетъ, совершено.

(1) Чрезвычайно-живо превращеніе человѣка въ лебедя.

(2) О Дедалѣ и Икарѣ смот. I, 3, 33.

(3) Здѣсь надо подразумѣвать Константинопольскій Проливъ.

(4) Смотр. I, 23, 9.

(5) Колхида, на восточномъ берегу Чернаго Моря, нынѣ Мингрелія. Гелоны, скиѳское племя на берегу Днѣпра.

(6) Даки жили въ нынѣшней Венгріи. Марзы, итальянское племя, служившее подъ знаменами Рима и снабжавшее, вмѣстѣ съ апулійцами, римскіе ряды лучшими воинами.

(7) Въ противоположность приведеннымъ выше дикимъ племенамъ, Горацій называетъ просвѣщенными испанцевъ, иберцевъ, отъ рѣки Ибера, нынѣшняго Эбро.

(8) Роданъ — нынѣшнюю Рону пили галлы.

(9) Римляне на похоронахъ заставляли женщинъ голосить подъ флейту. Горацій проситъ Мецената на похоронахъ поэта оставить всѣ почести — пустыя, потому-что некого будетъ хоронить, такъ-какъ онъ превратится въ лебедя.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КЪ ХОРУ ДѢВЪ И МАЛЬЧИКОВЪ (1).

Ода I.

Темную чернь отвергаю съ презрѣніемъ (2):
Тайнымъ доселѣ внемлите напѣвамъ!
Жрецъ, вдохновенный Каменъ повелѣніемъ,
Мальчикамъ нынѣ пою я и дѣвамъ (3).
Въ страхѣ народъ укрощенъ властелинами;
Воля Юпитера правитъ царями,
Славный тріумфомъ въ бою съ исполинами (4)
Грозными свѣтъ потрясаетъ бровями.
Садитъ прививки на грядахъ просторнѣе (5)

---

(1) Горацій въ убѣжденіяхъ сходился съ Меценатомъ, что̀, вѣроятно, было причиною ихъ дружбы. Не станемъ отъискивать, указало ли поэту вдохновеніе или совѣты друга на содержаніе трехъ первыхъ одъ этой книги, стольсходныхъ между собою по дидактическому направленію. Пробѣгая жизнь Горація, мы видѣли, что Меценатъ ужь разъ, въ 725 году, убѣдилъ Октавіана оставить власть за собою. Въ 728 году Августъ снова хотѣлъ отказаться отъ правленія. Въ это-то время Горацій, убѣжденный въ благодѣтельномъ вліяніи единодержавія на Римъ, въ трехъ предлежащихъ одахъ указываетъ на доблести, могущія дать государству при новомъ порядкѣ вещей новыя силы. Онъ говоритъ въ первой одѣ о довольствѣ малымъ, во второй, о готовности переносить всѣ воинскіе труды и самую смерть за отечество, и въ третьей, о непоколебимой твердости духа, соединенной съ любовью къ правотѣ. Сознавая свое призваніе: всенародно высказывать поучительныя истины, поэтъ, въ качествѣ жреца музъ, начинаетъ рѣчь воззваніемъ къ Юпитеру и всеобъемлющей Судьбѣ.

(2) Передъ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ, жрецъ удаляетъ темную, непосвященную толпу.

(3) Хору мальчиковъ и дѣвъ.

(4) О борьбѣ Юпитера съ исполинами см. II, 12, 6 и 19, 23.

(5) Одинъ владѣетъ обширными садами, другой обладаетъ иными преимуществами.

Тотъ, а другой въ состязаньяхъ на полѣ
Марсовомъ всѣхъ и смѣлѣй и проворнѣе (1);
Нравами этотъ прославился болѣ.
Мужъ, окруженный кліентами давними,
Любитъ толпу ихъ. Судьба надѣляетъ
Высшихъ и низшихъ законами равными,
Емкій сосудъ имена всѣхъ вращаетъ (2).
Если виситъ надъ главою развратнаго (3)
Мечъ обнаженный — нѣтъ сласти въ богатыхъ
Яствахъ, и сна не вернутъ благодатнаго
Цитры напѣвы и голосъ пернатыхъ.
Сладостный сонъ не минуетъ убогаго
Сельскаго крова; его не пугаетъ
Сумракъ долины иль брега суроваго,
Въ часъ, какъ деревья Зефиръ потрясаетъ.
Малымъ довольный, ни чѣмъ не смущается;
Море ему не ужасно при бурѣ,
Онъ не боится, коль Гѣдъ зараждается (4),
Думать забылъ онъ о грозномъ Арктурѣ.
Градъ ли посѣкъ виноградники зрѣлые,
Что̀ ему? Грунтъ измѣнилъ ли безплодный,
Или деревья сожгло пожелтѣлыя,
Или зимой ихъ побило холодной...
Чувствуютъ рыбы, что воды стѣсняются (5),
Тяжестей столько повергли въ пучину:
Слуги подрядчика щебнемъ стараются
Дно забутить; ужь давно господину
Берегъ постылъ; но безчувственны къ жалобѣ
Страхъ и тоска йдутъ тѣми жь слѣдами...
Онъ на корабль — и забота на палубѣ;

---

(1) На Марсовомъ Полѣ, близъ Рима, собирались для совѣщаній (comitia), а юноши предавались тѣлеснымъ упражненіямъ, метанію оружія, бѣгу, борьбѣ, верховой ѣздѣ, игрѣ въ мячъ и проч.

(2) См. II, 3, 27.

(3) Горацій, вѣроятно, имѣлъ въ виду сказаніе о мечѣ Дамокла.

(4) Созвѣздіе Гѣда восходитъ въ октябрѣ, а созвѣздіе Арктура въ сентябрѣ; рожденіе перваго сопровождаютъ дожди, а при восхожденіи втораго бываютъ бури съ градомъ. Кто довольствуется крайне-необходимымъ, тотъ не боится, вслѣдствіе неблагопріятныхъ явленій природы, потерять состояніе.

(5) Горацій на постройки въ морѣ (см. II, 18, 17) смотритъ какъ на вторженіе человѣка въ область рыбъ.

Онъ на коня — и печаль за плечами.
Если ни пурпуръ, ни камня фригійскаго (1)
Блескъ — омраченной душѣ не отрада,
Если не сладокъ растенья индійскаго
Дымъ и не радуетъ сокъ винограда,
Такъ колоннадой къ чему исполинскою
Входъ (2) мнѣ въ дому украшать прихотливой?
Такъ для чего же долину Сабинскую
Роскошью я замѣню хлопотливой (3)?

КЪ РИМСКОМУ ЮНОШЕСТВУ (4).

Ода II.

Пусть юноша себя, окрѣпнувъ на войнѣ,
Стремится пріучить къ лишеньямъ ежечаснымъ:
Тогда онъ явится съ копьемъ и на конѣ
Для Парѳа грознаго противникомъ опаснымъ (5).
Ни бой, ни жизнь полей его не устрашатъ.
Тогда съ враждебныхъ стѣнъ (6) властителя супруга
И дѣва юная пускай за нимъ слѣдятъ
Очами полными смущенья и испуга!
И пусть вздохнутъ — увы! чтобъ царственный женихъ
Не растревожилъ льва, рыкающаго встрѣчей,
Который носится межъ чуждыхъ и своихъ,
Алкая утолить свой гнѣвъ кровавой сѣчей.

---

(1) Малоазійскій мраморъ отличался бѣлизной.

(2) Во время Горація, богатые римляне украшали колоннадой переднюю залу (Atrium).

(3) Въ послѣднемъ стихѣ нѣкоторые толкователи хотятъ видѣть намекъ на то, что Горацій отказался быть секретаремъ у Августа.

(4) Согласно примѣчанію къ III, 1. Горацій въ этой одѣ указываетъ юношамъ на вторую добродѣтель истиннаго римлянина, на доблесть (virtus), которая вмѣщаетъ въ себѣ и перенесеніе воинскихъ трудовъ и готовность умереть за отечество, и стремленіе къ славѣ—высшей и единственной наградѣ подвига.

(5) Грозный парѳъ здѣсь вмѣсто всякаго инаго врага, а, можетъ-быть, и потому, что юноша долженъ стремиться возвратить утраченные Крассомъ значки.

(6) Въ рѣшительныя минуты битвы женщины и дѣвы осажденныхъ выходили на стѣны башенъ и укрѣпленій смотрѣть на бой. Горацій желаетъ, чтобъ, въ числѣ прочихъ, невѣста царевича слѣдила поперемѣнно за женихомъ и за храбрымъ римскимъ юношей, котораго онъ сравниваетъ со львомъ, боясь, чтобъ они не встрѣтились.

Смерть за отечество отрадна и славна —
Бѣжавшій отъ нея въ бою не уцѣлѣетъ,
И вѣрно юношей изнѣженныхъ она
Затылка и колѣнъ никакъ не пожалѣетъ ([1]).
А доблесть грязныхъ всѣхъ чуждается страстей,
Одною славою блистая благородной;
И внемля вѣтренной толпѣ, не сродно ей
Сѣкиру брать и класть по прихоти народной ([2]).
Она избраннику, который не умретъ,
Путями новыми безсмертье отверзаетъ,
На сходбища съ толпой обычной не пойдетъ ([3])
И въ небо отъ земли на крыльяхъ улетаетъ.
Молчанью тоже честь; того, что̀ раздѣлилъ
Цереры таинства священныя съ толпою ([4]),
Не допущу, чтобъ онъ подъ той же крышей былъ,
Иль лодку утлую отвязывалъ со мною.
Въ негодованіи, златаго дня Отецъ
Къ преступнымъ чистаго нерѣдко причисляетъ ([5]),
А наказаніе, хоть поздно, наконецъ
Съ хромой своей ногой злодѣя настигаетъ.

КЪ ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ ([6]).

Ода III.

Мужъ правоты, неотступный въ обдуманномъ,
Не поколеблется ни предъ кипучею

([1]) Древніе старались у бѣгущихъ враговъ подрубить жилы подъ колѣнями, (см. IX, 763).

([2]) Горацій, какъ истый римлянинъ, представляетъ доблесть осмысленной силой, непреклонной передъ народной прихотью, вотъ почему она ищетъ для себя новые толпѣ неизвѣстные пути къ безсмертію.

([3]) Юноша, исполненный прямой доблести не можетъ быть ни хвастливъ, ни болтливъ.

([4]) Таинства Цереры весьма уважались у римлянъ и у грековъ, поэтому высказать ихъ непосвященнымъ считалось большимъ преступленіемъ.

([5]) Слѣдовательно, невинный можетъ погибнуть за то только, что сблизился съ злодѣемъ.

([6]) Нельзя не согласиться съ тѣми толкователями, которые въ этомъ непоколебимомъ мужѣ видятъ доблестнаго героя (III 2). Но намъ кажется, что этотъ образъ предсталъ поэту во второй одѣ со внѣшней стороны: тамъ онъ указалъ, чего и какими путями достигаетъ доблесть; а въ предлежащей одѣ

Волей гражданъ, коль потребуютъ низкаго,
. . . .
Ни предъ волной разъяреннаго Адрія,
Ни предъ десницей, гдѣ громъ зарождается...
Онъ, еслибъ небо со трескомъ разрушилось,
И подъ обломками не испугается.
Этимъ Поллуксъ съ Геркулесомъ достигнули [1]
Звѣздъ, что̀ подъ сводами блещутъ лазурными;
Августъ межъ ними возляжетъ со временемъ [2],
Нектаръ вкушая устами пурпурными.
Только за это отца Діонизія [3]
Вывезли тигры, ярму непокорные [4],
Только за доблесть изъ тартара Ромула
Марсовы кони умчали проворные.
Рѣчію сладкой тутъ Гера промолвила [5]
Сонму боговъ: «Иліонъ, Иліонъ святой
«Въ прахъ обращенъ отъ судьи беззаконнаго [6]
«Гибель навлекшаго, и отъ жены чужой [7].
«Троя съ-тѣхъ-поръ, какъ въ уплатѣ условленной
«Лаомедонъ отказалъ небожителямъ [8],

Горацій смотритъ на ея внутренную силу, которая можетъ проявиться; но подобное проявленіе не составляетъ необходимаго условія ея бытія.

Самыя вѣрованія древнихъ вели за собою привязанность къ преданіямъ, поэтому нисколько не удивительно, что Горацій, вспомнивъ между героями, стяжавшими доблестью безсмертіе, прародителя Ромула, старается объяснить, какимъ образомъ Юнона, враждебная троянцамъ, рѣшилась допустить ихъ потомковъ, римлянъ, до высокой степени могущества, а внука своего, Ромула, въ сонмъ небожителей.

(1) Поллуксъ — кулачный боецъ см. I, 3, 2 Двѣнадцать подвиговъ Геркулеса.

(2) Ничего нѣтъ удивительнаго, что поэтъ пророчитъ Августу то, до чего многіе смертные достигли.

(3) Отецъ Вакхъ въ смыслѣ покровителя.

(4) Тигры, несозданные для ярма, запряженные въ колесницу Вакха, доказываютъ его доблесть; поэтому нѣтъ необходимости слова: «вывезли» принимать въ прямомъ значеніи, предполагая, что Вакхъ въѣхалъ на тиграхъ на небо. На вакховыхъ тигровъ и марсовыхъ коней Ромула можно смотрѣть какъ на символы достоинствъ, которыя отворили для обоихъ небесный чертогъ.

(5) Вспомня Ромула, Горацій припоминаетъ и гнѣвную бабку его Юнону.

(6) Беззаконнымъ судьей названъ Парисъ, присудившій на горѣ Идѣ, что золотое яблоко должно принадлежать Венерѣ, за что̀ Палада и Юнона возненавидѣли троянцевъ.

(7) Елена жена Менелая.

(8) Лаомедонъ, отецъ Пріама, отказалъ въ условленной платѣ Нептуну и Аполлону, строителямъ троянскихъ стѣнъ.

«Проклята мной и Минервою чистою
«Съ племенемъ всѣмъ и лукавымъ правителемъ (1).
«Предъ любодѣйкой Лаконкой не хвастаетъ (2)
«Болѣе гость пресловутый, по манію
«Старца Пріама Ахейцы ретивые
«Въ битвѣ не гибнутъ подъ Гектора дланію (3).
«Нашей враждою война продолженная
«Кончена. Нынѣ усталой десницею
«Марсу спѣшу передать ненавистнаго
«Внука, троянской рожденнаго жрицею (4).
«Пусть, я дозволю, вкушаетъ онъ нектара
«Влагу, среди лучезарныхъ обителей,
«Пусть онъ на вѣкъ раздѣлять сопричислится
«Невозмутимый покой небожителей.
«Только бы море плескалось безбрежное
«Межъ Иліономъ и Римомъ — скитаются
«Пусть гдѣ хотятъ властолюбцы-изгнанники (5).
«Звѣри доколѣ живутъ и скрываются
«Тамъ, гдѣ Парисъ и Пріамъ упокоены (6) —
«Пусть Капитолій стоитъ и блистательный
«Римъ побѣжденными въ битвахъ мидійцами (7)
«Правитъ со властію законодательной.
«Грозное имя пускай простираетъ онъ
«Въ край отдаленный, гдѣ влага срединная
«Дѣлитъ Европу отъ жителя Африки:
«Нилъ тамъ поля орошаетъ пустынныя.
«Золото онъ попираетъ, и пусть оно (8)

---

(1) Лаомедономъ.

(2) «Одис.» Жуковск., 326.
«Пусть въ Лакедемонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый Царствуетъ...» Парисъ передъ Еленой.

(3) По желанію Пріама, Гекторъ убивалъ Ахейцевъ.

(4) Весталка Илія — Рея Сильвія, по Нумитору и Энею, происходила отъ троянцевъ.

(5) Намекъ на Энея.

(6) Озлобленная Юнона радуется осрамленію праха Париса и Пріама. Горацій этой рѣчью Юноны хочетъ показать, что весь гнѣвъ ея обращенъ исключительно на троянцевъ и что она, изъ любви къ сыну своему Марсу, даже рѣшается предсказать Риму великую будущность.

(7) Октавіанъ еще въ 725 г. торжествовалъ побѣду надъ мидійцами, хотя отбитые ими у Красса значки не были возвращены.

(8) Причудливое воображеніе поэта за каждымъ словомъ представляетъ ему картину, а за картиной невольно слѣдуетъ мысль о нравственномъ ея значеніи.

«Лучше въ землѣ пролежитъ сокровенное,
«Чѣмъ отдавать его людямъ, гдѣ хищныя
«Руки все грабить дерзаютъ священное:
«Пусть до границъ мірозданія Римляне
«Идутъ съ оружьемъ развѣдать пытливые:
«Гдѣ первенствуетъ денница палящая,
«Гдѣ облака и туманы дождливые?
«Только я славу квиритамъ воинственнымъ
«Съ тѣмъ предреку, чтобъ они по условію,
«Трою опять обновлять не задумали,
«Лишней увлекшись сыновней любовію (1).
«Ежели Троя въ злой часъ и оправится,
«То на бѣду и паденье вторичное:
«Я — и сестра и супруга Юпитера —
»Выведу войско къ побѣдамъ привычное.
«Мѣдныя стѣны пусть три раза выстроитъ
«Фебъ (2), но и трижды велю обновленныя
«Ринуть аргивцамъ (3); мужей и дѣтей своихъ
«Трижды оплачутъ супруги плѣненныя». —
Лира! доступно ли это намъ, рѣзвая (4)?
Муза, куда ты? ужель ты рѣшаешься
Рѣчи боговъ повторять — и негромкими
Звуками важное пѣть покушаешься?

КЪ КАЛЛІОПѢ (5).

Ода IV.

Сойди со флейтой неземной
Царица Калліопа съ неба,

Горацій, упомянувъ о Нилѣ, вспомнивъ о его золотомъ пескѣ, а мысль о золотѣ наводитъ на постоянный предметъ его ненависти — корыстолюбіе современниковъ. Тѣмъ не менѣе неумѣстность подобной выходки подала поводъ многимъ критикамъ считать этотъ куплетъ вставочнымъ и подложнымъ. Нельзя не сознаться, что онъ довольно-странно прерываетъ торжественную рѣчь Юноны.

(1) Юнона смиряетъ гнѣвъ свой только съ условіемъ — окончательной гибели ненавистной Трои и не дозволяетъ римлянамъ возстановлять столицу праотцевъ.

(2) Въ 20-мъ стихѣ мы видѣли, что Аполлонъ былъ строителемъ Трои.

(3) Аргивецъ отъ Аргоса, то же, что грекъ.

(4) Подобное обращеніе къ эротической лирѣ въ концѣ героическихъ одъ у Горація встрѣчаемъ не въ первый разъ.

(5) Невольно сравниваемъ оды Горація съ тѣми южными деревьями, на которыхъ единовременно красуются цвѣты и зрѣлые плоды. Какой испытатель

И пѣсню звонкую пропой,
Или съиграй на цитрѣ Феба.
Вы слышите? (Иль это сонъ,
Который сердцу милъ и дорогъ?)
Что лѣсъ священный оживленъ (1)
Подъ шумъ ручьевъ и листьевъ шорохъ.
И на Вультурѣ, близь полей
Родныхъ, ко сну меня склонило,
А стадо вѣщихъ голубей (2)
Вѣтвями мальчика укрыло.
Кто Ахеронтскою владѣлъ (3)
Скалой, кто Бантіи лѣсами,
И форентійскій земледѣлъ —
Опять считаютъ чудесами:
Что змѣй меня не уязвитъ,
Медвѣдь не унесетъ съ просонокъ,
Что лавромъ съ миртами прикрытъ
Богами избранный ребёнокъ.
Я вашъ, Камены! вашъ въ горахъ (4)
Сабинскихъ иль въ прохладномъ краѣ (5)
Пренесты иль на берегахъ

природы скажетъ: въ цвѣткѣ или въ сѣмени проявляется окончательная цѣль растенія? Этой одѣ къ Калліопѣ, съ такимъ же правомъ можно дать заглавіе: къ Каменамъ, или къ Цезарю Октавіану, переходы отъ одного предмета къ другому рѣзки, но вы чувствуете внутреннюю связь между ними и ода производитъ цѣльное впечатлѣніе. Время ея сочиненія съ достовѣрностью можно отнести къ 725 или къ 726 году, когда Октавіанъ, кончивъ борьбу съ Антоніемъ, предавшись наукамъ, построилъ храмъ Аполлону и общественную библіотеку см. I, 31.

Вотъ главныя мысли, какъ они въ этой одѣ вытекаютъ одна изъ другой: тебѣ Каллиопа и вамъ Камены, я обязанъ моимъ значеніемъ въ свѣтѣ. Но не меня одного вы руководите, вы услаждаете и Цезаря въ мирное время, и подаете ему благіе совѣты, безъ которыхъ сила и могущество не могутъ быть пріятны Зевесу, а вредятъ себѣ же, чему приводятся многіе примѣры.

(1) Лѣсъ оживленъ присутствіемъ Калліопы. Сознавая покровительство Музъ, Горацій припоминаетъ событіе своего дѣтства (см. о жизни Горація).

(2) Можетъ-быть, Горацій видитъ въ этихъ птицахъ голубей Венеры, которые охраняютъ будущаго эротическаго поэта.

(3) Ахеронтія (нынче Acegonza), Бантія (нынче Banzi) и Форентъ (нынче вѣроятно, Castelli не далеко отъ Forenza), города въ Апуліи, родины Горація.

(4) Вилла Горація находилась въ гористомъ мѣстоположеніи.

(5) Пренеста, нынче Полестрина, городъ въ Лаціумѣ. Римляне вблизи ея строили виллы, привлекаемые прохладой этого края и благорастворенныхъ воздухомъ.

Тибура, иль въ приводной Баіѣ (1)!
Я при Филиппахъ не убитъ (2)
За то, что ваше все мнѣ мило,
И Палинуръ меня щадитъ (3)
И дерево не задавило (4);
Пусть только бъ вы меня вели:
Не страшенъ мнѣ Босфоръ Ѳракійской (5),
Рѣшусь идти на край земли
Песчаной степью ассирійской,
Гелоновъ стрѣлы видѣть радъ (6),
Спѣшить къ суровому британцу (7)
И къ утоляющему гладъ
Сырой кониною конканцу (8).
Лишь Цезарь въ городъ возвратитъ
Усталыхъ ратниковъ съ походу —
Ему въ пещерѣ Піеридъ (9)
Вы распѣваете въ угоду.
Совѣтъ вашъ кроткій, вамъ же милъ,
Благія. Вѣдаемъ давно мы (10),
Что тотъ титановъ разразилъ
Рукой, кидающею громы,
Кому земля и валъ морской
И царство грустное подвластно,
Кто и боговъ и родъ людской
Единый судитъ безпристрастно.
Могли и Дія устрашить

---

(1) Тибуръ см. I, 7, 13. Баія славилась теплыми цѣлебными источниками.

(2) О Филиппахъ см. II, 7, 9.

(3) Въ 713 году Гораціи возвращаясь въ Италію, былъ застигнутъ бурею у скалы Палинурской (нынъче Capo Palinuro), получившей названіе отъ Энеева кормчаго.

(4) О деревѣ см. II, 13.

(5) Босфоръ см. III, 13, 14.

(6) Гелоны, см. II, 20, 17.

(7) По свидѣтельству Цезаря и Тацита, британцы были негостепріимны и до такой степени дики, что ѣли человѣческое мясо.

(8) Жители испанскаго города Конканы (Santillana) питались сырой кониной.

(9) Піеросъ, гора въ Ѳессаліи, посвященная музамъ, откуда прозваніе піеридъ. Музамъ посвящались пещеры и лѣса. Горацій указываетъ на страсть Августа къ поэзіи.

(10) Горацій не говоритъ, что дерзкая, несмягченная науками сила титановъ навлекла на нихъ гнѣвъ Юпитера, а прямо упоминаетъ о ихъ пораженіи.

Пренебрегавшіе закономъ,
Какъ братья силились накрыть (1)
Олимпъ лѣсистый Пеліономъ.
Но что̀ Тифей съ Мимасомъ? что̀ (2)
Деревья въ дланяхъ Энцелада (3)?
Порфиріона гнѣвъ ничто,
Ничто и Ретъ, когда Паллада (4)
Эгидой звонкой ихъ разитъ (5).
Тутъ сталъ Вулканъ, въ порывѣ рьяномъ,
Супруга Гера здѣсь стоитъ,
Здѣсь, вѣчно лукомъ и колчаномъ
Вооруженный Аполлонъ,
Любимый Ликіей родною (6),
Чей волосъ пышный окропленъ
Всегда кастальскою росою (7).
И силы безъ ума вредятъ.
Себѣ же, боги, поучая,
Лишь силу мудрую хранятъ,
Имъ ненавистна сила злая.
Я правъ. Примѣръ сторукій Гигъ (8)
И Оріонъ, когда влюбленный (9)
Діану чистую настигъ,
Стрѣлой дѣвичей пораженный.
Земля чудовищныхъ дѣтей (10)

---

(1) «Одисея» Жуковскаго 308:

«Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіалтомъ».

эти два сына Ифимедея и Посидона хотѣли взять приступомъ небо, наваливши Оссу на Олимпъ и Пеліонъ на Оссу.

(2) Стоглавый Тифей одинъ изъ гигантовъ, былъ пораженъ Юпитеромъ и заваленъ Этной, подъ которой онъ еще дышетъ, изрыгая пламя. Мимасъ, убитый Марсомъ, въ котораго онъ кинулъ островомъ Лемносъ.

(3) Энцеладъ, Порфиріонъ — гиганты. Первый убитъ Минервой, а второй Юпитеромъ.

(4) Ретъ, см. II, 19, 23.

(5) См. I, 15, 12.

(6) Въ Ликіи былъ оракулъ Аполлона.

(7) Кастальскій ключъ близъ Парнасса, посвященъ Музамъ и Аполлону.

(8) Гигъ, см. II, 17, 14.

(9) Оріонъ преслѣдовалъ Діану своей любовью, см. «Одиссею» Жуковскаго V, 123.

(10) Самое слово гигантъ значитъ сынъ земли. Мать земля, хотя и гнететъ ихъ по приговору Зевеса, но жалѣетъ объ этомъ.

Гнетётъ съ печалью безотвѣтной,
И тщетно пылъ живыхъ огней
Подъ наваленной рвется Этной,
И печень Титія наврядъ (1)
Оставятъ коршуны въ покоѣ,
А цѣпи тяжкія гремятъ (2)
На любострастномъ Пириѳоѣ.

КЪ ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ (3).

Ода V.

Мы вѣрили досель, что въ небесахъ громами
Юпитеръ властвуетъ, но богомъ можетъ слыть
И Августъ, овладѣвъ британскими брегами,
Коль грозныхъ (4) персовъ онъ успѣетъ покорить.
Вѣдь Красса воины на варваркахъ женились
И съ ними жили же во вражескихъ странахъ,
И (боги, до чего безумцы развратились!)
Зятьями старѣлись при чуждыхъ знаменахъ
Царя мидійскаго, склоняяся къ порогу...
И сынъ Апуліи и Марзы передъ нимъ (5)
Забыли щитъ отцовъ, честь имени и тогу,
Зевеса, Весты храмъ и даже вѣчный Римъ.
Такъ! Регулъ это все предвидѣлъ духомъ яснымъ,
Когда онъ низкія условія враговъ
Отвергъ, и положилъ, что лучше, чѣмъ опаснымъ

(1) Титій, см. II, 14, 8.

(2) Пириѳой сошелъ съ другомъ своимъ Тезеемъ въ адъ, желая похитить Прозерпину. Геркулесъ освободилъ Тезея, а Пириѳой остался прикованнымъ къ скалѣ.

(3) Сочиненіе этой оды должно отнести ко времени двойнаго похода противъ Британіи и персовъ въ 728, см. I, 35. Горацій, какъ истинный римлянинъ сочувствуетъ этому предпріятію, которое должно смыть стыдъ, нанесенный пораженіемъ Красса итальянскому оружію.

(4) Вспомнивъ грозныхъ персовъ, онъ съ горечью говоритъ о воинахъ, которые не только не умѣли защищаться, но, женившись на персіянкахъ, совершенно забыли отечество. Тутъ ему приходитъ на память поступокъ Регула, который предчувствовалъ, что человѣколюбіе къ положившимъ добровольно оружіе ни къ чему хорошему не поведетъ, и который по этой причинѣ не согласился на выкупъ плѣнныхъ.

(5) Апулійцы и марзы, см. II, 20, 18.

Примѣромъ послужитъ для будущихъ вѣковъ —
Пусть гибнутъ юноши отъ варварскаго плѣна.
«Я видѣлъ (онъ сказалъ), ка̀къ римскіе кругомъ
«Развѣшаны значки средь храмовъ Карѳагена,
«Съ оружьемъ, сложеннымъ безъ боя предъ врагомъ.
«Я видѣлъ (говоритъ), ка̀къ, руки за спиною
«Связавши гражданамъ свободнымъ, ихъ вели...
«Ворота отперты, и нашею войною (1)
«Опустошенныя поля позаросли.
«Уже ли золотомъ искупленный храбрѣе
«Вернется воинъ къ вамъ? Нѣтъ, говорю я, нѣтъ!
«Къ стыду прибавится убытокъ. Шерсть краснѣе
«Не будетъ, ка̀къ ни красъ, коль потеряла цвѣтъ (2).
«Прямая доблесть то жь. Съ ней стоитъ лишь разстаться,
«Она не встрѣтится съ униженнымъ борцомъ.
«Не вступитъ въ бой олень, которому прорваться
«Случилось изъ тенетъ, не будетъ храбрецомъ
«Тотъ, кто среди враговъ позналъ всю горесть плѣна,
«Кто на рукахъ своихъ таскалъ узлы ремней,
«И не пойдетъ войной тотъ противъ Карѳагена,
«Кто смерти трепеталъ отъ вражескихъ мечей.
«Нѣтъ! онъ, спасая жизнь, не зналъ, на что̀ рѣшиться,
«И міръ смѣшалъ съ войной (3)! О стыдъ! Да̀! съ этихъ поръ
«Великій Карѳагенъ, ты можешь возгордиться,
«Когда Италію покрылъ такой позоръ!»
И тутъ онъ, говорятъ, стыдливыя лобзанья
Супруги и дѣтей невинныхъ отклонилъ,
Какъ недостойный членъ гражданскаго собранья (4) —
И мужественный взоръ на землю устремилъ,
Доколь совѣтъ его неслыханный, но здравый,
Не вызвалъ наконецъ рѣшимости въ умахъ

---

(1) Карѳагеняне до-того самоувѣрены и безпечны, что пренебрегаютъ предосторожностью запереть градскія ворота.

(2) Въ подлинникѣ сказано: какъ ни крась — но мы перевели: какъ ни мой; можно согласиться, что отъ мытья полинявшая матерія не получитъ первобытнаго цвѣта, но если ее перекрасить, то это другое дѣло. По-крайней-мѣрѣ въ наше время.

(3) Слагая самопроизвольно оружіе, во время битвы.

(4) Находясь во власти враговъ, Регулъ считалъ себя лишеннымъ семейныхъ правъ.

Патриціевъ... Тогда изгнанникъ величавый
Оставилъ медленно друзей своихъ въ слезахъ.
А зналъ онъ подлинно, какія ждали муки
Его у варваровъ; но предъ собой впередъ
Такъ точно раздвигать его старались руки
Толпу, искавшую его замедлить ходъ,
Какъ-будто, только-что окончивши всѣ пренья
Суда, въ которомъ былъ имъ защищенъ кліентъ,
Въ Венафрѣ онъ спѣшилъ искать отдохновенья (1)
Или въ спартанскій (2) шелъ отправиться Тарентъ.

КЪ РИМЛЯНАМЪ (3).

Ода VI.

Безвинно искупать тебѣ грѣхи отцовъ (4),
О римлянинъ! доколь ты не оправишь зданій,
Полуразрушенныхъ жилищъ твоихъ боговъ
И дыма не сотрешь съ священныхъ изваяній (5).
Богамъ покорствуя, владѣешь ты землей.
Всему начало тутъ, веди исходъ къ тому же.
За непочетъ боговъ Гесперія судьбой (6)
Была настигнута, какой не встрѣтишь хуже.
Ужь дважды и Монезъ и дерзостный Пакоръ (7)
Отъ нашихъ натисковъ съ успѣхомъ отбивались,
И воиновъ своихъ недорогой уборъ

(1) Венафръ, см. II, 6, 15.

(2) Спартанскимъ Горацій называетъ Тарентъ, потому-что онъ основанъ спартанцемъ, см. II, 6, 11.

(3) Октавіанъ, возвратясь въ 725 году изъ походовъ противъ Антонія, парѳянъ и проч. засталъ государство ослабленнымъ безвѣріемъ и безнравственностью. На эти бѣдствія указываетъ Горацій въ предлежащей одѣ, написанной въ 726 году. Слѣдя за духомъ поэта, выражающимся въ его произведеніяхъ, нѣтъ никакой необходимости предполагать, чтобъ содержаніе этой оды было внушено Горацію Меценатомъ.

(4) Горацій разумѣетъ всѣ преступленія междоусобныхъ войнъ со временъ Силлы.

(5) Почернѣвшихъ отъ пожаровъ, а, можетъ-быть, и жертвоприношеній.

(6) Италія.

(7) Монезъ и Пакоръ, оба парѳянскіе предводители. Горацій хочетъ сказать: уже дважды парѳяне и проч.

Смѣнивъ награбленнымъ нарядомъ (1), издѣвались.
У Рима, полнаго гражданскимъ мятежемъ,
Чуть Дакъ и Эѳіопъ не отняли свободы (2)...
Одинъ опасенъ намъ метательнымъ копьемъ,
Другой вести корабль искусенъ черезъ воды.
Развратъ минувшихъ лѣтъ сперва лишилъ стыда
Супружества, людей поссоривши съ семьею;
Изъ этого ключа вся разлилась бѣда
И на отечество и на народъ рѣкою.
Искусству нравиться мы рано учимъ дѣвъ,
Имъ іонійскія дались тѣлодвиженья (3)
И каждая изъ нихъ, еще и не дозрѣвъ,
Уже любовныя лелѣетъ вожделѣнья,
А въ скоромъ времени за мужнинымъ виномъ (4)
Любовника себѣ моложе припасаетъ,
И радостью даря запретною тайкомъ,
Кого бъ то ни было — въ потьмахъ не разбираетъ.
Но на глазахъ у всѣхъ, при мужѣ, наконецъ,
Она встаетъ, спѣша на окликъ отозваться,
Коль съ корабля пришелъ испанскаго купецъ,
Который о цѣнѣ не станетъ торговаться.
Не отъ такихъ отцовъ былъ нѣкогда рожденъ
Народъ, который далъ пучинѣ цвѣтъ багровый
Отъ карѳагенскихъ тѣлъ, кѣмъ Пирръ былъ побѣжденъ
И мощный Антіохъ и Аннибалъ суровый (5).
То были воиновъ-оратаевъ сыны,
Привычные вращать сабинскою киркою
Бразду; имъ матерью заранѣ внушены
И страхъ и трудъ: они вечернею порою
Несли ей дровъ, когда надъ сумракомъ земли
Отъ солнца выси горъ блистали багряницей —

(1) Почетныя золотыя ожерелья римскихъ всадниковъ.

(2) Во время послѣдней войны даки перешли на сторону Антонія. О дакахъ см. II, 20, 18; подъ эѳіопами Горацій разумѣетъ Египтянъ, подданныхъ Клеопатры.

(3) Іонійскія пляски славились вольностью движеній.

(4) У древнихъ римлянъ женщины не обѣдали за общимъ столомъ.

(5) Горацій припоминаетъ самыя славныя эпохи римскаго оружія, побѣду Курія Дентата надъ Пирромъ (въ 479 г.), пораженіе Аннибала при Замѣ (въ 552 г.) и Антіоха Великаго при Магнезіи (въ 564 г.).

И безъ ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась во слѣдъ за ясной колесницей (1).
Все уменьшается, мельчаетъ каждый часъ :
Отцы, которыхъ стыдъ и сравнивать съ дѣдами,
Родили насъ еще негоднѣйшихъ, а насъ
Еще пустѣйшими помянетъ міръ сынами.

КЪ АСТЕРІИ (2).

Ода VII.

Чего, Астерія, оплакиваешь даромъ
Ты, Гига? Съ первою дохнувшею весной
Вернется юноша, обогащенъ товаромъ
Виѳиніи къ тебѣ, и съ вѣрною душой (3).
Заброшенъ къ Орику (4) свирѣпыми вѣтрами,
Враждебныхъ бурь Козы не въ силахъ превозмочь (5),
На ложѣ хладномъ онъ горячими слезами
Безсонный каждую тамъ провожаетъ ночь...
Хоть тотъ, кого, смутясь, хозяйка (6) подсылаетъ
О вздохахъ Хлоиныхъ не устаетъ твердить,
И говоря, какимъ огнемъ она пылаетъ,
На тысячу ладовъ старается склонить.
Онъ легковѣрнаго примѣромъ ставитъ Прета (7),
Котораго, клеветъ предательскихъ полна,
Беллерофонту смерть готовить въ юны лѣта
За цѣломудріе заставила жена.

---

(1) Солнца.

(2) Сочиненіе этой оды, по мнѣнію Кирхнера относится къ 729 году. Астерія, оплакивающая долговременное плаваніе любимаго Гига, вѣроятно, вымышленное лицо, или по-крайней-мѣрѣ вымышленное имя. Уже потому, что бури заставляютъ Гига зимовать въ Орикѣ, намъ кажется довольно-страннымъ принимать соблазняющую его Хлою за особу, о которой говорится I, 23 и III 26. Это все то же, что̀ считать Гига тѣмъ, о которомъ идетъ рѣчь II, 5, 20.

(3) О Виѳиніи, см. I, 35, 7.

(4) Городъ Орика въ сѣверной части Эпира, на берегу Іонійскаго Моря.

(5) Кормилица Зевеса, коза Амалтея помѣщена въ числѣ созвѣздій. Восхожденіе ея и закатъ сопровождались бурями.

(6) Хлоя подсылаетъ посредника.

(7) Анція, жена аргивскаго царя Прета, влюбленная въ цѣломудраго Беллерофонта, оклеветала его передъ мужемъ. Претъ услалъ Беллерофонта къ ликійскому царю, гдѣ онъ побѣдилъ огнедышущую Химеру.

*

О бѣгствѣ говоритъ воздержнаго Пелея (1),
Что̀ Ипполитой чуть не сосланъ былъ къ тѣнямъ
И изъ исторіи, съ улыбкою злодѣя,
Выводитъ о̀бразы учащіе грѣхамъ.
Напрасно. Юноша досель не пошатнулся,
Какъ по глухой скалѣ всѣ рѣчи пронеслись.
Но и тебѣ самой не больше ль приглянулся
Чѣмъ должно — Энипей (2) сосѣдъ твой? Берегись!
Пускай никто другой искуснѣй и смѣлѣе
На Полѣ Марсовомъ коня не соберетъ (3),
И пусть никто иной свободнѣй и быстрѣе
Вдоль по теченію рѣки не поплыветъ...
Лишь ночь, запрись въ дому, вдоль улицы широкой
Подъ умоляющій звукъ флейты не гляди (4),
И сколько бъ онъ тебя не называлъ жестокой,
Храни молчаніе и въ заперти сиди.

КЪ МЕЦЕНАТУ (5).

Ода VIII.

Ка̀къ праздникъ мартовскій я, холостякъ, встрѣчать (6)
Затѣялъ, что̀ цвѣты и нѣжныя куренья
И уголь на травѣ (7) здѣсь могутъ означать?
Тебѣ надиво безъ-сомнѣнья,

---

(1) По той же причинѣ Ипполита, жена ѳесалійскаго царя, обвинила Пелея, и онъ былъ брошенъ Ацестомъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ въ дебряхъ Пеліона. Но боги сжалились надъ нимъ и онъ сталъ супругомъ Ѳетиды.

(2) Энипей, вымышленное имя.

(3) О Марсовомъ Полѣ, см. III, 1, 11.

(4) Римляне при подобныхъ серенадахъ часто употребляли флейту.

(5) По обстоятельствамъ, о которыхъ говорится отъ 17-го до 24-го стиха, новѣйшие толкователи относятъ эту оду къ 725 году, а первый стихъ указываетъ на 1-е марта, какъ на годовщину приключенія съ деревомъ, см. II, 13, поэтому Горацій приглашаетъ друга отпраздновать съ нимъ этотъ для него знаменательный день.

(6) Въ день празднованій матроналій (1-го марта), исключительнаго праздника женщинъ, родственники и друзья послѣднихъ не только приносили имъ подарки, но и молились о нихъ Юнонѣ.

(7) Жертвоприношенія по этому случаю совершались во храмахъ и подъ открытымъ небомъ, оттого и уголь на травѣ.

Хотя ты языкамъ обоимъ обученъ (1).
Знай! бѣлаго козла и пиръ я благовонный
Готовлю Либеру за то, что имъ спасенъ,
Чуть деревомъ не погребенный.
День этотъ праздникомъ считаю годовымъ.
Съ амфоры прочь смолу, чтобъ влага заструилась,
Которая впивать густой и крѣпкій дымъ (2)
При Туллѣ консулѣ училась (3).
Сто чарокъ, Меценатъ, ты выпей другу въ честь
Спасенному, и тутъ со мной ночную пору
Рѣшись при факелахъ недремлющихъ провесть,
Вдали отъ шума и раздору.
Оставь гражданскія заботы и дѣла:
Палъ Котизонъ и Дакъ потерянъ безъ возврата (4),
А Миду грозному и битва не мила (5):
Тамъ братъ возсталъ противу брата.
Испанскій старый врагъ не минулъ нашихъ рукъ (6)
Хоть всѣхъ позднѣй Кантабръ, а все подпалъ неволѣ.
И Скиѳы думаютъ уже, ослабя лукъ (7),
Очистить передъ нами поле.
Какъ частный человѣкъ, ты не подумай разъ (8)
Не угнетаетъ ли народъ какое бремя?
Бери, что̀ радостный тебѣ приноситъ часъ
И важное покинь на-время.

---

(1) Въ числѣ условій образованія римлянъ того времени, было основательное изученіе латинскаго и греческаго языковъ.

(2) Римляне засмоливъ сосудъ съ молодымъ виномъ, ставили его въ кладовой и проводили въ нее дымъ, отъ котораго вино старѣлось преждевременно.

(3) Л. Волкацій Туллъ, бывшій консуломъ съ М. Эмиліемъ Лепидомъ въ 688 г.

(4) Котизонъ, царь даковъ, въ 725 году потерпѣлъ пораженіе отъ Марка Красса.

(5) Борьба персидскихъ царей-братьевъ Фрата и Тиридата, о которыхъ Горацій не разъ вспоминаетъ, началась въ 724 году.

(6) Испанія долѣе всѣхъ провинцій европейскаго материка противостояла римскому оружію, но покорена, наконецъ, Августомъ. Кантабры—бискайцы.

(7) Скиѳы потерпѣли въ 725 году пораженіе отъ М. Красса, но не были окончательно побѣждены, что̀ выражено у Горація словомъ «думаютъ».

(8) Хотя трудно доказать, чтобъ Меценатъ былъ префектомъ, или вообще занималъ публичныя должности, но Августъ въ отсутствіе свое могъ повѣрять ему управленіе дѣлами. Поэтому Горацій могъ просить друга своего забыть на нѣсколько часовъ публичныя дѣла.

КЪ ЛИДІИ (1).

Ода IX.

Горацій.

Доколѣ милымъ я тебѣ еще казался,
И, бѣлыхъ плечъ твоихъ, любовію горя,
Никто изъ юношей рукою не касался,
Я жилъ блаженнѣе персидскаго царя (2).

Лидія.

Доколь любовь твоя къ другой не обратилась,
И Хлои Лидія милѣй тебѣ была,
Счастливымъ именемъ я Лидіи гордилась,
И римской Иліи (3) прославленнѣй жила.

Горацій.

Я Хлоѣ ужь теперь ѳракійской покорился (4),
Ея искусна пѣснь и сладокъ цитры звонъ;
Для ней и умереть бы я не устрашился,
Лишь былъ бы юный вѣкъ судьбами пощаженъ.

Лидія.

Горю я пламенемъ взаимности къ Калаю,
Тому, что̀ Орнитомъ турійскимъ порожденъ (5),
И дважды за него я умереть желаю,
Лишь былъ бы юноша судьбами пощаженъ.

Горацій.

Что̀, если бы любовь, какъ въ счастливое время,
Ярмомъ незыблемымъ связала насъ теперь?

---

(1) Хотя Кирхнеръ и считаетъ эту оду написанной въ 735 году, но Оббаріусъ, относя первую размолвку Горація съ Лидіей (I, 13) къ 724, совершенный разрывъ съ нею (I, 25) къ 725, вслѣдъ затѣмъ обращеніе поэта къ Хлоѣ (I, 23), къ 726 и жалобу на ея медленность (III, 26) къ 727, считаетъ и эту оду, написанной въ томъ же 727 году. Горацій забылъ Лидію для Хлои; Хлоя, съ своей стороны, измѣняла ему для Телефа и турійскаго Калая. Встрѣтясь, они припоминаютъ счастливое время ихъ согласія и мирятся окончательно.

(2) Величіе и счастіе персидскихъ царей вошло у древнихъ въ пословицу.

(3) Когда Горацій любилъ Лидію, то имя ея, прославленное имъ, затмило славу Реи Сильвіи.

(4) Ѳракія славилась изнѣженностью.

(5) Турій — древній Сибарисъ въ Луканіи (Южной Италіи). Орнитъ и Калай равно какъ и Хлоя, вымышленныя имена.

И русой Хлои я съ себя низвергнувъ бремя,
Забытой Лидіи отверзъ бы снова дверь?

Лидія.

Хоть красотою онъ полночныхъ звѣздъ свѣтлѣе,
Ты жь споришь въ легкости съ древесною корой (1).
И злаго Адрія причудливѣй и злѣе —
Съ тобой хотѣла бъ жить и умереть съ тобой.

КЪ ЛИКѢ (2).

Ода X.

Хотя бы, Лика! ты и въ жребіи убогомъ
За мужемъ-дикаремъ пила далекій Донъ (3) —
Ты пожалѣла бы, что легъ я за порогомъ,
Гдѣ свищетъ Аквилонъ (4).
Ты слышишь, дверь съ какимъ колеблетъ сотрясеньемъ,
Кàкъ сѣянный вокругъ жилища стонетъ лѣсъ (5),
Кàкъ вновь упавшій снѣгъ морозитъ дуновеньемъ
Безоблачный Зевесъ (6)?
Кипр иду радуя, отъ гордости преступной
Отстань. И счастіе измѣнитъ наконецъ:
Не Пенелопой же, исканьямъ недоступной
Родилъ тебя отецъ.
О! пусть тебя склонить не въ силахъ приношенье
Ни плачъ влюбленнаго, ни блѣдный цвѣтъ лица,
Ни мужъ, чтò оказалъ гречанкѣ предложенье... (7)
Не пощади сердца

(1) Съ корою пробочнаго дерева.

(2) Мужъ Лики, дочери этруска, поддерживалъ связь съ македонянкой. Горацій любилъ Лику короткое время, вскорѣ по смерти Цинары (IV, 13, 21), слѣдовательно, около 724 года. Въ этой одѣ, написанной, вѣроятно, спустя нѣкоторое время, Горацій старается склонить Лику серенадой и въ то же время переходитъ въ насмѣшливый тонъ. Должно предполагать, что поэтъ не былъ услышенъ и въ 736 году излилъ всю желчь свою въ IV, 13.

(3) Хотя бы ты была женою Скиѳа.

(4) Аквилонъ — сѣверный вѣтеръ, Борей.

(5) Лѣсъ, разведенный вокругъ виллы Лики.

(6) Зевесъ, богъ неба, вмѣсто самого неба.

(7) Горацій старается склонить Лику, возбудивъ въ ней чувство мести къ невѣрному мужу.

Твоихъ вздыхателей. Ты злобою похожа
На змѣй степныхъ, какъ дубъ душою ты жестка,
А вѣчнаго дождя, здѣсь на порогѣ лёжа,
Не вытерпятъ бока.

КЪ МЕРКУРІЮ (1).

Ода XI.

Мекурій! ты кому обязанъ наставленьемъ,
Каменья подвигалъ поющій Амфіонъ (2),
И ты, о лира! чьимъ искуснымъ пѣснопѣньемъ
Семь струнъ подъемлютъ звонъ (3)!
Нѣмая прежде, ты отрадой не дарила,
Но нынѣ — и пировъ и храмовъ вѣрный другъ,
Спой пѣсню мнѣ скорѣй, чтобъ Лида къ ней склонила
Свой прихотливой слухъ.
А то она въ лугу трехлѣтней кобылицей
Дотронуться не дастъ, все рвется поиграть...
Знать не пришла пора — и мужу съ баловницей
Такой не совладать.
Смиряешь тигровъ ты, твой голосъ увлекаетъ (4)
Лѣса во слѣдъ, и бѣгъ удерживаетъ водъ,
И Церберъ при тебѣ, смолкая, забываетъ
Стеречь подземный входъ —
Хоть голова его, увитая змѣями
Шипящими, на видъ ужасна и гадка,
А темная слюна изъ пасти льетъ ручьями
Съ тройнаго языка.
Невольно Титія и Иксіона муки (5)

(1) Если мы будемъ считать Лиду, которую въ этой одѣ Горацій старается смягчить примѣромъ Данаидъ, за либертину, о которой говорится II, 11 и III, 28, то мы должны отнести сочиненіе ея ко времени до 730 года. Поэтъ, какъ бы не надѣясь на собственный даръ слова, проситъ бога краснорѣчія Меркурія убѣдить прихотливую Лиду.

(2) Амфіонъ построилъ Ѳивы, заставляя камни сдвигаться къ сооруженію стѣнъ звуками лиры.

(3) Седьмую струну на лиру навязалъ Терпандръ, осьмую — Симонидъ.

(4) Горацій здѣсь, вѣроятно, намекаетъ на преданіе объ Орфеѣ (I, 12, 9) и о томъ, какъ онъ за Евридикою сходилъ въ адъ.

(5) Титій см. II, 14, 8. Иксіонъ отецъ Пиривоя, царь ѳессалійскій, принявъ облако за Юнону, произвелъ на свѣтъ Центавровъ. За это въ аду онъ вертится на колесѣ.

В улыбку перешли за пѣснею твоей,
И урна высохла, когда прельщали звуки
Даная дочерей (1).
Пусть Лида слушаетъ: за что̀ и ка̀къ ужасно
Караютъ боги дѣвъ, какъ въ бочкѣ безо дна
Не держится вода и сохнетъ ежечасно;
Какъ тяжкая вина
И въ Оркѣ сходится съ возмездьемъ безпощаднымъ.
Безбожницы! какихъ гнуснѣй еще грѣховъ?
Безбожницы! онѣ губить желѣзомъ хладнымъ
Рѣшились жениховъ.
Одна лишь изо всѣхъ (2) (ей факелъ подвѣнечной
Не даромъ просіялъ) придумала отца
Злодѣя обмануть, за то и славой вѣчной
Сіять ей безъ конца.
«Вставай, мой суженый» она проговорила,
«Вставай, чтобъ долгій сонъ тебя не распростеръ
«Тутъ неожиданно; я тестя усыпила,
«Ты обмани сестеръ.
«Онѣ по одному, какъ злыя львицы въ стадѣ,
«Рѣшились жениховъ на мѣстѣ растерзать,
«Но я добрѣй, тебя не задержу въ засадѣ (3),
«Не стану убивать.
«И пусть меня отецъ обременитъ цѣпями
«За то, что стало жаль мнѣ участи твоей,
«Иль въ степь Нумидіи отправитъ съ кораблями,
«Добычею звѣрей.
«Бѣги! куда тебя лишь ноги будутъ въ силѣ
«Умчать. Храни тебя любовь въ ночной тиши!
«Бѣги! счастливый путь, и на моей могилѣ
«Мой жребій опиши (4)».

---

(1) У египетскаго царя Бела было два сына, Данай и Египтъ. 50 дочерей Даная (Данаиды) умертвили 50 сыновей Египта въ первую ночь брака, за что̀ въ аду онѣ осуждены наполнять бездонную бочку.

(2) Гипермнестра.

(3) Гипермнестра не только не убила жениха, но совѣтовала ему убѣжать. Такимъ-образомъ Данай на утро не досчитался одного трупа.

(4) Гипермнестра проситъ жениха, чтобъ онъ подвигъ и жребій ея описалъ на ея надгробномъ камнѣ.

КЪ НЕОБУЛѢ (1).

Ода XII.

Несчастье не играть любовію отрадной,
Не омывать тоски во влагѣ виноградной,
Дрожа, чтобъ дядя не бранилъ;
Твою корзину, шерсть — лишь только ты взглянула—
Крылатый мальчикъ вмигъ похитилъ, Необула,
Блестящій Гебръ его плѣнилъ (2).

Бѣжитъ ли съ плечъ его душистыхъ влага Понта,
Иль правитъ онъ конемъ ловчѣй Беллерофонта (3)—
Въ бою и въ бѣгѣ первымъ онъ;
Хитрецъ оленя въ бѣгъ копьемъ въ проворномъ стадѣ
На чистомъ попадетъ — и знаетъ гдѣ въ засадѣ
Кабанъ кустами окруженъ.

КЪ КЛЮЧУ БАНДУЗІЮ (4).

Ода XIII.

О ключъ Бандузіи! прозрачнѣе кристалла,
Цвѣтовъ достоинъ ты, ты заслужилъ съ виномъ
Холодную волну смѣшать на днѣ фіала;
Мы завтра въ честь твою козлёнка принесемъ (5).
Вотще ему пора съ отвагой и любовью
Едва примѣтные рога склонять на бой,
И стада первенецъ алѣющею кровью
Назначенъ оросить холодный берегъ твой.
Тебя каникуловъ не смѣютъ раскаленныхъ

---

(1) Трудно опредѣлить, кто была Необула, къ которой относится эта ода, да и самое время сочиненія оды неизвѣстно. Нѣкоторые критики считаютъ ее подражаніемъ Алкею. Горацій говоритъ, что Необулу некому бранить за ея увлеченіе, которое до-того сильно, что она забыла свое обычное рукодѣлье.

(2) Гебръ, вымышленное имя юноши.

(3) Беллерофонтъ, сынъ Главка, см. II, 7, 18.

(4) Толкователи, отъискавъ ключъ Бандузія въ шести миляхъ отъ Венузіи, на родинѣ Горація, считали оду эту написанной во время поѣздки его въ Брундузію (717 г.). Но намъ кажется основательнѣе мысль, что поэтъ далъ это названіе ключу въ окрестностяхъ Сабина. Эту мысль оправдываетъ

(5) Жертвоприношеніе козленка, отложенное до другаго дня и...

Полдневные часы коснуться, ты поишь
Бродящія стада и плугомъ утомленныхъ
Воловъ отрадною прохладою даришь.
Покроешься и ты, о ключъ! безсмертной славой,
Когда мои стихи для пѣнья изберутъ (1)
Пещеры на скалахъ и ясень величавый,
Отколь струи твои болтливыя текутъ.

КЪ РИМСКОМУ НАРОДУ (2).

Ода XIV.

Люди! давно ли гремѣло, что Цезарь
Лавровъ, стяжаемыхъ смертью добился (3) —
Вновь какъ Ираклъ, отъ испанцевъ съ побѣдой (4)
Онъ воротился.
Мужа героя, сверша возліянья,
Встрѣтитъ супруга, исполнена ласки (5),
Встрѣтитъ сестра (6), и за ними, въ убранствѣ
Скромной повязки (7),
Матери дѣвъ и въ бою уцѣлѣвшихъ
Юношей. Вамъ же, младенцы и жены,
Мужа познавшія, сдерживать должно (8)
Вѣщіе стоны.
Этотъ торжественный день разгоняетъ
Горе мое. — Не смущусь ни войною

---

(1) Намѣреніе поэта воспѣвать самый родникъ, наводитъ на предположеніе близкой осѣдлости Горація.

(2) Въ 727 году, Августъ, съ намѣреніемъ покорить Британію, отправился изъ Рима въ Испанію, но, заболѣвъ во время похода, онъ, въ 730 году, возвратился въ Италію, покоривъ кантабровъ и астурійцевъ въ Галліи и Испаніи. Горацій въ этой одѣ празднуетъ его возвращеніе.

(3) Относится къ прежнимъ побѣдамъ Августа.

(4) Какъ Геркулесъ возвратился изъ Испаніи, побѣдивъ трехтѣльнаго Геріона.

(5) Ливія.

(6) Октавія.

(7) Повязки (vittæ) носили римскія матроны не только при жертвоприношеніяхъ, но и вообще, какъ эмблему чистоты и скромности, въ отличіе отъ либертинъ.

(8) Горацій, вѣроятно, хочетъ сказать: «Вы, матери сыновей, уцѣлѣвшихъ на войнѣ, принесите благодарственную жертву съ Ливіей и Октавіей; а вы, жены и дѣти убитыхъ на войнѣ, не нарушайте торжества стонами, которые могутъ имѣть худое предзнаменованіе.

Я ни насильственной смертью, коль правитъ
Цезарь землею.
Мальчикъ, елея, бѣги за вѣнками [1]
Дай намъ вина, что̀ при Марзахъ созрѣло [2],
Если отъ полчищъ бродящихъ Спартака [3]
Что̀ уцѣлѣло.
Да и Неэрѣ [4] скажи голосистой:
«Косу узломъ, да скорѣй собирайся!»
Если жь привратникъ докучный задержитъ —
Не дожидайся.
Волосъ бѣлѣющій духъ укрощаетъ,
Бойкость не та, и не та ужь осанка —
Этого я не стерпѣлъ бы во время
Консула Планка [5].

КЪ КЛОРИСѢ [6].

Ода XV.

Мужа-то, бѣднаго Ивика [7],
Вспомня, отстань отъ своей пустоты
И отъ усилій прославленныхъ:
Время въ могилу тебѣ вѣдь, а ты
Хочешь играть между дѣвами,
Ясныя звѣзды туманомъ скрывать;
То, что̀ плѣнительно въ Полоѣ,
То ужь Клориса, тебѣ не подъ-стать.
Дочь пусть бушуетъ по юношамъ,

---

(1) Елей благовонный для умащенія тѣла.

(2) Въ 662 г. началась союзническая война. Въ числѣ союзниковъ и марзы требовали правъ римскаго гражданства.

(3) Въ 679 году ѳракійскій невольникъ Спартакъ, убѣжавшій изъ фехтовальной школы, сдѣлался главою партіи, съ которою долгое время грабилъ римскія области.

(4) Неэра — вымышленное имя либертины.

(5) Во время консульства Мунація Планка и Эл. Лепиды, въ 712 году, Горацію было 22 года.

(6) Хотя II, 5, 17 встрѣчается имя Полои и Клорисы, но едва-ли можно доказать, чтобъ лица предлежащей оды были тѣ же.

(7) Кто этотъ бѣдный Ивикъ, мужъ Клорисы — также мало извѣстно, какъ и самое время сочиненія оды.

Словно Тіада, заслыша тимпанъ,
Къ Ноту любовь по-неводѣ ей [1]
Прыгать велитъ, какъ козлёнокъ-буянъ.
Шерсть благородной Люцеріи [2],
Вотъ что̀ старухѣ [3], не цитра подъ-стать,
И не пурпуровой розы цвѣтъ
И не до гущи отпитая кадь.

КЪ МЕЦЕНАТУ [4].

ОДА XVI.

И башня мѣдная, и псовъ угрюмыхъ стая [5]
И крѣпкій дубъ воротъ, надежно припертыхъ,
Казалось бы, могла укрыть тебя, Даная,
От соблазнителей ночныхъ,
Когда бъ Юпитеръ самъ съ наставницей Венерой
Тому, что̀ дѣву такъ Акризій устерегъ
Не посмѣялися. Какой укроешь мѣрой,
Коль въ деньги превратился богъ?
Межъ стражей золото дорогу находило,
И любитъ каменный разваливать оплотъ
Сильнѣе молніи. Оно же погубило
Агривца вѣщаго весь родъ [6].

---

(1) Любовь къ юношѣ Ноту, дѣлаетъ Полою, дочь Клорисы, игривой и своенравной.

(2) Окрестности города Люцеріи, въ Апуліи, славились тонкорунными овцами.

(3) Старухѣ Клорисѣ неприлично пѣть подъ цитру, украшать ее цвѣтами и пить вино.

(4) Толкователи относятъ эту оду къ 726 году, когда Горацій, по свидѣтельству Светонія, отклонилъ отъ себя предлагаемую ему Августомъ должность секретаря, связанную, разумѣется, съ богатствомъ и почестями. Не желая навлечь на себя немилость Октавіана, Горацій обращается не прямо къ нему, а излагаетъ другу и покровителю Меценату все зло, проистекающее отъ алчности къ золоту, прибавляя, что самъ онъ (Горацій) не знаетъ этой страсти и чувствуетъ себя совершенно-счастливымъ при ограниченности своихъ средствъ.

(5) Аргосскій царь Акризій, которому оракулъ предвѣщалъ смерть отъ руки внука, заперъ дочь свою Данаю въ мѣдную башню, чтобъ сохранить ее отъ мужчинъ. Юпитеръ спустился къ ней золотымъ дождемъ и она родила Персея — убійцу Акризія.

(6) Эрифила, подкупленная золотымъ ожерельемъ Полиника, погубила мужа своего. Сынъ ея, Алкмеонъ, убилъ мать и, въ свою очередь, убитъ братомъ.

Хитрецъ Филиппъ умѣлъ ворота городскія (1)
Имъ отворять, умѣлъ стяжательныхъ царей
Склонять подарками, и горы золотыя
Вождя подкупятъ кораблей.
Коль деньги множатся, и алчность, прибавляясь,
Все хочетъ бо̀льшаго. Я правъ, о Меценатъ
Отрада всадниковъ! при мысли содрогаясь,
Ну что̀ когда бъ я былъ богатъ?
Чѣмъ больше кто себѣ отказывать умѣетъ,
Тѣмъ боги болѣе даютъ ему. Я нагъ,
Съ улыбкой отъ того бѣгу, кто всѣмъ владѣетъ,
Къ тому, кто не желаетъ благъ,
И я довольнѣе въ моей презрѣнной долѣ,
Чѣмъ еслибъ въ житницы все то собрать я могъ,
Что̀ сѣетъ труженикъ на апулійскомъ полѣ —
И былъ бы въ роскоши убогъ.
Потокъ прозрачныхъ водъ, лѣсокъ мой невеликой
И съ неизмѣнныхъ нивъ прибытокъ годовой
Я съ африканскимъ бы не промѣнялъ владыкой:
Я счастливѣй его судьбой,
Хоть не калабрскія (2) мнѣ пчелы носятъ меду,
Не лестригонскій (3) вакхъ въ мои амфоры влитъ,
И галльской шерстію, пушистою въ породу (4)
Меня овца не подаритъ.
Однакожь нищеты не знаю я докучной,
А больше пожелай — и ты бъ не отказалъ.
Безъ алчности досель казной моей сподручной
Я съ бо̀льшей пользой управлялъ,
Чѣмъ съ аліаттовой когда бы свелъ страною (5)
Поля мигданскія (6). Кто много захотѣлъ—

(1) Филиппъ Македонскій говоритъ, что онъ каждую крѣпость возьметъ, въ которую можетъ проникнуть оселъ, навьюченный золотомъ.

(2) Калабрія (I. 33, 15) славилась превосходнымъ медомъ.

(3) Близь Форміи, въ землѣ лестригонской, воздѣлывалось славное форміанское вино.

(4) Порода галльскихъ овецъ отличалась густотой и мягкостью шерсти.

(5) Лидія названа страною Аліатта, отца Креза.

(6) Фригія получила названіе Мигданіи, по мнѣнію однихъ, отъ царя Мигдана, а по мнѣнію другихъ, по имени поселившагося въ ней ѳракійскаго племени.

Всегда въ нуждѣ. Блаженъ, кому скупой рукою
Богъ, сколько нужно, далъ въ удѣлъ.

КЪ ЭЛІЮ ЛАМІЮ [1].

Ода XVII.

Мой Элій, Ламія потомокъ благородный,
Коль были Ламіи, какъ говоритъ народъ,
И предки всѣ твои, и внуковъ рядъ свободный
Происхожденіе по книгамъ поведетъ
Отъ праотца того, который, по преданью,
Построилъ Формію и далеко владѣлъ [2]
Неограниченной и непреклонной дланью
Лирисомъ, Марики стекающимъ въ предѣлъ [3].
Назавтра бурею суровой Эвръ нагрянетъ [4],
Листвой устелетъ боръ, а берега морей
Безплодною травой [5], коль точно не обманетъ
Ворона старая предвѣстница дождей.
Дровъ припасай сухихъ, и бури не замѣтишь,
А завтра генія-хранителя виномъ [6]
И поросёнкомъ ты осьминедѣльнымъ встрѣтишь
Съ веселой челядью, незанятой трудомъ.

---

[1] Мы видѣли въ I, 26, что Элій былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Горація. Кирхнеръ относитъ оду эту къ 731 году. Поэтъ, предлагая другу своему устроить веселый пиръ, начинаетъ стихотвореніе шуткой. Онъ говоритъ Элію : «Ты потомокъ Ламія, потому-что всѣ предки твои были его потомками, да и потомки твои поведутъ свой родъ отъ него же.

[2] О Форміѣ говоритъ Гомеръ (см. Одис. Жуков. X. 81) «Прибыли мы къ многовратному граду, въ странѣ лестригоновъ, Ламосу».

[3] Лирисъ , см. I, 31, 7. На берегу Лириса была роща, посвященная Нимфѣ Марикѣ.

[4] Эвръ, см, I, 28, 25.

[5] Травой, выбрасываемой морскимъ волненіемъ.

[6] Геній-хранитель напутствовалъ человѣка въ продолженіе жизни. Предполагали, что Горацій, говоря о приношеніи Генію, намекаетъ на день рожденія своего друга. Но, по жертвоприношенію поросенка , можно думать объ осеннемъ праздникѣ собиранія плодовъ и кровавой жертвы въ честь земли. Горацій самъ въ посланіяхъ (II, 1, 140) говоритъ, что землѣ приносятъ въ жертву поросенка, а Генію—вино и цвѣты въ воспоминаніе краткости жизни,

КЪ ФАВНУ (1).

Ода XVIII.

О, Фавнъ, любовникъ Нимфъ, бѣгущитъ предъ тобою! (2)
Границы знойныхъ жатвъ и нивъ моихъ щади,
И молодыхъ ягнятъ ты бережной стопою
Безвредный обходи.

Коль въ новый годъ закланъ тебѣ ягнёнокъ нѣжной,
Фіалъ, Венеры другъ (3) налитъ виномъ, а тамъ
На старомъ алтарѣ возженъ рукой прилежной,
Дымится ѳиміамъ:

Играетъ на травѣ обильной стадо въ полѣ,
Коль съ торжествомъ твоимъ опять декабрь пришелъ,
Селенье на лугу и празднуетъ на волѣ,
И отдыхаетъ волъ.

Близь волка кроткаго забыли страхъ ягнята (4)
И сыплетъ боръ тебѣ пустынные листы,
А земледѣлецъ радъ отмстить землѣ трикраты
Ударами пяты (5).

---

(1) Фавну, покровителю полей и стадъ, римляне приносили жертву два раза въ годъ: 13 февраля испрашивали у него милости на предстоящій годъ, а 5-го декабря благодарили за прошедшее покровительство, прося и на будущее время о томъ же. Эта ода, очевидно, написана въ Сабинѣ (слѣдовательно послѣ 721 года) по случаю празднества перваго полугодія.

(2) Римскій Фавнъ похожъ съ одной стороны на нашего лѣшаго или домоваго. (Вспомнимъ о стихотвореніи Пушкина къ Домовому, которое есть явное подражаніе нашей одѣ). Фавнъ пугалъ сонныхъ дѣтей и нападалъ на спящихъ Нимфъ.

(3) Вакхъ, богъ фіала, постоянный спутникъ Венеры.

(4) Въ день осенняго празднества у римлянъ велся обычай выгонять стада въ поле, еще покрытое въ Италіи въ сентябрѣ сочною травою. И римляне вѣрили, что въ этотъ день враждебныя животныя, какъ, напримѣръ, волки, не касаются стадъ.

(5) Земледѣльцы пляшутъ въ три такта.

Къ Телефу. (1).

Ода XIX.

За Инахомъ въ какое время (2)
Жилъ Кодръ, что̀ палъ за край родной (3)
Ты знаешь, про Эака племя (4)
Разскажешь, про троянскій бой;
Но какъ съ хіосскимъ продается
Виномъ боченокъ — хоть дрожишь
Отъ стужи—гдѣ для насъ найдется
И домъ и баня — ты молчишь (5).
Муренѣ въ честь, новорожденной (6)
Лунѣ во славу, въ честь ночей
Три мѣры влаги благовонной
Иль девять въ чашу, мальчикъ, влей!
Тому три раза по три въ пору,
Кто музъ нечетныхъ любитъ рядъ (7)...
Пить больше трехъ, боясь раздору
Нагія граціи претятъ.
Отрадно буйствовать! Но что же
Берецентійской я досель (8)

---

(1) Хотя имя Телефа встрѣчается I, 13, 1 и IV, 11, 21, но ясно, что лицо, къ которому относится эта ода, не имѣетъ ничего общаго съ упомянутымъ. Изъ содержанія оды видно, что Горацій смѣется надъ Телефомъ, углубленнымъ въ историческія изъисканія и мало-способнымъ распорядиться насчетъ предстоящаго пира. Такъ-какъ въ послѣднемъ стихѣ говорится о любви къ Глицерѣ, то оду эту должно отнести къ 730 году.

(2) Инахъ, см. II, 3, 21.

(3) Кодръ послѣдній царь аѳинскій.

(4) См. II, 13, 22.

(5) Римляне передъ обѣденнымъ столомъ обмывались нагрѣтой водой и пиршества не всегда бывали въ дому амфитріона, но составлялись изъ посильныхъ приношеній въ домъ того собесѣдника, у котораго было удобнѣйшее помѣщеніе.

(6) Кто этотъ былъ Мурена—трудно сказать достовѣрно; всего вѣроятнѣе, это былъ Лициній Варронъ Мурена, братъ Прокулея и Теренціи, супруги Мецената.

(7) Поэту, по числу музъ, можно на три мѣры воды влить въ чашу девять мѣръ вина; для прочихъ собесѣдниковъ на то же количество воды достаточно трехъ мѣръ.

(8) Обыкновенно говорится о берецентійскомъ рогѣ, а здѣсь Горацій, говоритъ о флейтѣ.

Не слышу флейты? отчего же
Молчатъ и лира и свирѣль?
Сыпь розъ! мнѣ ненавистны руки
Скупыя. Пусть услышитъ Ликъ (¹)
Съ сосѣдкою разгула звуки,
И позавидуетъ старикъ!
А Рода по тебѣ вздыхаетъ,
Какъ на блестящую зарю (²)
Она на Телефа взираетъ;
А я къ Глицерѣ все горю.

КЪ ПИРРУ (³).

Ода XX.

Знать, ты не видишь, Пирръ, какъ для тебя опасно
Новорожденныхъ львятъ у львицы отнимать;
Отступишь скоро ты, сразившись съ ней напрасно
Какъ боязливый тать:
Когда она пойдетъ по хороводу, клича
Неарха юношу, который всѣхъ милѣй...
Еще вопросъ: кому достанется добыча:
Тебѣ ли, или ей?
Покуда быстрыя ты вынимаешь стрѣлы,
А зубы страшные востритъ она на бой,
На пальму наступилъ посредникъ битвы смѣлый
Разутою ногой.
Играетъ вѣтръ въ кудряхъ и пряди умащенной
Лишь изрѣдка даетъ спускаться до плеча...
Таковъ одинъ Нирей, иль съ Иды похищенный (⁴)
У горнаго ключа.

(¹) Горацій хочетъ, чтобъ старый Ликъ съ молодой женою своею Родой, услыхалъ сосѣднюю пирушку и позавидовалъ молодёжи.

(²) Рода, какъ видно, была неравнодушна къ Телефу.

(³) Кто этотъ Пирръ и у кого онъ оспориваетъ Неарха—сказать столько же трудно, какъ утверждать, что ода эта написана въ 727 г. Замѣчательно, что Горацій, сравнивъ разъ ревнивую дѣву со львицей, во всей одѣ смѣшиваетъ эти два образа. Разумѣется, что посредникомъ тутъ можетъ быть только самъ Неархъ.

(⁴) Нирей, по словамъ Гомера («Иліада», II, 673), былъ первый красавецъ между юношами, бывшими въ троянскомъ походѣ. Съ вершины Иды, обильной ключами, былъ похищенъ Ганимедъ.

КЪ АМФОРѢ [1].

Ода XXI.

Былъ Манлій консуломъ, когда со мной, Амфора [2],
Ты родилась; теперь чего ты ни полна:
Веселья ли, вражды ль и буйнаго задора,
Безумной ли любви, отраднаго ли сна,
И на какую бъ ты не берегла причину
Массійское вино, въ день радости моей
Почнемъ тебя. Сойди! такъ хочется Корвину [3] —
И мягкаго вина побольше намъ налей.
Хотя премудростью Сократа благочинной
Онъ славенъ, но найдешь цѣнителя ты въ немъ;
Не даромъ говорятъ, что и Катонъ старинный
Нерѣдко доблести подогрѣвалъ виномъ.
Ты нѣжной пыткою тревожишь вдохновенье
Упрямое. Бѣгутъ при помощи твоей
Заботы мудраго, и тайныя стремленья
Способенъ раскрывать причудливый Ліей.
Умамъ запуганнымъ ты придаешь надежды
Отваги бѣдняку, въ немъ сила горяча;
Исполненный тобой, онъ подымаетъ вѣжды
Безъ страха на шеломъ и острее меча.
Пусть Вакхъ съ Кипридою, пусть Граціи встрѣчаютъ [4]
Тебя, хоть пояса̀ развязывать имъ лѣнь —

---

(1) Сочиненіе этой оды можно относить къ 728 году. Поэтъ, приглашая М. Валерія Мессалу Корвина отпраздновать день рожденія (Горація или Корвина — трудно рѣшить), воспѣваетъ Амфору и заключающееся въ ней вино.

(2) Римляне надписывали на амфорахъ имя консула, чтобъ впослѣдствіи судить о старости вина; слѣдовательно амфора, о которой говоритъ поэтъ, была налита при Л. Манліѣ Торкватѣ, въ томъ же самомъ 689 г., въ которомъ родился и Горацій.

(3) О сохраненіи вина см. III, 8, 11. М. Валерій Мессала Корвинъ служилъ подъ знаменами Брута и Кассія, перешелъ къ Антонію и, со времени переговоровъ въ Брундузіи, былъ на сторонѣ Октавіана. Въ 727 году, одержавъ побѣду надъ аквитанцами, онъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ и предался изученію реторики и философіи.

(4) Граціи, всегдашнія спутницы Вакха и Венеры, никогда не слагаютъ своихъ поясовъ (nunquam solventes).

И пусть веселыя лампады пропылаютъ,
Доколь не сгонитъ звѣздъ новорожденный день.

КЪ ДІАНѢ (1).

Ода XXII.

Высей и рощей владычица дѣва,
Дѣвъ ты спасаешь отъ смерти внимая (2)
Трижды зовущимъ, въ томленіяхъ чрева (3),
  Ликомъ тройная (4).
Пусть же сосна, что́ мой кровъ осѣняетъ,
Будетъ твоею; заклать я ко сроку
Радъ кабана ей, хоть онъ угрожаетъ
  Язвою съ боку (5).

КЪ ФИДИЛѢ (6).

Ода XXIII.

Ежели къ небу ты руки возносишь (7)
При новолуньи съ мольбою, Фидила,
Ладонъ ли, плодъ ли созрѣлый подносишь,
Иль поросёнкомъ ты ларъ ублажила —
Пышной лозѣ не навѣетъ заразу

---

(1) Горацій посвящаетъ Діанѣ, богинѣ лѣсовъ, сосну, обѣщаясь у корней ея ежегодно приносить въ жертву кабана. Ясно, что ода написана послѣ 721 г.

(2) Дѣвъ здѣсь вмѣсто женъ, также, какъ II, 8, 23.

(3) Діана, помощница въ родахъ.

(4) Луна на небесахъ, на землѣ Діана и Геката въ области тѣней; но, кромѣ того, у луны и три лика: при рожденіи, полнолуніи и ущербѣ.

(5) «Одиссея» Жуковскаго, XIX, 450:

«Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
«Мяса, нагрянувши сбоку, но кость уцѣлѣла».

(6) Оббаріусъ считаетъ Фидилу домоправительницею Горація, которой поэтъ даетъ наставленіе, какимъ образомъ и къ какой мѣрѣ она должна совершать приношенія ларамъ, испрашивая у нихъ заступничества хозяйству.

(7) «Одиссея» Жуковскаго, IX, 294:

«Мы святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
«Къ Дію-отцу подымали», и проч.

Африкъ (1), и жатвъ не изсушитъ несносный
Жаръ, а ягнятъ не коснется ни разу
Тяжкое время поры плодоносной.
Кровью тельцовъ, что̀ завѣтно хранятся
Алгида снѣжнаго въ дебряхъ сокрытыхъ,
Иль на албанской травѣ, обагрятся
Только сѣкиры жрецовъ именитыхъ.
Не сокрушайся, хотя не заклаешь
Агнцевъ двулѣтнихъ для жертвы урочной —
Ларамъ смиреннымъ вѣнки ты сплетаешь
Изъ розмарина и мирты непрочной.
Если невинной рукой возлагаютъ
Даръ, то пенатъ отвратившихся воли
Пышныя жертвы не лучше склоняютъ
Скромной муки̇, или скачущей соли (2).

КЪ СКУПЦАМЪ (3).

Ода XXIV.

Хотя бы ты богаче былъ
Завѣтныхъ кладовыхъ арабской и индійской (4),
А кирпичами завалилъ (5)
Тирренскую волну и берегъ апулійскій,
Но какъ нужда начнетъ вбивать (6)
Алмазный въ темя гвоздь безжалостной рукою (7),
Тебѣ отъ страха убѣжать
Нельзя и — голову затянетъ смертъ петлёю.
Не лучше ль скиѳомъ жить въ степяхъ,
У коихъ шаткій домъ въ походной весь кибиткѣ?

---

(1) Африкъ, см. I, 3, 12. Горацій хочетъ сказать, что стада, пасущіяся на Алгидѣ (близь Рима) и на албанскихъ поляхъ, предназначены для общественныхъ жертвоприношеній.

(2) Брошенная на огонь соль прыгаетъ съ трескомъ.

(3) Смыслъ оды, начиная отъ 21 стиха, показываетъ, что она должна быть написана до окончанія междоусобныхъ войнъ (до 725 т.); въ ней, какъ и во многихъ другихъ одахъ, Горацій преслѣдуетъ корыстолюбіе, выставляя на видъ гибельныя слѣдствія роскоши.

(4) Индія и Аравія славились богатствомъ.

(5) О постройкахъ на морѣ, см. II, 18, 17.

(6) О принадлежностяхъ богини Нужды ('Αναγκη), см. I, 35, 17.

(7) Алмазный, значитъ твердый.

Не лучше ль гетомъ, на поляхъ [1]
Немѣрянныхъ, плоды и хлѣбъ сбирать въ избыткѣ?
Тамъ больше года земледѣлъ
Трудиться надъ своимъ участкомъ не желаетъ.
И тотъ, кому велитъ раздѣлъ [2],
Преемникомъ его въ работахъ замѣняетъ.
У нихъ невинности полна,
Хозяйка пасынковъ несчастныхъ не обмѣритъ,
Приданымъ хвастая, жена
Тамъ мужемъ не вертитъ, любовнику не вѣритъ.
У нихъ въ приданое даютъ
Родительскую честь и страхъ передъ мужчиной
Чужимъ. Тамъ вѣрность свято чтутъ,
Тамъ лучше смерть, чѣмъ быть безчестія причиной.
О, если кто судьбой избранъ
Всеобщій духъ унять отъ буйствъ и злодѣяній,
И хочетъ, чтобъ: *отецъ гражданъ*
Къ подножію его писали изваяній —
Пусть обуздаетъ онъ развратъ,
И будетъ славиться въ потомкахъ. Въ томъ и горе!
Живую доблесть не цѣнятъ [3],
А скрылась лишь изъ глазъ, такъ жадно ищутъ вскорѣ.
Коль преступленію во слѣдъ
Не угрожаетъ казнь, къ-чему всѣ наши стоны,
И тамъ, гдѣ нравственности нѣтъ,
Что̀ могутъ означатъ напрасные законы?
Когда ни странъ пустынныхъ зной,
Ни берегъ, гдѣ Борей въ сосѣдствѣ обитаетъ,
Ни снѣгъ, хрустящій подъ ногой
Отъ стужи, и ничто купца не устрашаетъ.
А кормчій море побѣдить [4]
Съумѣлъ, и, превратясь въ позоръ, удѣлъ убогой

---

[1] Геты или даки жили въ нынѣшней Венгріи.

[2] Они метали жребій, кому обработывать извѣстный участокъ на слѣдующій годъ.

[3] Горацій, стараясь возбудить избранника судьбы, обѣщаетъ ему славу въ потомствѣ и тотчасъ поражается мыслью, что не посулилъ ему ничего при жизни.

[4] Въ I, 3, мы видѣли, что Горацій борьбу съ природой почитаетъ какъ-бы нарушеніемъ границъ, указанныхъ человѣку.

Велитъ все дѣлать, все сносить,
Чтобъ доблестей нейдти гористою дорогой.
Пойдемъ съ толпою заодно
И въ Капитоліѣ боговъ принять упросимъ (¹),
Иль моря близкаго на дно
Каменья, жемчуги и золото забросимъ,
Ненужную причину бѣдъ
Коль о грѣхахъ своихъ мы точно сокрушились;
Чтобъ съ корнемъ уничтожить слѣдъ
Корысти, чтобы вновь трудами укрѣпились
Умы изнѣженные въ насъ.
Свободный юноша на лошадь не садится,
Онъ упадетъ съ нея какъ разъ,
И даже, срамъ сказать, охотиться боится.
За-то на игры молодецъ,
Въ кубарь, спроси его, въ запретныя ли кости (²)...
А въ это время плутъ-отецъ
Не разбираетъ, что̀ товарищи! что̀ гости (³)?
Онъ всѣхъ обманетъ, проведетъ
Для недостойнаго наслѣдника скопляетъ,
Богатство грѣшное растетъ,
А бѣдняку еще чего-то не хватаетъ (⁴).

КЪ ВАКХУ (⁵).

Ода XXV.

Куда помчишь меня ты, полнаго тобою,
О Вакхъ? Избытокъ силъ почувствовавъ опять,

(¹) Горацій видитъ два средства уничтожить корыстолюбіе: посвятить всѣ частныя сокровища богамъ, или бросить всѣ драгоцѣнности въ море.

(²) Trochus—желѣзное кольцо, которое подгоняли палкой.

(³) Въ то время, когда сынъ проигрываетъ, отецъ, не уважая ни правъ гостепріимства, ни обязанностей въ отношеніи товарищей въ предпріятіяхъ, всѣхъ обманываетъ.

(⁴) Подобный скряга вѣчно считаетъ себя бѣднякомъ.

(⁵) Горацій написалъ оду эту въ 724 году, когда получено было извѣстіе объ акціумской побѣдѣ. Диѳирамбъ къ Вакху, здѣсь только рамка, въ которую вставлена похвала Цезарю Октавіану и, между-тѣмъ, эта рамка какъ-бы невольно дѣлается главной картиной.

Какую рощу я, иль подъ какой скалою (1)
Пещеры пѣснями стремлюся оглашать?
Чтобъ слава Цезаря сіяла межь звѣздами,
И въ свой совѣтъ Зевесъ безсмертнаго пріялъ —
Я благодарными повѣдаю устами
О томъ, чего никто доселѣ не вѣщалъ.
Такъ не смущается Тіада (2) на вершинѣ
Ѳракійской видомъ горъ въ сіяніи снѣговъ,
Какъ радуетъ меня заблудшаго въ пустынѣ
Уединенный брегъ и тишина лѣсовъ.
О мощный царь Наядъ, почившихъ надъ волнами!
Тебѣ вакханкамъ власть угодно было дать
По дебрямъ и лѣсамъ могучими руками
Деревья старыя съ корнями вырывать.
Забывъ ничтожество во вдохновеньи строгомъ,
Одно безсмертное, Леней, я назову (3) —
Такъ сладко трепетать и слѣдовать за богомъ,
Листвой зеленыхъ лозъ вѣнчающимъ главу.

КЪ ВЕНЕРѢ (4).

Ода XXVI.

Еще недавно жилъ я съ пользою для дѣвъ,
И не безъ доблести любви извѣдалъ цѣну,
Но нынѣ все свое оружье, присмирѣвъ,
Съ усталой лирой здѣсь я вѣшаю на стѣну.
Сюда, сюда скорѣй, у лѣвой стороны (5)
Венеры сложимъ все къ подножію богини (6)

---

(1) Чтобъ вполнѣ предаться вдохновенію, поэтъ ищетъ уединенія лѣсовъ.

(2) Вакханка.

(3) Леней, имя Вакха.

(4) Сообразивъ сказанное въ примѣчаніи къ III, 9, должно сочиненіе этой оды отнести къ 727 году, когда Горацій разсорился съ Хлоей. Тутъ онъ начинаетъ рѣшимостью, совершенно отказаться отъ служенія дѣвамъ, и все-таки, подъ конецъ оды, молитъ Венеру тронуть непреклонную красавицу.

(5) Лѣвая сторона у римлянъ считалась счастливой.

(6) О подобномъ посвященіи богамъ принадлежностей оставленнаго занятія см. I, 5, 14. Ломъ для разламыванія дверей, факелы для освѣщенія пути или ночныхъ пиршествъ и, наконецъ, лукъ, вѣроятно (или, лучше сказать, весьма невѣроятно) для устрашенія привратниковъ.

Ломъ, факелы и лукъ, столь годный для войны,
Громящій по ночамъ упрямыя твердыни.
О ты, которой Кипръ покоренъ и Мемфисъ,
Снѣговъ Сиѳоніи незнающій зимою [1],
Царица мощная, къ мольбамъ моимъ склонись
И тронь надмѣнную, бичемъ взмахнувши, Хлою.

КЪ ГАЛАТЕѢ [2].

Ода XXVII.

Пусть нечестивыхъ напутствуютъ крики
Суки чреватой и чибиса птицы [3],
Матерый волкъ ланувійскій и встрѣча [4]
Щенной волчицы!
Пусть имъ змѣя, какъ стрѣла, перерѣзавъ
Путь, лошаковъ остановитъ въ испугѣ!
Если жь гадать я съ душею смущенной
Стану подругѣ,
Чуткую птицу пока не загонитъ [5]
Въ топи болотныя днемъ непогожимъ —
Вѣщаго ворона прямо накличу [6]
Съ солнцемъ восхожимъ.

---

[1] Сиѳонія, область во Ѳракіи.

[2] Много было предположеній о томъ, кто именно Галатея, къ которой относится эта ода. Всего проще послѣдовать мнѣнію Оббаріуса, который считаетъ ее либертиной, измѣнившей Горацію для новаго обожателя, за которымъ она отправляется въ чужіе края на кораблѣ. Поэтъ въ напутственномъ стихотвореніи не могъ удержатся отъ ироніи. Онъ начинаетъ оду такими проклятіями нечестивымъ, что Галатея могла опасаться, не обрушились бы онѣ на нее. Но Горацій успокоиваетъ ее, повернувъ дѣло такъ, что все сказанное относится къ нечестивымъ, а Галатеѣ онъ желаетъ счастья. Далѣе, въ примѣръ бѣдствій на чужой сторонѣ, онъ приводитъ бѣгство Европы. Что ода эта написана около 730 г., доказать трудно.

[3] Собака, волкъ, змѣя, чибисъ, ворона, дятелъ — худое предзнаменованіе; воронъ — хорошее. Римскіе гадатели обращались лицомъ на полдень, такъ-что къ восходу солнца становились счастливой лѣвой стороной, а къ западу правой... Нужно было, чтобъ доброе предзнаменованіе: напр. воронъ, являлось съ Востока.

[4] Ланувій, городъ въ Лаціумѣ.

[5] Пока, почуявъ непогоду, ворона предвѣстница дождей (III, 17, 12), не полетитъ на гнѣздо.

[6] Горацій, ставъ предсказателемъ, постарается вмѣстѣ съ восходомъ солнца увидѣть ворона.

Счастья желаю тебѣ, Галатея;
Вспомни про насъ, гдѣ бы ни было, дѣва,
Пусть ни вороны, ни дятла не встрѣтитъ
Странница — слѣва.
Только смотри: Оріонъ поспѣшаетъ
Съ шумомъ къ закату; примѣты мнѣ ясны:
Адрій стемнѣлъ, а порывы Япига (¹)
Въ вёдро — опасны.
Пусть испытаютъ и жены и дѣти
Вражьи свирѣпыхъ вѣтровъ дуновенье,
Ревъ почернѣвшей волны и прибрежныхъ
Скалъ сотрясенье.
Такъ и Европа, быку-чародѣю (²)
Ношу довѣривъ роскошнаго тѣла,
Въ морѣ объята толпою чудовищъ,
Вдругъ поблѣднѣла.
Въ полѣ цвѣты собиравшая прежде
Нимфѣ въ вѣнокъ благовонія полный,
Только и видитъ при сумракѣ ночи
Звѣзды да волны.
Ставши на берегъ стограднаго Крита (³),
«О мой родитель!» она вопіяла (⁴):
«Дочери имя и честь, я въ безумный
«Часъ утеряла.
«Что̀ я и гдѣ я? Для дѣвы погибшей
«Смерть такъ легка! О моемъ преступленьи
«Слезы я лью наяву ли, иль только
«Въ ложномъ видѣньи?
«Сонъ, растворяя врата изъ слоновой (⁵)

(¹) Япигъ — западный вѣтеръ.

(²) Такъ, какъ ты ввѣряешься морю. Юпитеръ, превратясь въ быка, понесъ Европу на остр. Критъ.

(³) Критъ названъ въ «Иліадѣ» стограднымъ.

(⁴) Отецъ Европы, по Овидію и Лукіану, Агеноръ, а по другимъ—Фениксъ.

(⁵) О вратахъ сна въ «Одисеи» Жуковск. XIX, 562:

«Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновой.
Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой,
Ложны, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ».

«Кости, привелъ небывалые грёзы?
«Лучше ли волны морскія, чѣмъ въ полѣ
«Свѣжія розы?
«Еслибъ быка ненавистнаго — гнѣвной
«Мнѣ привели, я бъ его растерзала,
«Я бы чудовищу, милому прежде
«Роги сломала.
«Стыдъ позабывши, я отчихъ пенатовъ
«Бросила; стыдъ позабывши живу я.
«Боги! услышьте! и львамъ на съяденье
«Бросьте нагую.
«Пышность доколѣ ланитъ не увяла,
«Прежде чѣмъ тѣла красу потеряю,
«Пищею стройною тиграмъ достаться
«Лучше желаю.
«Что жь не умрешь ты, Европа? взываетъ
«Строгій отецъ, или духу не станетъ?
«Съ ясеня поясъ твой вѣрной петлею
«Шею затянетъ.
«Или ты смерть избираешь на острыхъ
«Камняхъ? Скорѣе же бурному року
«Ввѣрься, когда не желаешь рабыней (¹)
«Прясть по уроку.
«Царскую дочь, какъ наложницу пріиметъ
«Въ домѣ жена»... Но смѣялась, внимая
Стонамъ, Венера, и мальчикъ смѣялся,
Лукъ послабляя.
Кончивъ насмѣшки, богиня сказала:
«Бойся покорствовать гнѣвному нраву,
«Ежели роги твой быкъ ненавистный
«Дастъ на расправу.
«Ты, что Зевесъ твой супругъ, и не знала.
«Полно рыдать, будь достойна такого
«Счастья: ты имя даешь половинѣ
«Круга земнаго».

(¹) Если не желаешь быть рабыней у госпожи, которая, ревнуя тебя къ мужу, заставитъ прясть по уроку.

КЪ ЛИДѢ (1).

Ода XXVIII.

Что̀ дѣлать мнѣ въ священный день
Нептуна? Цекуба обильно (2)
Налей мнѣ Лида; что за лѣнь?
И мудрость прогони насильно.
Ужь поздно, день не будетъ ждать,
Ты жь по сію все медлишь пору,
Въ подвалѣ скрытую достать
Бибула консула амфору.
Нептуна будемъ пѣть вдвоемъ (3)
И Нереидъ зеленый волосъ;
Латонѣ съ Цинтіей потомъ (4)
Въ честь съ лирой ты сольешь свой голосъ.
Хвалу богини пой звучнѣй,
Что̀ Гнидосъ, Пафосъ и Циклады
Съ подвластныхъ видитъ лебедей —
И ночь почтить мы пѣньемъ рады.

КЪ МЕЦЕНАТУ (5).

Ода XXIX.

Потомокъ тирренскихъ царей (6)!
Вотъ бочка вина непочата,

---

(1) Эта Лида, вѣроятно, та самая пѣвица, о которой говорится (II, 11, 21). Праздникъ Нептуна (въ послѣднихъ числахъ іюля), встрѣчался обыкновенно торжествомъ подъ открытымъ небомъ. Горацій отправляется къ гости къ знакомой Лидѣ и проситъ вина.

(2) Цекубъ — извѣстное вино.

(3) Послѣ возліяній Горацій хочетъ воспѣвать Нептуна.

(4) Латону, мать Аполлона и Діаны, Цинтію (Діану), см. (I, 21, 2), Венеру, (см. I, 30, 1) и наконецъ ночь, приносящую успокоеніе.

(5) Между 722 и 725 годами, Меценатъ, во время отсутствія Октавіана, завѣдывалъ дѣлами Италіи. Горацій въ этой одѣ, приглашая своего покровителя въ Сабинъ, проситъ его оставить на-время свои трудныя государственныя занятія.

(6) Меценатъ велъ родъ свой отъ этрусскихъ (тирренскихъ) царей.

И розы, убранство полей,
И нардъ для волосъ Мецената —
Все брось. Чтò любуешься ты
На влажный Тибуръ, и у склона ([1])
На Эзулу; брось высоты
Убійцы отца Телегона.
Изъ гордыхъ чертоговъ уйди,
Гдѣ скукою роскошь томима,
И больше на дымъ не гляди
И суетность шумнаго Рима.
Случалось, когда богачи
У бѣднаго пищу вкушали
Безъ всякихъ завѣсъ изъ парчи —
Морщины у нихъ пропадали.
Отецъ Андромеды всегда ([2])
Блеститъ съ Прокіономъ не даромъ ([3]):
Ужь льва показалась звѣзда
За солнцемъ, пылающимъ жаромъ.
Ужь пастырь со стадомъ своимъ
Въ кусты убѣгаетъ отъ пыли,
Гдѣ дремлетъ Сильванъ-нелюдимъ ([4])
А вѣтры надъ рѣчкой почили.
Для гражданъ ты силишься знать
(И Рима блюститель закона):
Чтò серы готовятъ опять ([5])?
Чтò бактры и жители Дона ([6])?
Во мракѣ событій исходъ
Богъ мудро сокрылъ, и смѣется,

([1]) Изъ чертога Мецената открывался видъ на Тибуръ, на колонію Эзулу, лежащую на склонѣ между Тибуромъ и Пренестами, и на возвышенность, на которой стоялъ Тускулумъ, построенный сыномъ Одиссея и Цирцеи, Телегономъ, который прибывъ въ Итаку, по невѣдѣнію, убилъ отца своего.

([2]) Отецъ Андромеды, Цефей, царь египетскій. Созвѣздіе его восходитъ 9 іюня.

([3]) Прокіонъ восходитъ 15 іюля, а созвѣздіе льва 20 іюля, и солнце, вступивъ въ него, дѣлается необыкновенно-знойно.

([4]) Сильванъ (отъ silva) богъ лѣсовъ.

([5]) См. I, 12, 56.

([6]) Жители Бактріи, принадлежащей частью персамъ, во времена Августа, здѣсь вмѣсто самихъ персовъ.

Коль смертный, все знать напередъ
Желая, не въ мѣру мятется.
О бытѣ вседневномъ радѣй,
А прочее льется рѣкою,
То тихо средь мирныхъ полей
Стекающей въ море волною,
То мчащей средь скалъ и деревъ
И скотъ и хозяйства угодья,
И гулъ на долинахъ и ревъ
Стоитъ отъ грозы половодья.
Доволенъ, кто правитъ собой
Кто можетъ сказать ежедневно:
Я жилъ, хоть назавтра грозой
Юпитеръ надвинется гнѣвно.
Хоть солнцу дозволитъ сіять
Того не измѣнитъ нимало,
Не скажетъ тому: не бывать —
Чтò быстрое время умчало.
Фортуна привыкла шутить,
Предавшись упрямству слѣпому,
И почести любитъ дарить
Мнѣ нынче, а завтра другому.
Какъ гостью, ее я пою,
Но крылья лишь вскинетъ порою,
Я все ей, чтò взялъ, отдаю
И мудро мирюсь съ нищетою.
И чтò мнѣ, коль Африкъ съ грозой,
Коль мачта трещитъ отъ удара,
Не стану взывать я съ мольбой,
Чтобъ Кипра и Тира товара
Не вздумала бездна пожрать.
Ладью мою будутъ, безъ горя (¹),
Поллуксъ съ близнецомъ охранять
Въ бурунахъ Эгейскаго Моря.

(¹) **Горацій хочетъ сказать, что онъ не боится грознаго Африка. Онъ не купецъ, у котораго корабль нагруженъ драгоцѣнностями. Горацій говоритъ: «мою жизнь охраняютъ боги». Поэты часто сравниваютъ жизнь человѣка съ ладьей. Выбравъ морской образъ, Горацій остался ему вѣрнымъ, поручая себя Діоскурамъ (см. I, 3, 2).**

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ [1].

Ода XXX.

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою старѣйшій ходитъ жрецъ [2].
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ [3]
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ [4] народъ трудолюбивый —
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ эолійскій [5]
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

---

(1) Горацій, посвящая, въ 732 году, три первыя книги одъ Меценату, заключаетъ ихъ, въ видѣ эпилога, этой одой, въ которой онъ еще яснѣй, чѣмъ въ II, 20, говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи. Эта ода имѣла безчисленныхъ подражателей, начиная съ Проперція и кончая Пушкинымъ.

(2) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣдовательно, по понятію римлянъ, вѣчно.

(3) Берега Ауфида — родина Горація.

(4) Давнъ, первый царь Апуліи. Горацій и здѣсь земляковъ своихъ поставилъ на первомъ планѣ.

(5) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать эолійскимъ пѣвцамъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КЪ ВЕНЕРѢ (1).

Ода I.

Киприда, не воюй! О, пощади меня,
Прошу! прошу! Къ-чему тебѣ противникъ старой?
Уже не тотъ я сталъ, и нѣтъ во мнѣ огня,
Которымъ я горѣлъ предъ доброю Цинарой (2).
О мать жестокая Амуровъ! не вводи
Оцѣпенѣлаго опять во искушенье;
Вѣдь я десятый люстръ кончаю, уходи
Туда, гдѣ юношей зовутъ тебя моленья.
Ты своевременнѣй на парѣ лебедей
Домъ Павла Màксима (3) роскошный и свободный
Могла бы посѣтить, когда огонь страстей
Желаешь возбудить въ груди еще пригодной,
Затѣмъ, что знатенъ онъ, да и хорошъ лицомъ;
Начнетъ ли говорить, клiентъ его покоенъ (4),
И этотъ юноша, по ловкости во всемъ
Со знаменемъ твоимъ отважный будетъ воинъ.

---

(1) Почти десять лѣтъ спустя послѣ изданія въ свѣтъ трехъ первыхъ книгъ одъ, Августъ предложилъ Горацію воспѣть побѣды пасынковъ своихъ, Тиверія и Друза. Поэтъ, исполнивъ волю монарха, присоединилъ къ патріотическимъ стихотвореніямъ оды эротическаго содержанія и такимъ-образомъ въ 741, или 742 году составились четыре книги одъ. Эту оду Горацій написалъ въ 739 году, когда ему, какъ самъ онъ говоритъ (ст. 7), было безъ малаго 50 лѣтъ.

(2) Настоящее имя Цинары—Лалага (см. I, 22).

(3) Горацій, прося пощады у Киприды, указываетъ ей на домъ Павла Фабія Màксима, которому въ то время было 40 лѣтъ отъ-роду и котораго поэтъ, можетъ-быть, иронически называетъ юношей.

(4) Защищать клiента подобало всѣмъ знатнымъ римлянамъ.

На радости, когда имъ будетъ побѣжденъ (1)
Отъявленный богачъ, соперникъ ненавистной,
Твой ликъ, надъ Озеромъ Албанскимъ станетъ онъ (2)
Хранить изъ мрамора подъ крышей кипарисной.
Тамъ будетъ предъ тобой дымиться ѳиміамъ
И взыдутъ до тебя волнистыя куренья,
Берецентійскій рогъ наполнитъ звукомъ храмъ (3),
Сливаясь съ флейтою и пѣснями моленья.
Тамъ хоры мальчиковъ и дѣвочекъ прійдутъ,
Два раза въ день твое величье воспѣвая,
Салійской пляскою тебя они почтутъ (4),
Пятами трижды въ ладъ о землю ударяя.
..... и дѣвъ оставилъ я давно;
Взаимность возбудить надежды не питаю,
Меня не радуетъ задорное вино
И свѣжихъ на чело цвѣтовъ не возлагаю.
Зачѣмъ же, Лигуринъ, зачѣмъ, скажи, порой
Вдоль по щекѣ моей бѣжитъ слеза живая,
И неожиданно языкъ болтливый мой
Коснѣетъ, грустно рѣчь молчаньемъ прерывая?
Въ ночныхъ видѣніяхъ я образъ твой храню,
И кажется, вотъ-вотъ рукой тебя хватаешь;
То въ Полѣ Марсовомъ тебя не догоню,
То ловко ты въ волнахъ, жестокій, уплываешь.

КЪ ЮЛІЮ АНТОНІЮ (5).

Ода II.

Съ Пиндаромъ кто состязаться дерзаетъ
Юлій! крылами и долей печальной
Сходенъ съ Икаромъ, прозваніе давшимъ
    Влагѣ кристальной.

---

(1) Изъ благодарности, когда, при помощи твоей, онъ побѣдитъ соперника въ любви.

(2) Албанское Озеро, теперь: Lago di Castello.

(3) Берецентійскій рогъ (см. I, 18, 13).

(4) Пляской салійскихъ жрецовъ.

(5) Юлій Антоній, къ которому написана эта ода, былъ сынъ тріумвира М. Антонія и Фульвіи, пасынокъ Октавіи. Октавіанъ воспиталъ и любилъ его. Женясь на Марцеллѣ, дочери Октавіи, Юлій былъ преторомъ и впослѣдствіи

Горнымъ потокомъ, когда половодье
Берегъ знакомый разрушить готово,
Бурно вскипаетъ, бездонно-глубоко
Пиндара слово.
Грянетъ ли онъ въ диѳирамбѣ отважномъ,
Лавръ подобаетъ ему Аполлона;
Рѣчь его новая мчится въ размѣрахъ
Чуждыхъ закона.
Или боговъ и царей воспѣваетъ,
Или героевъ выводитъ примѣры,
Тѣхъ, что̀ сгубили центавровъ и страшный (1)
Пламень химеры (2).
Тѣхъ ли, что̀ съ пальмой элійской стяжали (3)
Славу, борца ли, коня ль именуетъ —
Болѣе лестной всѣхъ знаковъ тріумфа
Пѣснью даруетъ.
Съ слезной невѣстой ли плачетъ надъ павшимъ
Юношей, или до звѣздъ выхваляетъ
Вѣка златаго обычай — поэту
Оркъ уступаетъ (4).
Лебедь дирцейскій (5), когда онъ несется
Подъ облаками, Антоній! струею
Воздуха поднятъ могучей... Съ матинской
Сходенъ пчелою,
Пьющей на тминѣ отрадную влагу,
Въ рощѣ Тибура я, внемля журчанью
Рѣчки, съ усиліемъ пѣсни слагаю,
Малъ по призванью.
Ты громогласнѣй, поэтъ вдохновенный,
Цезаря лирой прославишь избранной,

консуломъ, но за преступную связь съ Юліей, дочерью Августа, казненъ въ 752 г. Будучи самъ поэтомъ, онъ предложилъ Горацію написать оду въ пиндарическомъ родѣ, въ честь Августа, на что̀ Горацій отвѣчаетъ ему этой одой, сочиненной въ началѣ 739 года, во время похода Августа въ Германію.

(1) Центавры, дѣти Иксіона, побѣждены Геркулесомъ и Пириѳоемъ.

(2) Побѣдитель огненной химеры, Беллерофонтъ.

(3) Элисъ въ Пелопонезѣ, гдѣ совершались олимпійскія игры. Горацій говоритъ здѣсь о пѣсняхъ въ честь побѣдителей (ἐπινικία).

(4) Оркъ считаетъ все преходящее своимъ достояніемъ, но поэтъ силою пѣсенъ даруя безсмертіе, побѣждаетъ его.

(5) Дирцейскій источникъ, протекающій близъ Ѳивъ.

Какъ онъ въ тріумфѣ уводитъ сикамбровъ ([1]),
Лавромъ вѣнчанной,
Выше и лучше котораго міру
Рокъ и безсмертные боги судили
Не посылать ничего, хоть златой бы
Вѣкъ воротили.
Дни воспоешь ты веселья, и Рима
Общія, въ радости общей, игрища ([2]),
Также предъ Августомъ смолкшій на стогнахъ
Говоръ судьбища ([3]).
Тутъ постараюсь и я, коль достойно
Пѣть возмогу, поравняться участьемъ:
«Свѣтлое солнце! сіяй (я воскликну)
«Цезарю счастьемъ».
Ты жь, о тріумфъ! лишь покажешься, всѣ мы ([4])
Вдругъ: о тріумфъ! возопивши ко храму
Міромъ пойдемъ, несть богамъ благосклоннымъ
Дань ѳиміаму.
Десять быковъ и не меньше коровъ ты ([5])
Долженъ принесть, а меня оправдаетъ
Нѣжный телецъ, что безъ матери въ полѣ
Злачномъ гуляетъ.
Сгибомъ роговъ онъ приводитъ на память
Юнаго мѣсяца обликъ прекрасный;
Тамъ же, на лбу, бѣлоснѣжная мѣтка,
Дальше онъ красный.

КЪ МЕЛЬПОМЕНѢ ([6]).

Ода III.

О Мельпомена! кто встрѣчаетъ
Родясь, твой кроткій взоръ съ его живымъ огнёмъ,

([1]) Сикамбры—германское племя, жившее на берегахъ Рейна.

([2]) Общественныя игры въ честь возвращенія Августа.

([3]) Въ торжественные дни всякое публичное разбирательство тяжебъ на площадяхъ прекращалось.

([4]) Горацій во второмъ лицѣ обращается къ тріумфу.

([5]) Ты — Юлій Антоній.

([6]) Эта ода написана, по мнѣнію Кирхнера и Вебера, въ 737 году. Въ ней Горацій увлекается чувствомъ собственнаго достоинства и благодаритъ Мельпомену, которая облекла его саномъ народнаго поэта.

Ни трудъ истмійскій не вѣнчаетъ (1)
Того въ числѣ бойцовъ, тотъ на конѣ лихомъ
И въ колесницѣ олимпійской
Не будетъ шествовать. Тому, въ концѣ войны,
Вѣнецъ стяжавшему дельфійскій,
За то, что грозные цари отражены,
Не удивится Капитолій.
Но рощи темныя и плескъ тибурскихъ водъ
Его иной украсятъ долей.
За пѣснь Эоліи онъ вѣчно не умретъ (2);
И Рима, городовъ владыки,
Младые граждане меня зачислятъ въ хоръ,
Гдѣ вѣщихъ торжествуютъ лики (3),
И зуба зависти не убоюсь съ-тѣхъ-поръ.
О Піерида! чьимъ велѣньемъ (4)
Звукъ лиры золотой волнуетъ нашу грудь,
Чья воля лебединымъ пѣньемъ
Уста нѣмыя рыбъ способна разомкнуть,
Все благость мнѣ твоя даруетъ!
Сказавши ль про меня: «Вотъ римскій нашъ гусляръ»
Перстомъ прохожій указуетъ,
Дышу ли, нравлюсь ли, коль нравлюсь — все твой даръ.

КЪ ГОРОДУ РИМУ (5).

(Похвала Друза).

Ода IV.

Какъ окрыленнаго блюстителя громовъ,
Царя надъ птицами, котораго къ побѣдамъ
Издревле пріучилъ Зевесъ, отецъ боговъ,

---

(1) Isthmus собственно: перешеекъ. Коринѳскій Перешеекъ, на которомъ праздновались истмійскія игры.

(2) См. III, 30, 13.

(3) Къ лику поэтовъ (vates).

(4) Піерида — муза (см. 4, 39).

(5) Винделики жившіе, на югъ отъ Дуная (между Боденскимъ Озеромъ, Лехомъ и Инномъ), часто вторгались въ Галлію и даже въ Италію. Августъ послалъ противъ нихъ пасынка своего Друза, который въ 739 году одержалъ надъ ними побѣду; но въ томъ же году они снова обезпокоили Галлію и Августъ нашелся вынужденнымъ выслать Тиверія на помощь брату его Друзу. Тогда

Извѣдавъ вѣрнаго надъ русымъ Ганимедомъ (¹),
Неискусившаго еще врожденныхъ силъ
Изъ отчаго гнѣзда отвага подымаетъ;
Едва исходъ весны дожди остановилъ,
А вѣтеръ ужь его ширяться научаетъ.
Онъ нерѣшителенъ, но, скоро ставъ смѣлѣй,
Среди овечьихъ стадъ стремится за ловитвой,
Потомъ кидается на раздраженныхъ змѣй,
Прельщенъ кровавою добычею и битвой...
Или какъ матерью покинутаго льва,
Родное молоко сосавшаго дотолѣ,
У коего и зубъ подросъ еще едва,
Дрожащая коза со страхомъ видитъ въ полѣ:
Такъ Друза воина, вблизи Альпійскихъ Горъ (²),
И реты видѣли въ бою и винделики...
(Откуда къ нимъ зашелъ обычай, что̀ топоръ
Имъ амазонскій далъ въ десницу вмѣсто пики?
Не стану спрашивать. Всего не должно знать),
Но тѣ, которые такъ долго побѣждали,
Отвагой юноши смиренные опять,
Въ паденьи собственномъ по опыту узнали,
Къ чему способенъ духъ того, кто съ юныхъ дней
Въ семействѣ пріученъ къ почтенію законовъ,
Что̀ Августъ, какъ отецъ, наставникъ сыновей,
Могъ въ души заронить у юношей Нероновъ.
Родятся храбрые отъ добрыхъ храбрецовъ,
Въ коровахъ и коняхъ отцовскій пылъ хранится
И отъ воинственныхъ и доблестныхъ орловъ

оба Нерона окончательно покорили винделиковъ и ретовъ и обитаемыя ими земли присоединены къ имперіи подъ именемъ Реціи. Когда получено было извѣстіе о первой побѣдѣ Друза, Горацій написалъ эту оду, въ которой отъ похвалы Друзу переходитъ къ прославленію Августа и заставляетъ величайшаго врага Рима, Аннибала, удивляться неистощимой силѣ римскаго мужества.

(¹) Горацій слѣдуетъ древнему преданію, по которому Юпитеръ послалъ своего орла за Ганимедомъ. По понятіямъ позднѣйшимъ, Юпитеръ самъ превратился въ орла.

(²) Тиверій Клавдій Неронъ, отецъ Тиверія (впослѣдствіи императора) и Друза уступилъ (715) жену свою Ливію Друзиллу, во время ея беременности Друзомъ, Октавіану. Такимъ-образомъ оба Нерона получили воспитаніе въ домѣ Октавіана, ихъ отчима и опекуна. Тиверій отличился во многихъ походахъ, а Друзъ, послѣ покоренія Реціи, отправился въ Германію и умеръ на возвратномъ пути.

Нельзя же голубю трусливому родиться.
Но воспитанье ростъ прямой даетъ умамъ,
И украшаютъ духъ благія поученья,
А гдѣ на нравственность никто не смотритъ, тамъ
Врожденное добро унизятъ преступленья.
Чѣмъ, Римъ, Нерономъ ты обязанъ, такъ тому [1]
Свидѣтелемъ Метавръ и гибель Аздрубала,
И тотъ прекрасный день [2], когда, разсѣявъ тьму,
Италіи заря святая возсіяла,
И улыбнулась намъ побѣда въ первый разъ,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ Афръ [3] владѣлъ землею италійской.
Какъ пламя по лѣсу, ходилъ онъ между насъ
И мчался, словно Эвръ, вдоль влаги сикулійской [4].
Но съ той поры уже счастливые труды
Для римскихъ юношей залогомъ силы были,
Пунійцевъ стерли мы кровавые слѣды,
И въ храмахъ свергнутыхъ боговъ возстановили [5].
Сказалъ же наконецъ коварный Аннибалъ:
«Какъ лани, ставъ волкамъ добычею кровавой,
«Мы ихъ преслѣдуемъ, а я бы почиталъ
«Ихъ только обмануть, или избѣгнуть — славой.
«Народъ воинственный, который изъ огней
«Троянскихъ, по волнамъ, средь гибели всечасной,
«Святыни древнія, и старцевъ и дѣтей
«На берегъ перенесъ Авзоніи прекрасной [6],
«Какъ дубъ на Алгидѣ [7], который топоромъ

---

(1) Въ 547 году консулъ К. Клавдій Неронъ сразился при рѣкѣ Метаврѣ (въ Этруріи) съ братомъ Аннибала, Аздрубаломъ. Аздрубалъ былъ убитъ, войско его уничтожено и Аннибалъ лишился всякой надежды восторжествовать надъ противниками.

(2) Вотъ почему Горацій называетъ эту побѣду: прекраснымъ днемъ.

(3) Афръ—африканецъ Аннибалъ.

(4) Сицилійскій Эвръ (см. I, 28, 25).

(5) Все, за этимъ слѣдующее, Горацій влагаетъ въ уста Аннибала, котораго называетъ коварнымъ, вѣроятно, за то, что онъ, вопреки обѣщанію, продолжалъ войну по взятіи Сагунта.

(6) Авзонія—Италія. Эней, родоначальникъ римлянъ, отправился изъ Трои въ Италію съ пенатами, съ престарѣлымъ отцомъ Анхизомъ и сыномъ Асканіемъ.

(7) Алгидъ—гора въ Лаціумѣ. Горацій сравниваетъ Римъ, получающій новыя силы въ самомъ пораженіи, съ деревомъ, которое еще роскошнѣе развивается, когда у него обрубятъ сучья, и съ гидрою, у которой отсѣченныя головы тотчасъ возобновлялись.

«Одинъ лишенъ вѣтвей средь сумрака лѣснова,
«Онъ въ пораженіяхъ, въ несчастьи и въ самомъ
«Мечѣ губительномъ находитъ силы снова.
«У гидры, бывшей въ трудъ Ираклу самому,
«Такъ члены сбитые опять не наростали,
«Колхійцы равнаго чудовища ему
«И эхіонскихъ Ѳивъ дружины не видали (¹).
«Топи его, еще всплываетъ краше онъ,
«Сражайся съ нимъ, онъ самъ нежданно поражаетъ
«Того, кѣмъ прежде былъ такъ часто побѣжденъ,
«И женамъ памятной побѣдою блистаетъ.
«Я въ Карѳагенъ уже надменнаго гонца
«Не буду посылать, какъ прежде. Пала, пала,
«Надежда гордая, погибло до конца
«Величье имени со смертью Аздрубала.
«Все руки Клавдія успѣютъ совершить,
«Юпитеръ ихъ хранитъ своею благодатью,
«И будетъ тонкій умъ вездѣ руководить
«Его въ опасностяхъ предъ вражескою ратью».

КЪ ЦЕЗАРЮ АВГУСТУ (²).

Ода V.

Любимый сынъ боговъ и Рима лучшій стражъ,
Давно мы ждемъ тебя. Священному собранью
Отцовъ (³) ты слово далъ быть во-время; когда жь
Вернешься ты по обѣщанью?
Пусть свѣтъ, о добрый вождь! надъ родиной взойдетъ!
Лишь только ликъ твой гдѣ народу возсіяетъ,
Какъ-будто-бы весной пріятнѣй день пойдетъ
И ярче солнце запылаетъ.

(¹) Кадмъ убилъ дракона, пожравшаго его спутниковъ. По повелѣнію Минервы, зубы чудовища были посѣяны и породили дружину, въ рядахъ которой находился Эхіонъ, помогшій Кадму выстроить Ѳивы.

(²) Въ 738 году Августъ отправился въ Галлію, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Въ это время Римъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ; ему даже воздвигли жертвенникъ въ общественномъ собраніи (curia), слѣдовательно сочиненіе этой оды должно отнести къ концу 740, или къ началу 741 года.

(³) Отцевъ народа, патриціевъ.

Какъ мать по юношѣ, которому злой Нотъ (1)
Волну карпатскую (2) заставилъ возмутиться,
Не дастъ изъ-за моря — давно сравнялся годъ —
Подъ кровъ любимый воротиться —
Бѣдняжка къ небесамъ обѣты шлетъ съ мольбой
Отъ береговъ кривыхъ лица не отвращая —
Такъ, Цезарь, ждетъ тебя всечасно край родной,
Любовью вѣрною пылая.
Затѣмъ, что бродитъ волъ покойно средь полей,
Обильные плоды Цереры край питаютъ,
И плаватель летитъ вдоль стихнувшихъ морей
И честь навѣты не пугаютъ.
Развратъ не сталъ домовъ почетныхъ осквернять,
Порокъ преслѣдуемъ законами и мнѣньемъ,
И сходствомъ чадъ своихъ гордиться можетъ мать —
А кара рядомъ съ преступленьемъ.
Про скиѳовъ и парѳянъ и знать мы не хотимъ,
Суроваго никто германца не боится:
Вѣдь Цезарь между насъ могучъ и невредимъ —
Такъ кто жь иберца устрашится (3)?
Всякъ въ виноградникѣ проводитъ день своемъ,
Къ сухому дереву побѣги лозъ склоняетъ (4)
И, отойдя къ вину, съ отрадой за столомъ,
Тебя съ богами поминаетъ.
Съ молитвой предъ тобой сливаетъ онъ фіалъ (5),
Твою божественность уподобляя ларамъ:
Такъ точно древній грекъ Кастора ублажалъ
И Геркулеса лучшимъ даромъ.
О добрый вождь! продли на долгіе года
Покой Гесперіи, и въ трезвомъ мы и въ пьяномъ (6)
Сознаньи говоримъ, съ разсвѣтомъ и когда
Почіетъ Фебъ за океаномъ.

---

(1) Нотъ см. I, 3, 13.

(2) Карпатъ см. I, 35, 8.

(3) Иберца — испанца.

(4) Лоза вьется около сухихъ деревьевъ.

(5) Взывая къ тебѣ, онъ исполняетъ обряды жертвоприношенія.

(6) Гесперія — Италія.

КЪ АПОЛЛОНУ (1).

Ода VI.

О богъ! ты отомстить хотѣлъ и предъ тобою
Весь Ніобеи родъ за злой языкъ исчезъ (2),
И Титій дерзостный, и чуть не взявшій Трою (3)
Самъ фрійскій Ахиллесъ (4),
Который всѣхъ сильнѣй, но ты ему не впору;
Хоть онъ Өетиды сынъ и славнаго отца,
Хоть башни дардановъ дрожали отъ напору (5)
Копья въ рукѣ бойца.
Какъ ель, которую сѣкира переѣла,
Какъ стройный кипарисъ, что̀ ураганъ сломилъ,
Во прахъ троянскій онъ всѣмъ вѣсомъ рухнулъ тѣло
И голову сложилъ.
Не захватилъ бы онъ, скрываясь предъ народомъ
Въ подложнаго коня Минервы, торжествомъ (6)
Некстати занятыхъ троянъ и хороводомъ
Пріама полный домъ.
Нѣтъ, явно бъ онъ вошелъ межъ плѣнныхъ и убитыхъ (7)
И горе! Лепетать несмыслящихъ дѣтей

---

(1) Въ 737 году, во время приготовленій съ столѣтнему торжеству, Августъ поручилъ Горацію написать пѣснь столѣтію (carmen seculare), которую должны были пѣть хоры мальчиковъ и дѣвочекъ. Горацій въ этой одѣ прославлаетъ могущество Аполлона и какъ-бы приготовляется исполнить лестное порученіе, которое облекаетъ его саномъ народнаго поэта.

(2) Ніобея, дочь Тантала, жена Өивскаго царя Амфіона, будучи матерью четырнадцати дѣтей, презирала Латону, у которой было только двое; за это Аполлонъ убилъ ея сыновей, а Діана дочерей, сама же Ніобея превращена Латоной въ камень.

(3) Титій см. II, 14, 8.

(4) Фтія— городъ въ Өессаліи, откуда Ахиллесъ повелъ мирмидоновъ. Мать Өетида предсказала ему, что онъ, по смерти Гектора, погибнетъ отъ стрѣлъ Аполлона.

(5) Дарданы — Троянцы.

(6) По могуществу своему, онъ не имѣетъ надобности прибѣгать къ хитростямъ, какъ Одиссей и другіе, спрятавшіеся въ деревяннаго коня, и нападать въ-расплохъ на пирующихъ троянъ.

(7) Ахиллесъ взялъ бы Трою открытой силой.

Ахейскимъ пламенемъ пожегъ бы, даже скрытыхъ
Въ утробахъ матерей,
Когда бъ киприДиной мольбою и твоею (1)
На милость положа свой гнѣвъ, отецъ боговъ
Не вздумалъ новыхъ стѣнъ указывать Энею
У дальнихъ береговъ.
О Фебъ, аргивскихъ Музъ (2) всевѣдущій учитель,
Во Ксанѳѣ моющій руно своихъ кудрей!
Камены римской будь всегдашній покровитель,
Летучій Агіей (3)!
Пріявъ отъ Феба даръ и Фебомъ наученный,
Я отъ него стяжалъ прозваніе пѣвца;
Вы, дѣвы лучшія, ты, юноша рожденный (4)
Отъ знатнаго отца —
Вы всѣ, хранимые богинею делійской (5),
Оленей на скаку чей укрощаетъ лукъ,
Старайтесь сохранять со мной размѣръ лесбійской (6)
За переборомъ рукъ.
Латоны сыну мы должны воздать хваленье
И той, чей факелъ намъ блеститъ во тьмѣ ночной;
Она несетъ плоды, и быстрыхъ лунъ склоненье
Смѣняетъ чередой.
Ты скажешь замужемъ: я небу угождала (7),
Когда столѣтіе встрѣчали торжествомъ,
Тогда и я боговъ безсмертныхъ прославляла
Съ Гораціемъ пѣвцомъ.

---

(1) Виргилій (въ Энеидѣ I, 233) разсказываетъ, какъ Венера умоляетъ Зевеса дозволить Энею основать новое государство. Аполлонъ, строитель Трои, всегда ей покровительствовалъ. По понятію Горація, Эней могъ совершить свой подвигъ не раньше смерти Ахиллеса; поэтому онъ говоритъ: «когда бъ» и прочее.

(2) Наставникъ (аргивскихъ) греческихъ музъ, будь покровителемъ римской музы.

(3) Агіей, то-есть уличный, прозваніе Аполлона, котораго изображеніе ставили на улицѣ.

(4) Дѣвы и мальчики, предназначенные пѣть въ хорахъ во время столѣтняго торжества, избирались изъ лучшихъ семействъ.

(5) Аполлонъ и Діана (покровительница несовершеннолѣтнихъ) роднлись на островѣ Делосѣ.

(6) Сапфическій размѣръ. Старайтесь слѣдовать за мной, какъ я буду перебирать руками струны.

(7) Горацій обращается къ одной изъ участвующихъ въ дѣвичьемъ хорѣ.

КЪ МАНЛІЮ ТОРКВАТУ (¹).

Ода VII.

Снѣгъ растаялъ, уже покрываются зеленью нивы,
  Свѣжимъ деревья листомъ,
Въ новой одеждѣ земля, и рѣки, спадая, минуютъ
  Быстро крутыхъ береговъ.
Грацья между сестеръ и межь Нимфъ дерзаетъ нагая
  Снова водитъ хороводъ.
Чтобъ ты безсмертія не ждалъ, поучаетъ и годъ и мгновенный
  Дня невозвратнаго часъ.
Стужу смиряетъ Зефиръ, весну проходящее лѣто
  Гонитъ, и тотчасъ за нимъ
Щедрая осень плодовъ нанесетъ, и немедля вернется
  Холодъ лѣнивой зимы.
Только небесный ущербъ исправляютъ летучія луны;
  Мы же, туда низойдя,
Гдѣ родитель Эней, гдѣ Туллъ богатый и Марцій (²)
  Въ тѣнь обратимся и прахъ.
Кто можетъ знать, захотятъ ли къ сегоднишней жизни прибавить
  Боги и завтрашній день?
Все то наслѣдника рукъ проминуетъ скупыхъ, что̀ успѣешь
  Милому другу отдать.
Только умрешь, и Миносъ надъ тобою лишь-только правдивый (³)
  Свой изречетъ приговоръ,
Ни краспорѣчье тебя не воротитъ, Торкватъ, ни порода,
  Ни благочестье твое.

(¹) Мы знаемъ, что Горацій родился во время консульства Манлія Торквата. По одному этому нельзя предполагать, чтобъ эта ода была написана къ нему. Утверждать, что она написана къ его сыну или внуку тоже невозможно. Новѣйшіе толкователи видятъ въ этомъ Манліѣ Нонія Асперната, на котораго, по словамъ Светонія, Августъ возложилъ золотую цѣпь (torques), предоставивъ ему съ потомствомъ именоваться Торкватомъ. Ноній былъ корыстолюбивъ, и Горацій старается склонить его къ безпечной жизни, указывая на неизбѣжную смерть и скупаго наслѣдника.

(²) Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій.

(³) «Одисс.» Жуковск. XI, 568.

«Въ адѣ узрѣлъ я зевесова мудраго сына Миноса;
Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ...»

Даже Діаной самой изъ подземнаго мрака стыдливый
Не возвращенъ Ипполитъ (1),
И не съумѣетъ Тезей, по пріязни, летейскія цѣпи (2)
На Пиривоѣ разбить.

КЪ ЦЕНЗОРИНУ (3)

Ода VIII.

Дарить и чашами и мѣдью дорогой,
О Цензоринъ, бы я товарищей старался;
Я бъ, подарилъ, какъ грекъ, треножникъ выписной (4),
И вѣрно даръ тебѣ не худшій бы достался,
Когда бъ я былъ богатъ и у меня работъ
Парразія, или Скопаса было много (5):
Одинъ изъ мрамора, другой возсоздаетъ
Текучей краскою то смертнаго, то бога.
Но негдѣ этого мнѣ взять, а можетъ-быть,
Несходенъ даръ такой съ наклонностью твоею.
Ты пѣсни слушать радъ, я пѣснью подарить
Могу, и оцѣнить подарокъ свой съумѣю.
Ни знаки надписей на камняхъ вѣковыхъ,
Въ которыхъ жизнь вождей усопшихъ возсіяла
Отвагой прежнею, ни ужасъ, что̀ постигъ
Въ день битвы, грознаго дотолѣ, Аннибала (6)

---

(1) Ни герои, ни боги не въ силахъ воскресить своихъ любимцевъ. Ипполитъ, сынъ Тезея, названъ стыдливымъ потому, что не уступилъ соблазнявшей его мачихѣ. Федра оклеветала его передъ Тезеемъ и Ипполитъ, проклятый отцомъ, разбитъ лошадьми.

(2) О Тезеѣ и Пиривоѣ, см. III, 4, 79. Цѣпи названы летейскими по имени Леты.

(3) Предполагаютъ, что эта ода относится къ К. Марцію Цензорину, бывшему консуломъ въ 746 лоду. Римляне около 1-го января праздновали сатурналіи въ честь древняго владычества Сатурна въ Лаціумѣ. Во время этихъ праздниковъ рабовъ сажали за столъ, а знакомые посылали другъ другу подарки. Подобнымъ подаркамъ Цензорину была, вѣроятно, со стороны Горація эта ода.

(4) Греки часто дарили красивые треножники, см. «Одис.» Жуковс. XIII, 13.

(5) Скопасъ, ваятель, родившійся, но ос. Паросѣ. Парразій — славный живописецъ, другъ Перикла.

(6) Горацій говоритъ объ ужасѣ Аннибала и карѳагенскомъ пожарѣ. Но смыслъ оды заставляетъ думать, что онъ имѣлъ въ виду картины, на которыхъ эти предметы были изображены въ честь Сципіону Африканскому.

Ни карѳагенскихъ стѣнъ предательскихъ пожаръ
. . . .
. . . .
Того, кто получилъ прозванье отъ побѣды
Надъ Африкой, до той не могутъ высоты
Вознесть, какъ Піеридъ калабрскихъ пѣснопѣнья [1],
И если рукопись умолкнетъ, что̀ бы ты
Ни сдѣлалъ добраго, не жди вознагражденья.
Чѣмъ былъ бы Иліи [2] и Марса славный сынъ,
Когда бъ о Ромулѣ изъ зависти забыли?
Умѣли же спасти Эака изъ пучинъ [3]
Аида, и брегамъ блаженнымъ посвятили
Могучія уста возвышенныхъ пѣвцовъ.
Мужей достойныхъ хвалъ у смерти исторгаетъ
Пѣснь Музы, Муза ихъ возноситъ до боговъ:
Такъ мощный Геркулесъ [4] съ Зевесомъ возсѣдаетъ.
Созвѣздье Тиндаридъ блюдетъ во тьмѣ ночной [5]
Корабль, терзаемый волною прихотливой,
И виноградною увѣнчанный листвой,
Лієй желаніямъ даетъ исходъ счастливой [6].

КЪ ЛОЛЛІЮ [7].

Ода IX.

Не думай — эта мысль обида —
Чтобъ вдохновенныя слова

---

(1) Жившій до временъ Цицерона, поэтъ Энній былъ родомъ изъ Калабріи. Горацій хочетъ сказать вообще: римскія музы.

(2) Иліи, то-есть Реи Сильвіи.

(3) Объ Эакѣ см. II, 13, 22. Горацій не разъ развиваетъ мысль, что забвеніе тоже смерть, отъ которой можетъ спасти только пѣснь музы.

(4) Геркулесъ, возсѣдающій съ Зевесомъ.

(5) Тиндариды (I, 3, 2), спасающіе плавателей и...

(6) Вакхъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ возвышенный до боговъ могуществомъ пѣснопѣвцовъ.

(7) М. Лоллій, бывшій въ 729 году преторомъ Галліи, а въ 733 году консуломъ, потерпѣлъ въ Германіи 738 года, совершенное пораженіе, но, любимый Октавіаномъ, онъ тѣмъ не менѣе въ 752 году отправленъ съ усыновленнымъ внукомъ Августа, К. Цезаремъ, для усмиренія Востока. Здѣсь, за безмѣрное корыстолюбіе, онъ былъ приговоренъ молодымъ Цезаремъ къ принятію яда. Ода эта написана, вѣроятно, послѣ 738 году, когда Лоллій вмѣстѣ съ Авгу-

Питомца звучнаго Ауфида (1)
И пѣснь не вспомнила молва.
Хотя съ Гомеромъ мы не смѣемъ
Равняться... у Каменъ съ-тѣхъ-поръ
Былъ Пиндаръ, Симонидъ съ Алкеемъ (2)
И величавый Стезихоръ (3).
Анакреоновы напѣвы
Свѣжи, какъ-будто живъ шалунъ,
И страсть у эолійской дѣвы
Живая дышетъ съ нѣжныхъ струнъ (4).
Елена не одна жь познала (5)
Въ близи любимца жаръ страстей (6),
Когда на блескъ его взирала,
На лоскъ расчесанныхъ кудрей.
Не первый Тевкръ стрѣлой Сидонской (7)
Металъ. Уже ли тяжесть узъ
Позналъ народъ лишь иліонскій?
Или достойны пѣсенъ музъ
Идоменей лишь со Сѳенеломъ (8)?
А Гекторъ? Съ Деифобомъ онъ (9)
Не первый въ увлеченьи смѣломъ
Сражался за дѣтей и женъ.
Героевъ до Агамемнона
Довольно было, но во слѣдъ
Ни сожалѣнья имъ, ни стона,

стомъ отправился въ Германію, намѣреваясь смыть стыдъ, понесенный римскимъ оружіемъ. Можетъ-быть, во время сочиненія оды, Лоллій еще не успѣлъ высказаться въ томъ отвратительномъ свѣтѣ, въ какомъ его представляетъ Тацитъ, а, можетъ-быть, Горацій смотрѣлъ на него сквозь призму своего дружескаго отношенія къ сыну его. Тѣмъ не менѣе странно слышать похвалу Лоллію изъ устъ неподкупнаго поэта.

(1) Берега Ауфиды — родина Горація.

(2) Пиндаръ, родомъ изъ Віоѳіи, пѣвецъ олимпійскихъ игръ. Симонидъ элегическій поэтъ. Алкей, см. I, 35, 5.

(3) Стезихоръ Сициліецъ — пѣвецъ войны и вождей.

(4) Сапфо, см. II, 13, 24.

(5) Не одни герои, воспѣтые поэтами, достойны были славы; но, не найдя пѣснопѣвцевъ, они умерли для потомства.

(6) Любимецъ Елены, Парисъ.

(7) Тевкръ, см. I, 7, 22, Гора Сидонъ на островѣ Критѣ, обильномъ тростникомъ, изъ котораго приготовлялись стрѣлы.

(8) Идоменей — предводитель критянъ. Сѳенелъ I, 15, 24.

(9) Деифобъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ троянцевъ.

Священный не исторгъ поэтъ.
Отъ погребенной лѣни мало
И доблесть скрытая ушла. —
Мою бы душу волновало,
Коль я бъ не пѣлъ твои дѣла,
И допустилъ, чтобъ ты, о Лоллій!
Палъ жертвой желчной клеветы ([1]),
Съ твоимъ умомъ, съ твоею волей
Прямой въ дни счастья и бѣды,
Скупцевъ противникъ постоянный
И всемогущаго сребра,
Не на годъ въ консулы избранный,
Но полонъ чести и добра;
Ты пользы не равнялъ со славой,
Дары зловредныхъ отвергалъ
Всегда съ улыбкой величавой,
И вражьи строи побѣждалъ. —
Ты правъ, счастливцемъ не считая,
Того, кто многимъ завладѣлъ;
Жить, мудро благо избирая —
Вотъ счастья истинный удѣлъ.
Кто встрѣтитъ бѣдность безъ испуга,
Кто смерть пороку предпочтетъ,
Тотъ за отечество и друга
Безъ страха съ радостью умретъ.

КЪ ЛИГУРИНУ. ([2]).

Ода X.

О не сговорчивый Киприды баловникъ,
Когда нежданный пухъ смиритъ твой гордый ликъ,
А ножницы къ кудрямъ приблизятся съ угрозой ([3])

([1]) Вѣроятно, здѣсь намекается на слухъ неблагопріятныхъ толковъ въ народѣ, по поводу понесеннаго Лолліемъ пораженія.

([2]) Эта ода, lusus poeticus (поэтическая игрушка), какъ ее называетъ Веберъ, написана въ подражаніе греческимъ образцамъ. Время ея сочиненія опредѣлить трудно. Можно предполагать, что это тотъ самый Лигуринъ, о которомъ см. IV, 1, 33.

([3]) До полученія тоги, мальчики носили длинные волосы.

И спорить цвѣтъ лица твой перестанетъ съ розой,
Увидя въ зеркалѣ увядшія черты,
Тогда, о Лигуринъ, не разъ промолвишь ты:
«Зачѣмъ у мальчика всѣ чувства не развиты,
«Иль отчего теперь не такъ свѣжи ланиты?»

КЪ ФИЛЛИДѢ [1].

Ода XI.

Есть полный у меня боченокъ превеликой
Девятилѣтняго албанскаго [2], а плесть
Вѣнки, Филлида! тамъ въ саду межь павиликой
Плюща довольно есть,
Въ которомъ такъ блестятъ волосъ твоихъ извивы.
Домъ полонъ серебра и набожно увитъ
Предъ агнцемъ жертвеннымъ, подъ вѣтвями оливы
Святой алтарь стоитъ [3].
И тамъ-и-сямъ спѣшатъ прислужники толпою
Дѣвицы, мальчики одни передъ другимъ.
Огни качаются, вершиной подвижною
Вращая черный дымъ.
Но, чтобы радость ты вкусила полной мѣрой,
Знай: Иды праздновать съ тобою наша цѣль [4],
День этотъ избранный поморскою Венерой
Раздѣлитъ намъ апрѣль [5].
Рожденья моего не такъ мнѣ память свята,
И праздника, клянусь, торжественнѣй мнѣ нѣтъ,

---

(1) Въ послѣдній разъ въ жизни, около 741 года, слѣдовательно на 52 году отъ-роду, Горацій, влюбившись въ Филлиду, приглашаетъ ее къ себѣ въ Сабинъ, отпраздновать день рожденія Мецената 13-го апрѣля. Желая совершенно покорить сердце Филлиды, поэтъ объявляетъ ей, что богатый Телефъ (не тотъ, о которомъ говорится I, 13 и III, 19) не отвѣчаетъ на любовь ея, а, напротивъ, влюбленъ въ богатую и бойкую красавицу.

(2) Албанское вино было изъ лучшихъ сортовъ.

(3) Въ домѣ не только все готово къ празднеству, но и къ жертвоприношенію, которымъ оно должно начаться.

(4) Иды (большею частью время полнолунія). Въ мартѣ, маѣ и октябрѣ 15-е число, а въ остальныхъ мѣсяцахъ 13-е.

(5) Римляне назвали мартъ именемъ родоначальника Марса, а апрѣль по имени матери Энея Венеры Афродиты отъ ἀφρόσ (пѣна).

Затѣмъ, что началась съ него у Мецената
Чреда текущихъ лѣтъ.
Къ-чему на Тѐлефа ты взоры обратила?
Тебѣ онъ не чета, и дѣвой увлеченъ
Богатой, бойкою; она его плѣнила,
И радъ оковамъ онъ.
Сгорѣвшій Фаэтонъ (1)—на что примѣра строже
Надмѣннымъ замысламъ? Еще примѣръ для насъ:
Земнаго ѣздока Беллерофонта тоже (2)
Крылатый свергъ Пегасъ.
Итакъ, къ возможному стремись всегда душою,
И выше должнаго загадывать не смѣй,
Страшась неравенства. Смѣлѣй же, другъ! съ тобою
Конецъ любви моей.
Для женщины иной пылать ужь я конечно
Не буду. Вспомни пѣснь любимую и пусть
Услышу голосъ твой отрадный. Пѣсни вѣчно
Разсѣеваютъ грусть.

КЪ ВИРГИЛІЮ (3).

Ода XII.

Ужь спутники весны, смиряющіе море
Съ востока вѣтерки прогнали паруса,
Оттаяли поля, и рѣчки на просторѣ
Безъ снѣгу тихая сіяетъ полоса,
И птичка бѣдная, стыдъ кѐкропсову дому (4)
Гнѣздо свое нося, по Итису грустить (5),

---

(1) Фаэтонъ, сынъ Солнца и Климены, выпросилъ у отца позволеніе проѣхать на огненной колесницѣ; но за самонадѣянность низвергнутъ молніей Юпитера въ рѣку По.

(2) О Беллерофонтѣ, см. III, 7, 13. Пегасъ свергнулъ Беллерофонта, захотѣвшаго вознестись на небо и видѣть, что́ дѣлаетъ Юпитеръ.

(3) Поэтъ Виргилій умеръ 735 году. Но нѣкоторые толкователи допускаютъ мысль, что эта ода, написанная при жизни автора Энеиды, позже вошла въ составъ четвертой книги. Судя по тону стихотворенія, можно охотно согласиться съ Оббаріусомъ, который считаетъ Виргилія, къ которому обращается поэтъ, придворнымъ врачомъ Нероновъ.

(4) Кекропсъ, основатель Аѳинъ.

(5) Прокна, дочь аѳинскаго царя Пандіона, обезчещенная Тереемъ, мужемъ сестры ея Филомелы, вмѣстѣ съ сестрой убила сына своего Итиса и накорми-

И плачется на то, что сластолюбцу злому,
Ѳракійскому царю никто не отомститъ.
На нѣжной муравѣ въ рожокъ пастушій трубитъ
Стражъ вскормленныхъ овецъ, бродящихъ средь полей,
И бога радуютъ, который стадо любитъ
И черные холмы Аркадіи своей (1).
Виргилій! жажда къ намъ пришла съ весной чудесной;
Но если пить каленъ ты думаешь до дна,
Богатыхъ юношей любимецъ повсемѣстный,
На благовонный нардъ смѣняй себѣ вина:
За стклянку нарда ты получишь, безъ сомнѣнья,
Боченокъ, спрятанный въ сульпійскихъ (2) погребахъ,
Способный окрылить души твоей стремленья
И горькихъ нуждъ съ нея смыть ежедневный страхъ.
Коль хочешь въ радости участвовать ты нашей,
Со вкладомъ собственнымъ скорѣе приходи (3),
Но чтобъ тебя встрѣчалъ я безвозмездно съ чашей,
Какъ въ домѣ у себя богатый, ты не жди.
Такъ не замедли же, оставь разсчетъ научной,
И вспомня о кострѣ посмертномъ между насъ —
Коль хочешь, глупости подбавь въ разсудокъ скучный...
У мѣста весело безумствовать подъ-часъ.

КЪ ЛИКѢ (4).

Ода XIII.

Лика! услышали боги меня,
Лика! услышали! ты устарѣла,
Но и старухой, безстыдница, ты
Пить да играть бы, какъ прежде, хотѣла.

ла имъ Терея. Боги, спасая сестеръ отъ преслѣдованій, превратили Прокну въ ласточку, Филомелу въ соловья, а Терея въ удода.

(1) Панъ—покровитель стадъ, особенно-чтимый въ Аркадіи, которой холмы Горацій называетъ черными, то-есть мрачными, потому-что на нихъ росли хвойныя деревья.

(2) Славные сульпійскіе погреба, впослѣдствіи погреба Гальбы.

(3) Я не могу играть роль богача, угощая всѣхъ на свой счетъ. Пусть каждый приноситъ вкладъ, а ты, Виргилій, приноси нарду.

(4) Мы видѣли (III, 10), какъ Горацій издѣвался надъ жестокостью Лики. Въ настоящей одѣ, написанной гораздо-позже, можетъ-быть около 736 г., поэтъ мститъ устарѣвшей красавицѣ злобной насмѣшкой.

Выпивъ, однакожь, Эрота къ себѣ
Пѣснью дрожащей вотще не зови ты:
Къ Хiѣ красавицѣ онъ отлетѣлъ (1),
Цитру ея полюбя и ланиты.
Вѣтренникъ дряхлыхъ не терпитъ дубовъ,
Онъ и тебя-то за то покидаетъ,
Что, при морщинахъ и черныхъ зубахъ,
Голову снѣгъ у тебя покрываетъ.
Знай же, ни Кòса пурпурная ткань (2),
Ни самоцвѣтъ, какъ бы ни былъ онъ свѣтелъ,
Лѣтъ тебѣ тѣхъ не воротятъ, что̀ разъ
День мимолетный въ таблицахъ отмѣтилъ (3).
Гдѣ же Киприда? гдѣ свѣжесть лица (4)?
Гдѣ красотой облеченное тѣло?
Что же отъ той-то, отъ той-то въ тебѣ
Нѣгой дышавшей еще уцѣлѣло?
Той, что̀ похитила сердце мое,
Сердце, плѣненное юной Цинарой (5)?
Только Цинары коротокъ былъ вѣкъ.
Ликой же, этой вороною старой
Рокъ дорожитъ, и ее охранять
На безконечные годы собрался,
Чтобъ молодёжь хохотала, глядя,
Какъ отъ свѣтильника пепелъ остался.

КЪ АВГУСТУ (6).

Ода XIV.

Какiя заботы отцовъ иль Квиритъ,
О Августъ! тебя возвеличатъ дарами?

---

(1) Голосъ старухи дрожитъ.

(2) Хiя — вымышленное имя неизвѣстной красавицы.

(3) На островѣ Кòсѣ приготовлялись чрезвычайно-легкiя и прозрачныя ткани, бывшiя преимущественно въ употребленiи у либертинъ.

(4) У римлянъ каждый день отмѣчался въ нарочно для того заведенныхъ таблицахъ (fasti).

(5) Гдѣ та красавица Лика, въ которую я былъ влюбленъ, несмотря на то, что сердце мое занято было Цинарой (см. I, 22).

(6) Послѣ побѣды Друза 739 (см. IV, 4), Августъ не только послалъ Тиверiя въ Германiю, но, по причинѣ вновь-угрожавшей войны, въ скоромъ времени

Про доблесть твою кто вѣкамъ возвѣститъ
Рѣзцомъ въ изваяньяхъ, или письменами?
Изъ всѣхъ въ поднебесной живущихъ владыкъ
Ты первый и равнаго нѣтъ во вселенной.
Недавно строптивый узналъ винделикъ ([1]),
Что̀ можешь свершить ты отвагой военной.
Вѣдь Друзъ же съ твоими войсками плѣнилъ
Могучихъ генѐвновъ, ярму непокорныхъ.
Онъ грозныя башни на Альпахъ громилъ
И билъ въ рукопашную бренновъ проворныхъ,
Не разъ обновляя отчаянный бой;
А старшій Неронъ ([2]) въ то же самое время
Къ побѣдѣ пошелъ за счастливой звѣздой
И ретовъ разсѣялъ суровое племя.
Какой у него повелительный видъ,
Когда, упоенныхъ предсмертной отвагой
Въ бою за свободу, враговъ онъ разитъ!
Какъ Австеръ, владѣющій шумною влагой,
При тучахъ разсѣянныхъ хоромъ Плеядъ ([3]),
Такъ онъ, во враждебные строи влетая,
Ихъ мучить стремительнымъ натискомъ радъ,
Коня боеваго въ огонь посылая.
Какъ быкообразный несется Ауфидъ ([4]),
Текущій въ поляхъ апулійскаго Давна ([5]),
Когда онъ, вскипѣвъ половодьемъ, грозитъ
Цвѣтущія нивы залить своенравно,

и самъ отправился усмирять могучихъ побѣдителей консула Лоллія (IV, 9). Возвратясь въ Римъ, Августъ предложилъ Горацію написать оду въ честь Тиверія и Друза; но какъ послѣдній вездѣ дѣйствовалъ совокупно съ братомъ, то поэтъ въ предлежащей одѣ (741) прославляетъ подвиги Тиверія и Друза и оканчиваетъ похвалой ихъ отчима Августа.

([1]) Винделики, генавны и бренны — племена одного и того же альпійскаго народа.

([2]) Тиверій.

([3]) Въ концѣ апрѣля съ восхожденіемъ плеядъ прекращаются дожди. Нѣтъ сомнѣнія, что Горацій хочетъ представить Австеръ во всей полнотѣ его силы, и потому должно здѣсь понимать вѣтеръ при безоблачномъ небѣ, также, какъ въ другомъ мѣстѣ (III, 27, 19). Поэтъ самъ объ этомъ говоритъ:

«А порывы Япига въ ведро ужасны.»

([4]) Могучіе потоки изображались съ рогами—признакомъ силы.

([5]) Давнъ см. III, 30, 11.

Такъ мчится на варваровъ Клавдій грозой (1) —
И панцырь желѣзный для нихъ не защитой;
Гдѣ самъ безъ урона промчится герой,
И ближній и дальній поверженъ убитый!
Ты далъ ему войско, совѣтъ и боговъ
Въ тотъ день знаменитый (2), когда отворился
И портъ предъ тобою, и стража дворцовъ
Бѣжала, и градъ Александра смирился.
Три люстра спустя, благодатный исходъ
Фортуна съ улыбкой войнѣ даровала,
И прежнюю доблесть и прежній почотъ
Желанною славою вновь увѣнчала.
Кантабръ непокорный тобой удивленъ (3)
И мидъ и индіецъ и скиѳъ отдаленный... (4)
Народъ италійскій всегда огражденъ
Тобою и Римъ повелитель вселенной.
Тобою потоки скрывающій Нилъ
И Истръ завоеванъ и Тигръ многоводный (5) —
Ты даже сѣдой Океанъ усмирилъ,
Что̀ рвется къ британцамъ (6) волною холодной,
И галлы, которымъ и смерть не страшна
Тебѣ и иберцы (7) со страхомъ внимаютъ,
И дикихъ сикамбровъ уже племена (8)
Доспѣхи бросать предъ тобой замышляютъ.

ПОХВАЛА АВГУСТУ (9).

Ода XV.

Уже я воспѣвать хотѣлъ кровавый бой
И гибель городовъ, но лирный гласъ раздался,

---

(1) Клавдій Друзъ.

(2) Черезъ 15 лѣтъ Друзъ одержалъ побѣду надъ винделиками и ретами — въ день покоренія Александріи.

(3) См. III, 8, 21.

(4) Въ 734 году парѳы возвратили Августу утраченные Крассомъ значки. Въ томъ же году индійцы просили дружескихъ отношеній. То же сдѣлали и Скиѳы·

(5) Нилъ, Истръ и Тигръ, вмѣсто Египта, Дакіи и Арменіи.

(6) См. III, 5.

(7) Испанцы.

(8) Сикамбры (см. IV, 2, 35).

(9) Посвятивъ четвертую книгу одъ, согласно желанію Августа, прославленію

И Фебъ вѣщалъ, чтобъ я съ тирренскою волной ([1])
Подъ утлымъ парусомъ бороться не пускался.
Твой вѣкъ, о Цезарь! вновь обиліемъ плодовъ
Благословилъ труды оратаевъ счастливыхъ.
Зевесу нашему вернулъ его орловъ,
Сорвавши ихъ со стѣнъ Пароянъ самолюбивыхъ.
И двери Януса Квирина затворилъ,
И обуздалъ и ввелъ въ границы духъ безчинной,
Рукою мощною пороки устрашилъ
И доблестію насъ обрадовалъ старинной.
Она-то имени латинскому дала
Почетъ, взлелѣяла великій духъ народа,
И славу римскую она-то разнесла
Отъ ложа Геспера до солнечнаго всхода.
Коль будетъ Цезарь насъ отъ бѣдствій охранять,
Ни мятежи гражданъ не повредятъ покою,
Ни гнѣвъ, который радъ всегда мечи ковать
И бѣднымъ городамъ опять грозить войною.
Ни тотъ, кто пьетъ Дунай въ высокихъ берегахъ,
Не смѣетъ нашего ослушаться закона,
Ни гетъ, ни серъ, ни персъ, нашъ закоснѣлый врагъ ([6]),
Ни тотъ, кто родился у водъ далекихъ Дона.
А мы въ рабочіе и праздничные дни,
Ліея скромнаго присѣвши за дарами,
Средь нашихъ женъ, дѣтей и нашей всей родни,
Какъ должно, помолясь сперва передъ богами,
Всѣхъ нашихъ праотцевъ, героевъ воспоемъ
Лидійской флейтою ([3]) и въ этой пѣснѣ громко
Анхиза стараго и Трою помянемъ,
Венеру и ея достойнаго потомка ([4]).

КОНЕЦЪ.

пасынковъ его, Горацій оканчиваетъ ее этимъ стихотвореніемъ, въ которомъ старается показать благотворное вліяніе на Римъ единодержавія Августа. Сочиненіе этой оды можно отнести ко времени около 742 года.

([1]) Древніе нерѣдко сравнивали поэтическій трудъ съ усиліемъ плавателя (см. IV, 14, 42).

([2]) Геты, персы, серы см. I, 12, 56.

([3]) Лидійской флейтою — гомеровой.

([4]) Анхиза, Венеру и Энея, какъ прародителей іуліанскаго рода, къ которому Августъ принадлежалъ по усыновленію.

ПОГРѢШНОСТИ.

СТР.		НАПЕЧАТАНО :	ДОЛЖНО БЫТЬ :
2	примѣчаніе (1)	непонимающимъ опасностей	напоминающій опасности.
4	прим. (3)	Квирннъ	Квиринъ
5	прим. (2)	il Monte dellahi mera	il Monte della Chimera
6		Къ Л. Сексту	Къ Л. Секстію
—	Ода IV. сти. 15.	О, Секстъ! нельзя намъ...	Нельзя намъ Секстій...
7	Ода VI. сти. 7.	Ни Одиссея бѣгъ двоякій черезъ воды	Ни бѣгъ двуличнаго Улисса черезъ воды
8	Ода VII. сти. 4.	или Ѳессалійскія	иль Ѳессалійскія
—	— пр. (1)	царя Идеменея	царя Идоменея
9	— сти. 14.	Трепетный брегъ плодовитаго сада...	Садъ орошенный ручьями, плодовый
—	— сти. 22.	однакожь все	однако же все
10	Ода VIII. сти. 6.	Галліи тѣнистой	Галліи лѣсистой
—	Ода IX. пр. (5)	Θαλαρχοσ	Θαλίαρχοσ
12	Ода X. сти. 20.	И бездны угрожаешь	И бездны угождаешь
13	Ода XII. сти. 13.	что прежде скажу изъ хваленій обычныхъ	что прежде скажу я хваленій обычныхъ
18	— пр. (2)	царь полосскій	царь пилосскій
20	— пр. (2)	ϑυοείν	ϑύειν
21	— пр. (3)	Саѳонцы	Сиѳонцы
—	— пр. (4)	βαββαρα	βασσαρα
23	Ода XXI. сти. 2.	съ мольбою	съ мольбой
24	— пр. (4)	въ 773 году,	въ 733 году,
27	— пр. (7)	Орпунтъ	Опунтъ
31	— пр. (1)	Прейтъ	Прейсъ
—	— пр. (7)	Gavigliano	Garigliano
32	— пр. (5)	Анакреонъ	Анакреономъ
33	— сти. 7.	Полоя пойдетъ	Полоя падетъ
—	Ода XXXIV. сти. 5.	Юпитеръ	Діеспитеръ
38	— пр. (4)	sultiles	sutiles
46	— сти. 17.	въ забвеньи	въ забвеніи
—	— пр. (2)	Galoso,	Galaso,
48	Ода VIII. сти. 5.	Я бъ вѣрилъ богамъ. Но	Я бы вѣрилъ. Но
62	— пр. (2)	(ευ οι)	(ευ ὁι)
64	Ода XX. сти. 18.	мавровъ	Марзовъ
68	Ода II. пр. (1)	(см. IX, 763)	(см. Энеид. IX, 763)
71	Ода III. пр. (8)	вспомнивъ	вспомнилъ
72	Ода IV. пр. (5)	Полестрина	Палестрина

СТР.		НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
74	Ода IV. пр. (1)	сына Ифимедея	сына Ифимедеи
76	— пр. (2)	Въ подлинникѣ сказано: и т. д.	этого примѣчанія не нужно
79	— пр. (4)	Орика	Орикъ
83	Ода X. сти. 15.	оказалъ гречанкѣ предложенье	оказалъ Гречанкѣ предпочтенье
—	— сти. 16.	не пощади	но пощади
86	Ода XII. сти. 6.	его плѣнилъ	тебя плѣнилъ
88	Ода XIV. пр. 5.	Эл Лепиды	Эм. Лепида
89	Ода XV. сти. 11.	по неводѣ ей	по неволѣ ей
—	Ода XVI. сти. 3.	казалось бы, могла	казалось бы могли
—	— пр. (3)	укращать ее	украшаться
90	— сти. 42.	магданскія	мигдонскія
—	— пр. (6)	Мигданіи	Мигдоніи
102	Ода XXVII. сти. 19.	Япига	Япиги
—	— пр. (1)	Япигъ	Япига
114	Ода IV. сти. 37.	Нерономъ	Неронамъ
117	Ода VI. сти. 11.	тѣло	тѣла
119	Ода VII. сти. 7.	безсмертія	безсмертья
122	Ода IX. пр. (1)	Ауфиды	Ауфида
126	Ода XII. сти. 11.	радуютъ	радуетъ

Стр.		Напечатано	Должно быть
74	Отд. IV пр. (1)	[illegible]	[illegible]
76	— пр. (1)	[illegible]	[illegible]
79	— пр. (1)	[illegible]	[illegible]
83	Отд. X стр. 15	[illegible]	[illegible]
—	— стр. 14	[illegible]	[illegible]
86	Отд. XII стр. 8	[illegible]	[illegible]
88	Отд. XIV пр. 6	[illegible]	[illegible]
89	Отд. XV стр. 11	[illegible]	[illegible]
—	Отд. XVI стр. 8	[illegible]	[illegible]
—	— пр. (1)	[illegible]	[illegible]
90	— [illegible]	[illegible]	[illegible]
—	— пр. (1)	[illegible]	[illegible]
102	Отд. XXVII стр. 15	[illegible]	[illegible]
—	— пр. (1)	[illegible]	[illegible]
114	Отд. V стр. 27	[illegible]	[illegible]
117	Отд. VI стр. 11	[illegible]	[illegible]
119	Отд. VII стр. 2	[illegible]	[illegible]
123	Отд. IX пр. (1)	[illegible]	[illegible]
125	Отд. XI стр. 11	[illegible]	[illegible]